

ISSN 1562-1391

**ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

№ 1/УА (1). 2009

**JOURNAL OF PHILOLOGY
URAL-ALTAIC STUDIES**

No 1/UA (1). 2009

ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РАН

МОСКВА

ISSN 1562-1391

Journal of Philology

Scientific Journal

№ 1/UA (31) 2009

Established in 1999
Published thrice a year

**Founded by
the Institute of Foreign Languages**

**Edited jointly with
the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
&
Russian Academy of Linguistics**

Editors-in-Chief

E.F. Volodarskaya
Institute
of Foreign Languages
Russian Academy of Linguistics

V.A. Vinogradov
Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
Russian Academy of Linguistics

Deputy Editor-in-Chief
V.Yu. Mikhailchenko

Executive Editors

I.G. Sorokina

T.B. Kryuchkova

Editorial Board

Vyach.Vs. Ivanov, A.B. Kudelin, Yu.S. Stepanov, E.P. Chelyshev, Yu.L. Vorotnikov,
V.M. Alpatov, T.V. Balashova, V.Z. Demyankov, M.I. Isayev, E.S. Kubryakova, M.V. Oreshkina, M.L. Remnyova, N.N. Semenyuk,
I.P. Tarasova, M.Ya. Tsvilling, I.I. Chelysheva, J. Roberts (Great Britain)

Moscow

© Institute of Foreign Languages, 2009
© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2009
© Russian Academy of Linguistics, 2009

Вопросы филологии

научный журнал

№ 1/УА (31) 2009

Основан в 1999 г.
Выходит три раза в год

Учредитель
Институт иностранных языков

Издается совместно с Институтом языкознания
Российской академии наук

и
Российской академией лингвистических наук

Главные редакторы

Э.Ф. Володарская
Институт иностранных языков
Российская академия лингвистических наук

В.А. Виноградов
Институт языкознания РАН
Российская академия лингвистических наук

Заместитель главного редактора
В.Ю. Михальченко

Ответственные секретари

И.Г. Сорокина

Т.Б. Крючкова

Редакционная коллегия
Вяч.Вс. Иванов, А.Б. Куделин, Ю.С. Степанов, Е.П. Чельшев, Ю.Л. Воротников,
В.М. Алпатов, Т.В. Балашова, В.З. Демьянков, М.И. Исаев, Е.С. Кубрякова, М.В. Орешкина, М.Л. Ремнева, Н.Н. Семенюк,
И.П. Тарасова, М.Я. Цвиллинг, И.И. Чельшева, Дж. Робертс (Великобритания)

Москва

Journal of Philology Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1/UA (1) 2009

Established in 2009
Published twice a year

Editor-in-Chief
A. V. Dybo
Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences

Deputy Editor-in-Chief
Yu. V. Normanskaja

Executive Editors
I. A. Gruntov, V. Yu. Gusev

Editorial Board
G. F. Blagova, P. P. Dambueva, A. I. Kuznecova, O. A. Mudrak, S. A. Myznikov, I. A. Nikolaeva (Great Britain), F. Sh. Nurieva,
G. C. Pyurbeev, M. Robbeets (Belgium/Germany), I. Ya. Selyutina, R. A. Tadinova, Z. N. Ekba

Advisory Board
V. M. Alpatov, A. E. Anikin, R. G. Ahmet'yanov, M. Bakró-Nagy (Hungary), V. Blažek (Czech Republic), N. I. Egorov,
M. Erdal (Germany), T. M. Garipov, F. G. Hisamitdinova, L. Honti (Hungary), I. V. Kormushin, I. L. Kyzlasov, J. Laakso (Austria),
K. M. Musaev, D. M. Nasilov, I. A. Nevskaya (Germany), T. Riese (Austria), K. Schönig (Germany), N. N. Shirobokova,
E. K. Skribnik (Germany), P. A. Slepcev, M. Stachowski (Poland)

Moscow

© Institute of Foreign Languages, 2009
© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2009
© Russian Academy of Linguistics, 2009

Вопросы филологии

Серия Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1/УА (1) 2009

Основан в 2009 г.

Выходит два раза в год

Главный редактор

А. В. Дыбо

Институт языкознания РАН

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

Ответственные секретари

И. А. Грунтов, В. Ю. Гусев

Редакционная коллегия

Г. Ф. Благова, П. П. Дамбуева, А. И. Кузнецова, О. А. Мудрак, С. А. Мызников, И. А. Николаева (Великобритания),
Ф. Ш. Нуриева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Роббеетс (Бельгия/Германия), И. Я. Селютина, Р. А. Тадинова, З. Н. Экба

Редакционный совет

В. М. Алпатов, А. Е. Аникин, Р. Г. Ахметьянов, М. Бакро-Надь (Венгрия), В. Блажек (Чехия), Т. М. Гарипов, Н. И. Егоров,
И. В. Кормушин, И. Л. Кызласов, Й. Лааксо (Австрия), К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, И. А. Невская (Германия),
Т. Ризе (Австрия), Е. К. Скрибник (Германия), П. А. Слепцов, М. Стаховски (Польша), Ф. Г. Хисамитдинова,
Л. Хонти (Венгрия), К. Шониг (Германия), Н. Н. Широбокова, М. Эрдаль (Германия)

Москва

© Институт иностранных языков, 2009

© Институт языкознания Российской академии наук, 2009

© Российская академия лингвистических наук, 2009

CONTENTS

No 1 (1) 2009

От редакции	9
Editorial note	11
Václav Blažek. Koguryo and Altaic. On the role of Koguryo and other Old Korean idioms in the Altaic etymology	13
Wu Yingzhe. A brief discussion on the vowel attachment in the Khitan Small Script	26
Oksana Dobzhanskaja. The music of shamanistic rite as a language system (on the example of Samoyed languages).....	31
Nikolett Mus. The question-words in Tundra Nenets. I. The <i>nominal</i> question words	43
Julia Normanskaja, Nadezhda Krasikova. Some reasons of the semantic changes (on the material of genesis and development of the verbs of swimming in Selkup language)	49
Martine Robbeets. Insubordination in Altaic	61
Pavel Rykin. Structural analysis of the system of kinship terms in Middle Mongolian.....	80
P. Sleptsov. The words күөх, таһара, халлаан in Yakut	92
Olga Titova. Harness denominations in southern dialects of Udmurt language	96
Nikolai Urtegeshev, Iraida Selyutina, Gulmira Esenbaeva, Tatiana Ryzhikova, Albina Dobrinina. UUPT and IPA phonetic transcription standards: the system of correlations	100
PERSONALIA	
Liya Sergeevna Levitskaya	116

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (1) 2009

От редакции	9
Editorial note	11
В. Блажек. Язык когурё и алтайский. О роли когурёского и других корейских идиомов в алтайской этимологии	13
Ву Инжэ. Краткое замечание о подставных гласных в малом киданьском письме	26
О. Э. Добжанская. Музыка шаманского обряда как языковая система (на примере самодийских языков).....	31
Н. Мус. Вопросительные слова в тундровом диалекте ненецкого языка. I. Вопросительные слова — существительные.....	43
Ю. В. Норманская, Н. Л. Красикова. Некоторые причины семантических изменений (на материале генезиса и развития системы глаголов плавания в селькупском языке).....	49
М. Роббеетс. Insubordination in Altaic.....	61
П. О. Рыкин. Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке	80
П. А. Слепцов. О словах <i>куөх</i> , <i>тангара</i> , <i>халлаан</i> в якутском языке	92
О. В. Титова. О наименованиях принадлежностей снаряжения упряжного коня в южно-удмуртских говорах	96
Н. С. Уртегешев, И. Я. Селютина, Т. А. Эсенбаева, Т. Р. Рыжикова, А. А. Добринина. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий	100
PERSONALIA	
Лия Сергеевна Левитская	116

От редакции

Решение о создании новой серии журнала «Вопросы филологии» — «Урало-алтайские исследования» (частота выпуска — два раза в год), было принято во время конференции «Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология» (4-7 июня 2009 года, Москва). Важность создания этого журнала стала очевидной после очередной сессии PIAC, проходившей на территории Внутренней Монголии, на которой оказались очень хорошо представлены исследования по алтайским языкам и письменностям, проводящиеся в КНР и на Тайване. На этих двух мероприятиях, наконец, встретились люди, зачастую сильно продвинувшие свою личную область исследования, но чрезвычайно слабо осведомленные об общем положении дел в изучении уральских и алтайских языков и о роде занятий друг друга. Обе встречи были весьма плодотворны и продемонстрировали необходимость существования журнала, доступного всем.

Действительно, и в таких авторитетных старых изданиях как *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*, *Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica*, *Ural-Altäische Jahrbücher* (издатель — Урало-алтайское общество, *Societas Uralo-Altaica*), *Finnisch-ugrische Forschungen*, и в относительно новых, но уже зарекомендовавших себя журналах, как, например, *International Journal of Central Asia Studies*, *Finnisch-ugrische Mitteilungen*, довольно редко встречаются статьи авторов из России, особенно из российских регионов.

Хотя российские ученые активно занимаются полевой работой, описанием языков, разрабатывают уникальные методики лингвистического анализа, их научные труды, опубликованные часто небольшими тиражами, распространяются в большинстве случаев только в том городе, где работает автор, иногда и вовсе не поступают в продажу, а пылятся в запасниках институтов. Все эти исследования оказываются недоступными не только иностранным коллегам, но часто и ученым из других российских городов.

Аналогичная ситуация складывается и с результатами европейских, американских и китайских исследований. Последние 15—20 лет в российские библиотеки фактически не поступают зарубежные журналы и книги. Ученые имеют доступ к информации, опубликованной за пределами России, только благодаря личным связям — получая в подарок отписки и монографии от зарубежных коллег, или во время командировок, копируя в западных библиотеках нужную им литературу.

Мы надеемся, что создание нашего журнала позволит хоть в какой-то степени элиминировать эту информационную лакуну. Во-первых, «Вопросы филологии. Серия Урало-алтайские исследования» — это единственный российский специализированный журнал по алтайским и уральским языкам, включенный в списки рецензируемых журналов ВАК для защиты докторских и кандидатских диссертаций по филологии. Поэтому, уже собирая статьи для первых номеров журнала, мы почувствовали заинтересованность российских ученых в публикации своих работ в этом издании.

Во-вторых, около половины членов редколлегии и редсовета — это ведущие зарубежные специалисты по уральским и алтайским языкам. Мы надеемся также на активное участие их учеников и последователей в функционировании журнала.

Наш журнал ориентирован, прежде всего, на интересы лингвистов — специалистов по языкам уральской и алтайской общностей. Мы рассчитываем, что нам удастся привлечь в качестве авторов и тех историков, этнографов, литературоведов (а также представителей других наук), которые заинтересованы в обмене информацией с лингвистами.

Проблема обмена информацией, конечно, близко соприкасается вообще с проблемой научного уровня публикуемых статей.

Следуя примеру редколлегии *International Journal of Central Asia Studies*, сообщаем, что решение о принятии статьи в печать принимается на основании оценок (от 1 до 5), проставленных двумя независимыми рецензентами по четырем параметрам:

- 1) Критерий «научная новизна»: статья должна содержать либо представительный объем нового материала, собранного автором в полевых исследованиях, либо изложение новых результатов по интерпретации уже существующего материала. Возможна публикация обзора, при условии, что в нем присутствует изложение авторского взгляда. Исключается перепечатка собственных статей. Статья должна более, чем на треть, состоять из изложения новой, ранее неопубликованной на данном языке, информации (то есть, если статья была ранее опубликована на национальном языке, например, татарском, возможна повторная ее публикация в журнале по-русски или по-английски).
- 2) Критерий «знакомство с литературой вопроса»: статья должна по возможности

учитывать не только теоретические и описательные работы, относящиеся к рассматриваемому вопросу в исследуемом языке, но и достижения в этой области, сделанные на материале других языков мира. Например, если описываются глубинно-семантические падежи в марийском языке, то продуктивным решением будет учитывать не только аналогичные описания, сделанные для финно-угорских языков, но и результаты, уже полученные в отношении глубинных падежей на материале английского, русского и других европейских языков. Другой пример: сравнительно-историческое или историко-семантическое исследование должно учитывать данные всех авторитетных этимологических словарей по анализируемому языку.

3) Критерий «научная ценность».

4) Критерий «достоинства изложения».

Если оценки по двум последним параметрам носят экспертный характер, то два первых критерия вполне проверяемы и объективны, поэтому мы попытались изложить выше их содержание. Мы рассчитываем выдерживать эти критерии при отборе статей в наш журнал. Однако если явное незнание автора с литературой не мешает редколлегии и выбранным ею рецензентам видеть в присланной работе определенные достоинства, редколлегия оставляет за собой право предложить автору переработать статью, введя в исследование результаты предшественников. Учитывая сложную ситуацию с научной литературой во многих российских и зарубежных городах, редколлегия готова предоставлять будущим авторам имеющи-

еся у нее сведения по возможностям поиска этой литературы. В частности, довольно много полезных библиографических единиц можно загрузить с сайта «Monumenta Altaica» И. А. Грунтова, ответственного секретаря редколлегии, <http://altaica.ru>.

Помимо публикации научных статей, в журнале планируется еще ряд рубрик (не обязательно в каждом номере):

Раздел «Дискуссия». Работа и комментарии к ней помещаются в этот раздел в двух случаях: 1) если у члена редколлегии, редсовета или рецензента возникли содержательные комментарии к какой-то из рекомендованных к публикации статей, 2) если такие комментарии возникли у кого-то из специалистов, ознакомившихся с уже опубликованной статьей. Комментарии принимаются в печать после успешного прохождения обычной процедуры рецензирования.

В разделе «Personalia» публикуется информация, касающаяся видных специалистов, имеющих отношение к тематике журнала.

В разделе «Хроника» публикуется информация о конференциях, конгрессах и симпозиумах, имеющих отношение к тематике журнала.

В разделе «Рецензии» планируется публиковать рецензии на книги, опубликованные за последние 10 лет и имеющие отношение к тематике журнала.

Принимаются статьи на русском, английском и немецком языке. В случае, если автор не является носителем языка, на котором написана подаваемая им статья, он должен проверить язык статьи с носителем этого языка.

Редколлегия

Editorial note

The decision to create a new semi-annual series “Ural-Altai Studies” within “Journal of Philology” was made during the conference “Historical Linguistics. Altaistics. Turcology” (June 4—7 2009, Moscow).

The importance of such a journal became evident after one of the PIAC sessions, which took place in Inner Mongolia. The research on Altaic languages and writing systems done in China and on Taiwan was very well represented in this conference.

Many researchers, who have made a lot of progress in their specific field of study, but didn't have a good picture of the general situation in the study of Uralic and Altaic languages and didn't know very well the works of each other, have finally met during these two conferences.

These meetings were rather fruitful and showed the necessity of a journal accessible for everyone.

Indeed, we very rarely see papers by Russian authors, especially authors from the provinces, in such established journals as *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaiica*, *Mitteilungen der Societas Uralo-Altaiica*, *Ural-Altaiische Jahrbücher* (published by Societas Uralo-Altaiica), *Finnisch-ugrische Forschungen*, and in relatively new, but already reputable journals, such as *International Journal of Central Asia Studies*, *Finnisch-ugrische Mitteilungen*,

Although, Russian researchers are extensively involved in field work, language description, and they develop unique methods of linguistic analysis, their scientific papers are often published in small numbers, and distributed only in the town or city, where the author lives, and sometimes are not distributed at all, but are collected in institute's store-rooms. Interesting and valuable results become inaccessible not only for foreign scholars, but even for researchers from other cities and towns.

The situation with the accessibility of works by European, American and Chinese researchers for Russian scholars is similar. During the last 15—20 years Russian libraries don't receive books and journals from abroad. Researchers get access to foreign research only through personal connections; they receive reprints and monographs as gifts or make copies of necessary literature in the libraries during their trips abroad.

We hope that creation of our journal will help to eliminate this information gap. For one thing, “Issues in Philology. Ural-Altai Studies” is the only Russian journal on Altaic and Uralic languages reviewed by the State Commission for Academic Degrees and Titles. Collecting papers for the first issue of the journal,

we felt that Russian scholars are very eager to publish their work in this journal.

Secondly, about half of editorial board and advisory board are leading foreign specialists in Uralic and Altaic languages. We also hope that their students and followers will be actively participating in the life of the journal.

Our journal is aimed primarily for linguists, specialists in the languages of Uralic and Altaic groups. But we hope to also attract those authors, specialists in history, ethnography and theory of literature (and other areas), who are interested in information exchange with linguists.

The problem of information exchange is, certainly, very close to the general question of scientific level of published papers.

Following the example of *Journal of Central Asia Studies*' editorial board, we inform that the decision to publish a certain paper is based on the marks (from 1 to 5) given by two independent reviewers on four criteria:

- 1) Criterion of “scientific novelty”: the paper must contain a representative amount of new material, collected by the author during field work or presentation of new results in interpretation of already collected material. Publication of a review is possible if such review contains author's point of view. Republication of one's own papers is not permitted. More than one third of information in a paper must be published for the first time in a certain language (i.e., if a paper was published previously in a national language, Tatar for instance, its subsequent publication in the journal in Russian or English is permitted).
- 2) Criterion “acquaintance with the literature on the question”: the paper should take into account not only theoretical and descriptive works bearing relation to the problem in the studied language, but also achievements on similar issues in other world languages. For example, if we have a study of deep cases in Mari language, it would be useful to account for works on deep case in English, Russian and other European languages, as well as similar research on Finno-Ugric languages. Another example: comparative or historical semantic research should account for the data in all established etymological dictionaries of the languages being analyzed.
- 3) Criterion of “scientific value.”
- 4) Criterion “value of presentment.”

If the two latter criteria require expert evaluation, the first two are more objective and verifiable; therefore, we have explained their meaning in more detail.

We plan to maintain these criteria, when selecting works for our journal. But if, regardless of knowledge of the literature, reviewers do find certain value in the work, editorial staff reserves the right to offer the author to elaborate his or her work. With regard to the difficult situation with scientific literature in modern Russia, editorial staff will gladly help authors find necessary publications. In particular, many important and useful works can be downloaded from “Monumenta Altaica” website (<http://altaica.ru>), created and maintained by I. Grountov, executive secretary of editorial board.

Besides publication of scientific papers, we plan several other sections in the journal (not necessarily in every issue).

“Discussion” section. The work with comments on it can be placed in this section in two cases: 1) if

any editor or reviewer has substantial comments on one of the papers selected for publication, 2) If a specialist in the field wants to share such comments after reading a published paper. Comments have to go through a regular reviewing procedure.

In the “Personalia” section we publish information about prominent specialists, whose work is related to the topics of the journal.

In the “Current Events” section we will announce conferences, congresses and symposiums thematically relevant to the journal.

In the “Reviews” section we plan to publish reviews of books on relevant subjects published during the last 10 years.

We accept papers in Russian, English, and German languages. If the author is not a native speaker of the language, he or she has to have the paper proof-read by a native speaker.

Editorial staff

Koguryo and Altaic

On the role of Koguryo and other Old Korean idioms in the Altaic etymology

There were at least three various language areas on the Korean Peninsula in the 1st millennium A.D. They were named according to the old kingdoms: Silla in the Southeast, Paekche in the Southwest and Koguryo in the North, including South Manchuria. The language of Koguryo seems to be the closest relative of Japanese, the languages of Paekche and Silla were apparently the closest relatives of one another. Silla is an immediate predecessor of Middle Korean. So, the etymological study of the relics of these languages, although their identification is sometimes difficult (cf. [Robbeets 2007]), is extraordinary important in any research in the field of linguistic prehistory of the Far East. The purpose of the present contribution is to summarize the most promising reconstructions of Koguryo, and particularly also Paekche (plus, exceptionally, Silla) lexical data, to compare them with their cognates in other Altaic languages. The main source of the reconstructed Koguryo lexical data is the most recent monograph of Christopher I. Beckwith ([Beckwith 2007], further B), occasionally the reconstructions of Itabashi and other scholars are added. Beckwith has collected the richest set of the Koguryo lexemes which were published till the present time. His material really confirms that the closest relative of Koguryo is Japanese, not Korean. From this point of view, the Koguryo language may be interpreted only as 'old Korean', i.e. in a geographical sense. On the other hand, Beckwith does not accept the genetic relationship between Japanese-Koguryo and Korean or Altaic at all, explaining all similarities via convergent processes. In spite of his skepticism, his material offers a unique occasion to demonstrate that the Koguryo-Altaic links are significantly stronger than it was documented earlier. The present study brings Koguryo data into Altaic context, includes Silla and Paekche material, discusses them, and thus initiates a reevaluation of the present views. The Altaic comparanda are chosen especially from the three-volume compendium of Starostin, Dybo & Mudrak (EDAL), usually supplemented by references to [Robbeets 2005] (= R) for her careful comments and healthy criticism. Occasionally the other important lexica are used too, e.g. VEWT & ESTJ, KW, TMS, SKE & PKE etc. The result of c. 90 Koguryo lexemes with more or less probable Altaic cognates from the total number of c. 150 collected by Beckwith and Itabashi seems quite promising for a positive conclusion concerning the Altaic affiliation of Koguryo.

A. Koguryo lexicon

The following examples of Koguryo words are reconstructed especially on the basis of the glossed toponyms collected in the chronicle *Samguk Sagi*, A.D. 1145.

A.1. Koguryo lexemes with Altaic parallels

1. OK ****ha** : **γ^way* [廻] 'foot (足)' — OJ ***a** [安] id., and derivatives as ***asi** [阿斯] id. (B 120).

Alt: Tg ***(x)ajū** 'knucklebone' (TMS I, 23). In EDAL (292—93) it is derived from Alt ***ǎlčā** 'knucklebone; foot': Tg + Mong ***(h)alčū** id. + Tk ***(i)al(č)uk** 'id., ankle joint' + pJ ***āsī** 'foot' > OJ **asi**, in compounds *a-*.

Note: In Tg there are two forms, differentiated in both TMS and EDAL: (i) ***(x)ajū-(kān)** (TMS I, 23: Ewenki, Solon), (ii) ***(x)alčū-kān** (TMS I, 34: Negidal, Oroch, Ulcha, Nanai, Manchu), while Dybo [Dybo1988: 124] connected them together. In EDAL 85, the reflex of the Altaic cluster ***-lč-** is double in Tungusic, i.e. ***l ~ *j**, without specific conditions (discussed in R 470—71).

2. OK ****haiṗ** : ***aiṗ** [押] / ***γap** / ***γap** [盒] 'west (西)' (B 120: OK + OJ **yama** 'darkness', but it is derived from Alt ***žīma** 'dark, quiet' > ?Mong ***žim** 'calmness, quietness' || MKor **čjāmīr-** 'to become dark' || pJ ***dāmūi** > OJ **yami** [也未] 'darkness' (see EDAL 1537; R 937—38).

There are other alternatives:

(i) Alt ***žip^u** 'evening, darkness': Tg ***žip-ku-** 'to dusk' || pJ ***dupu** > OJ **yupu** 'evening' (EDAL 1538; R 950).

(ii) Alt ***ipe ~ *iape** 'cold, winter': Tg ***iba-ksa** 'frazil' || Mong ***ebül** 'winter' (EDAL 589).

3. AK ***γapma** [蓋馬] 'great mountains (大山)' > ***γaṗ(m)** > OK ****haiṗ** : ***aiṗ** [押] / ***γaiṗ** [峽] / ***kaṗ** [岬] / ***-ap** 'high mountain, crag, peak (嶽 ~ 岳)' (B 121: AK + OJ **yama** [夜麻] 'mountain'; cf. R 937 on cognates of OJ).

Alt ***ōp^V** 'hill, heap of stones': Mong ***obuṗa** 'heap of stones, grave hill' || Tk ***ōpuṗ** 'rough, uneven ground' (EDAL 1059).

Note: B 121 also connects OK ****haiṗ** : ***aiṗ** [押] 'cave, cavern, hole (穴)', ***aiṗ** [押] 'tube (管)' with OK ****haiṗ** : ***aiṗ** [押] 'high mountain', so 'a hole in a mountain'?

4. OK ****i** : **yi* [伊] ‘to enter (入)’ — OJ **ir-* / **yir-* [伊礼] id. (B 121: *-r-* should correspond with the OJ verbal formative *-ra*).

Alt **ire* ‘to come, enter’: Tg **ī-* ‘to enter’ || Mong **ire-* ‘to come’ || Tk **ēr-* ‘to reach, pass’ || Koguryo *i-* ‘to enter’ (after Lee) || pJ **ítá-r-* ‘to reach’ (EDAL 590; R 564—65; pJ **ír-* ‘to enter’ is preferred as corresponding to Kor *tír-* id.).

5. OK ****i** : **yi* [伊] ‘breeze, wind (風)’ — ? (B 121). Cf. Tg **iža* ‘wind’ (TMS I, 298).

6. OK ****kaip** : **kaip* [甲] / **kaipi* / **kaippi* [甲比] ‘cave, cavern, hole(穴)’ — OJ **kapi* [賀比 ~ 可比] ‘gorge, gap between mountains (峽)’ (B 123).

Alt: Mong: WrMong *gaba* ‘Ritze, Spalt, Riss’ (KW 147; cf. VEWT 215). In EDAL 655, pJ **kápi* ‘valley between mountains’ is compared with Tg **keber-* ‘plain, steppe, meadow’ || Mong **keyere* ‘steppe, desert’ < Alt **kébà(rV)* ‘field, steppe’, but the semantic correspondence is rather vague. Cf. also R 577.

7. OK ****akey** : **akey* [加支] ‘leek-blossom (菁)’ — OJ **ka* [加] ‘scent, odor (香)’ + **ki* [支] ‘onion (葱)’ (B 123).

Alt **giaŋu* ‘wild onion’: Tg **guŋur* ‘garlic’ || Tk **gEmürgen* ‘wild onion or garlic’ || pJ **k(u)i* ‘sp. of onion or garlic’ (EDAL 549; R 616).

Note: Alternatively Mong **gogu-* ‘sp. of wild leek’ (EDAL 563) could be taken in account.

8. OK ****kami** : **kammi* [甘弥] ‘vulture (鷲)’ (B 123).

Cf. Kor *kamagui* ‘crow, raven’, from Kor *ķem-* : *kam-* ‘black’ (SKE 91) < MKor *kām-*, *kām-* ‘black’ and other forms from №14.

9. OK ****kan** : **kən* [根] ‘head’ — OJ **ka-* in **kabu* [加夫] ‘head (頭)’ < **ka-n-pu*, **kaube* [加字倍] < **kau-n-pe*, **kapo* [可抱] ‘face’ (B 123).

Alt **k’amp’a* ‘top (of head)’: Tg **kiama/*kiapa* ‘temple, face’ || Tk **K(i)amak/*K(i)apak* ‘forehead, front part’ || MKor *kámá* ‘crown of head’ || pJ **kám(p)-* ‘top, head’ (EDAL 687—88; R 573, 587).

Note: Maybe related is AK ****ka** : **ka* [加] ‘tribal chief, official, minister (官 · 相)’, cf. Silla ****ka** / ****kan** [干] ‘subordinate ruler’ — OJ **ka-* ‘head’, cf. OK **kan* ‘head’ (B 122).

10. OK ****kati** : **kati* / **katsi* [加知] ‘east (東)’ — OJ **kasi* / **katsi* in **pimukatsi* [比牟加之] ‘east’, cf. OJ **kəti* / **koti* ‘east wind (東風)’ (B 124: perhaps from **ka* + **-ti* / **-si* ‘wind’).

Alt **k’ədò* ‘wind, fog’: Tg **xedün* ‘wind’ || Mong **küdeŋ* ‘fog, mist’ || Tk **Kad* ‘wind, whirlwind’ || pJ **kəti* ‘East wind’ (EDAL 771—72; R 643).

11. OK ****kəwm** : **kəwŋ(m)-* [功(木)] ‘bear (熊)’ — OJ **kuma* [久末] id. (B 124; Itabashi 2003: 144; Koguryo *kum ~ kun* [功木] = **kom ~ *kuŋmu* id. by Vovin 1986: 100); cf. also Paekche *koma* ‘bear’ (Lee 1977: 41) = **koma ~ *kuma* ‘bear’ (Vovin 1986: 101).

Alt **kiǎmù* ‘beaver; bear’: Tg **kuma* ‘seal’ || Tk **Kama* ‘beaver, otter’ || MKor *kōm* ‘bear’ || pJ **kùmà* ‘bear’ (EDAL 688; R 652).

12. OK ****key** : **key* [皆] / *ke* ‘king (王)’, cf. OK ****makrikey** [莫離支] ‘regent’, lit. ‘true king’ — AJ **key* in **keymi* [雞弥] ‘king's wife (王妻)’, OJ **ki* in **kimi* [岐美] ‘lord, ruler (君 · 主)’, **kimu-* [支无] ‘prince, duke (公)’; cf. Puyo-Paekche **key/*ki* ‘king’ (B 124—25: perhaps all from MCh **gai/*ge*: ‘king’ < OCh [Baxter 1992: 796] **gra* or [Starostin 1989: 561] **g(h)rā*).

Alt **k’iōŋi* ‘head of clan’: Tg **(x)uŋ-* ‘head (of clan, kin), chief’ || Tk **K(i)ay* ‘father’ || MKor *kù’i* ‘office, officer’ || pJ **kimi* ‘lord’ (EDAL 807; R 618).

Note: Related may be OK ****key** : **key* [支] / **yey* [兮] ‘military, martial (武)’, or cf. OK ****kír** ‘brave’ (B 125).

13. OK ****keyr** : **keylir* [皆尸] ‘canine tooth (牙)’ — OJ **ki* [岐] ‘canine tooth (牙)’ (B 125).

Alt **k’iüŋe* ‘palate, jaw’: Tg **xükte* ‘tooth’ || ?Mong **köyemej* ‘throat, pharynx’ || Tk **Kögme* ‘gum of tooth’ || MKor *kəhüm* ‘jaw’ || pJ **k(ü)i* ‘fang’ (EDAL 815; R 614).

Note: The final *-r* / *-lir* appears also in OK ****kür** / ****kír** : **külir* / **kälir* [居尸] ‘heart (心)’ (B 128) — it probably represents the marker of the paired body parts (cf. EDAL 220).

14. OK ***kəmur** [今勿] ‘black (黑)’, cf. Silla *kəmur* [今勿] id. ([Itabashi 2003: 142]; B 166—67: OK **kim(m)ur* [今勿]; he expresses doubts concerning the meaning ‘black’).

Alt **k’ume* ‘black; coal’: Turkic **kömür* ‘coal’ || MKor *kām-*, *kām-* ‘black’ || Koguryo (Miller) **kāmul* id. (EDAL 852).

15. OK ***ki** / ***kü** [去] ‘poplar, willow (楊)’ (B 125—26: OK + OJ **kī* / **ki* [紀] ‘tree, wood’ or its allomorph in compounds **kü* [許] id., but it is better compatible with OK ****kír** : **kīn* [斤] ~ ****kír** : **kīnir* [斤乙] ~ ****key** / **yey* ‘tree, wood (木)’).

Alt **kiba* ‘sp. of a foliage tree’: Tg **kibē* ‘birch bark’ || Tk **Kibak* / **Kabak* ‘white poplar, willow’ || pJ **kàpài* or **kàpia* ‘sp. of a cypress, Thuja’ > OJ *kap(j)e* (EDAL 676; R 574); or alternatively Alt **k’ibà* ‘ash tree’: Tg **xiba-gda-* ‘ash tree’ || Mong **küjir-* > Khalkha *xüjrs* id. || Tk **Kebrüč* ‘ash tree, hornbeam’ || pJ **kápìaru(n)tai* ‘sp. of maple’ (EDAL 786—87; R 575).

16. OK ****kír** : ***kínlir** [斤尸] ‘marks, streaks, letter, writing (文)’ — ? (B 126).

Alt ***gèrè(bV)** ‘word, name, witness’: Tg ***gerbū** ‘name’ || Mong ***gere(-ye)** ‘witness, agreement’ || Tk ***ger-tū** ‘true, truth’ || MKor **kír** ‘poetry, letter’; Koguryo ***kīl** (after Lee) || pJ ***kàtə** ‘word, speech’ (EDAL 542; R 643—44).

17. OK ****kír** : ***kín** [斤] ~ ****kír** : ***kínir** [斤尸] ~ ****key** / ***yey** [聆] ‘tree, wood (木)’ — OJ ***kī** / ***ki** [紀] ‘tree’ (B 126).

Alt **k’ilo** ‘stem, stalk’: Tg ***xila-** ‘blossom’ || Mong ***kīlgana** ‘meadowgrass’ || Tk ***Kīl-ga(n)** ‘beard (of grain), awn’ || MKor **kīrī(h)** ‘stump, stubble’ || pJ ***kəi**, OJ **ki** ‘tree’ (EDAL 790; R 613—14).

18. AK ****kor** : ***kwan** [灌] ‘front (前)’ (B 126: AK + NJ **kao** ‘face’ < OJ ***kapaw** : ***ka** ‘head?’).

Alt ***k’iōŋa** ‘nose’: Tg ***xoŋa-** ‘nose, front part’ || Mong ***kamar** ‘nose’, ***kaŋsiyar** / ***koŋsiyar** ‘beek, nose’ || Tk ***K(i)aŋ-(īr)** ‘nose, beak, snout’ || MKor **kó** : **kóh-** ‘nose’ || pJ ***kan-k-** ‘to smell’ (EDAL 806—07; R 576—77).

19. AK ****kōr** : ***kwen** [涓] ‘right (右)’ — OJ ***miki** ‘right’ is not clear (B 126—27 thinks about a correspondence in NJ **ko-** ‘this, previous’ < OJ ***kō** / ***kū** [許] < pJ ***koi** — see B 143 and seeks support in AK ****zwin** : ***zwin** [順] ‘left (左)’ vs. NJ **so** ‘that’ < OJ ***zew** [曾]).

Cf. WrMong **qoyur** ‘right in the middle; among themselves’ (Lessing 1960: 953) < ***kowr**?

20. OK ****kur** : ***guli** [仇史] ‘pine (松)’ (B 252), perhaps also OK ****ku** : ***gu** [仇] ‘pine (松)’ (B 127: OK + OJ ***kī** / ***kū** [許] ‘tree’ in compounds; he also mentions OK ***kī** / ***kū** [去] ‘poplar, willow (楊)').

Alt ***kōru**: OJ **kūrī** ‘chestnut’ || MKor **kārái** ‘wild walnut’ || Tg ***kuri** ‘cone, nut’ (R 659), or alternatively Alt ***k’olV** / ***k’ulV** (~ ***-L-**): Tg ***xola-** ‘oak’ || MKor **kur-pam** ‘acorn’ (EDAL 836).

21. OK ****ku** : ***gu** [仇] ‘child (童 ~ 童子)’ — OJ ***kō** [古] > NJ **ko** ‘child (子 ~ 兒)’ (B 127; cf. [Itabashi 2003], K+OJ+Ewenki).

Alt ***kūŋi**: Tg ***kuŋā** ‘child(hood)’ || Mong ***kōw-yūn**, ***kewken** ‘child, son’ || Tk ***gūŋ** ‘female slave’ || pJ ***kua** ‘child’ (EDAL 742; R 627).

22. AK ****kweru** / ***kweylu** [桂婁] ‘yellow (黃)’ > OK ***kuər** [骨] id. — NJ **ki-** ‘yellow’ < OJ ****kī** / ***gyi** [岐] id., in compounds NJ **ko-** < OJ ***kō** [古], implying pre-OJ ***kui** / **koi** (B 127).

Alt ***k’ūli** ‘yellow, brown, grey’: Mong ***kūjilen** ‘grey, bluish’ || Tk ***Kula** ‘light yellow, brown’ (EDAL 849; R 614).

23. AK ****kuru** / ***kulu** [溝瀆] ‘walled city, fort (城)’ > OK ****kuər** : ***kuər** [骨] / ***xuər** [忽] id.; cf. Paekche ***kīrī** ‘treasury’; MKor **kiri** id. ([Vovin 1986: 101]: Paekche + MKor + OJ) — OJ ***kura** ‘storehouse, treasury’ (B 127—28).

Alt ***kuri** ‘fence, enclosure, building’: Tg ***kori** ‘frame, blockhouse’ || Mong ***kūrijen** ‘enclosure’ || Tk ***Kur-** ‘to erect (a building)’ || pJ ***kuru-wa** ‘fortress embankment’ (EDAL 746; R 657).

Note: Related may also be OK ****kír** : ***kín** [斤] ‘mound; ruins of a city (墟)’, cf. Puyo-Paekche ***kī** [己] ‘walled city, fort (城)’ (B 126).

24. OK ****kuər** : ***kuərlir** [骨尸] ‘rotten (朽)’ — OJ ***kut-** ‘to rot (腐)’, ***kukur-** ‘to die (崩)’; cf. NJ **kuso** ‘dung’, **kusa** ‘smelly’, **kusaru** ‘to rot’, **kuchiru** id. (B 128; cf. R 666).

Alt ***gūt’ù**: Tg ***gutu-** ‘to disgrace’ || Mong ***gut-** ‘to deteriorate’ || Tk ***Kūtur** ‘mad, enraged’ (EDAL 576; R 669).

Note: In EDAL 748 pJ ***kūsà-** ‘foul, stinking’ is compared with MKor **kūsì-** ‘odorous’ || Tg ***kušu** ‘touchwood, dandruff, soot’.

25. OK ****kuərhiy** : ***kuəriy** [骨衣] ‘wilderness, wasteland (荒)’, cf. OK ****kuər** : ***kuərlir** [骨尸] ‘rotten (朽)’ (B 128).

Note: [Itabashi 2003: 144] compares it with MKor **kəcul-** [荒] and Paekche **koərcer** [荒] ‘to be rough’.

26. OK ****kuərtsi** : ***xuərtsi** [忽次] / ***kuair** [串] / ***kōtsi** [古次] ‘mouth (口)’ — NJ **kuchi** < OJ ***kuti** [久知] / ***kutō-** [久都] < pre-OJ **kutui** ‘mouth’ (B 128; he speculates about a borrowing from Chinese — cf. OCh ***k’ôp** [Starostin 1989: 560] or ***kh(r)o?** ‘mouth’ [Baxter 1992: 771] < ***kor** [kor]?).

Alt ***kiác’ù** ‘hole; mouth’: Tg ***kuči-n** ‘well; dimples’ || Tk ***kĒčir** ‘trachea, cartilage’ || Koguryo **lxučel** ‘mouth’ || pJ ***kūti** ‘mouth’ (EDAL 682; R 667—68).

27. OK ****kūr** / ****kír** : ***kūlir** / ***kīlir** [居尸] ‘heart (心)’ — NJ **kokoro** < OJ ***kīkīrī** / ***kūkūrū** [許許呂] ‘heart’; one of several reduplicated body-part terms in Japanese (B 128; [Itabashi 2003: 143]: OK ***kor** [居尸] ‘heart; mind (心)').

Alt ***k’ōk’è** ‘breast; heart’: Tg ***xuku-n** / ***kuku-n** ‘breast’ || Mong ***kōkōn** ‘breast, nipple’ || Tk ***gōkūr** & ***Kōkrek** ‘breast, chest’ || MKor **kokāi-** ‘heart of wood, pith, core’ || pJ ***kākārə** ‘heart’ (EDAL 713—14; R 633). Let us mention the final ***-r**, perhaps the specific suffix of the paired body parts (EDAL 220), occurring also in Turkic ***gōkūr** and Old Japanese **kokoro**.

28. OK ****kutsi** : ***gutsi** [仇次] ‘solid, thick; honest, sincere (敦)’ : OJ ***kō** [古] ‘thick, dense’ (B 129).

?Alt **kušV* ‘intestine’: Tg **kuči* / **kuši* ‘large intestine, sausage’ || Mong **kos*, **koskinag* ‘large intestine, colon, rectum’ (EDAL 749).

29. OK ***kōšiy* : **kōiy* [古衣] ‘swan / Cygnus bewicki (鵠)’ — NJ *kugui* ‘swan (鵠)’ < OJ **kukupi* [久久比] the source of OJ **-pi* is uncertain (B 129).

Alt **kūgú* ‘swan’: Tg **kūku* ‘swan’ || Tk **Kugu* id. || MKor **kōhài* ‘heron’ || pJ **kùkùpí* ‘swan’ (EDAL 733; R 652; cf. [Itabashi 2003: 144]).

30. OK **ma* ‘arm’ [Itabashi 2003: 158].

Alt **māna* ‘hand, paw’: Tg **maña* ‘paw (o an animal)’ || Tk **bāñ-* ‘sole of foot’ (EDAL 902: Tg + Tk) || Korean *mān* ‘hand’, *mandi-* ‘fingern, mit den Händen betasten’, *man dilda* ‘arbeiten’ (PKE 105—06; KED: ‘to make, to manufacture’).

31. OK ***mawr* : **mawir* [毛乙] ‘round, circle (圓)’ — J *maru* ‘round (thing), circle’, *mawaru* ‘to turn around’ (B 129).

Alt **múra* ‘round; to turn’: Tg **murV-* ‘to walk round; round’ || Mong **murui* ‘curve’ || Tk **bur(a)-* ‘to twist, wind round’ || Korean *muri* ‘halo, ring around the sun or moon’ || pJ **márə* ‘round’ (EDAL 956; R 680).

32. OK ***meru* : *miärō* [滅烏] ‘colt (駒)’ — OJ **uma* [宇麼] ‘horse (馬)’; cf. OCh and other parallels (B 129—30; [Itabashi 2003: 146]).

Alt **mórV* ‘horse’: Tg **murin* ‘horse’ || Mong **mori(n)* id. || ?k **bura* ‘soul of a sacrificial animal (horse)’ || MKor *mār* ‘horse’ (EDAL 945).

33. OK ***mey* : **mey* [買] ‘water (水); river (川)’ — OJ **mi* [美] ‘water (水)’ (B 130). Add Silla *mur* [忽] ‘river, water (水)’ [Itabashi 2003: 146—47].

Alt **miüri* ‘water’: Tg **mū* ‘water’ || Mong **mören* ‘river’ || MKor *mír* ‘water’ || pJ **mi(-n-tú)* ‘water’ || cf. Tk **jag-mur* ‘rain’ = ‘falling *water’ (EDAL 935—36; cf. R 688).

34. AK ***meyn* : **miayn* [明] / **məwn* [蒙] > OK ***mey* : **mey* [買] ‘excellent, good (善)’ / ***mew* : **muw* [牟] id. — OJ **mi* [美] ‘exalted, honored (御)’ (B 130—31).

Alt: Tk **bāj* ‘rich, noble; many, numerous’ (VEWT 56; EDAL 340—41 otherwise).

35. OK ***meyr* : **meylir* [買尸] ‘garlic (蒜)’ — OJ **mira* / **miray* [美良] ‘leeks, Chinese chives, fragrant-flowered garlic (葷), shallot, scallion (薤)’ (B 131).

Alt **ménrV* ‘garlic, onion’: Tg: Oroch *mengulike* ‘sp. of an edible grass-like plant’ || Mong **maŋgir*, *maŋgina* ‘wild onion, ramson’ || MKor *mānár* ‘garlic’ || Koguryo **mail* (Lee) || pJ **mirà* ‘onion’ (EDAL 912; R 690).

36. OK **miŋ* [仍] ‘female (陰)’ — OJ **mi* [美 ~ 彌] / **me* / **mey* [賣] / **mina* ‘woman, female’ (B 131; cf. R 686).

Ramstedt (SKE 147) connected Kor + Solon *bəneŋ* ‘brother or sister of my wife’, cf. MKor *mjənāri* ‘daughter-in-law’ (cf. EDAL 896) and Tg **bener* ‘younger relative-in-law’ (TMS I, 125; cf. EDAL 339). In PKE 110 he explained *-āri* in the MKor form as the diminutive suffix and added the comparison of J *me* ‘woman’, Ryukyu *mi* id.

Note: Cf. also the compounds OK ***miŋkīr* : **miŋkīn* [仍斤] ‘scholar tree / Sophora japonica (槐)’ < **miŋ* [仍] ‘female (陰)?’ + ***kīr* ‘tree’ (B 131) — see №17; and OK ***miŋpar* : **miŋbuar* [仍伐] ‘grain (穀)’, cf. OK ***par* : **palir* [波尸] ‘second growth paddy rice’ — OJ **par-* [波里] ‘to open up a new rice paddy (墾)’ (B 131).

37. OK **mir* [密] ‘three (三)’; cf. Silla **mir* ‘3’ [Itabashi 2003: 147] — OJ **mi* [彌] id. (B 132).

In EDAL (pp. 1032—33; cf. also R 692) pJ **mi-* ‘3’ is compared with Mongolian **gu(rban)* ‘3’ and Turkic **otur* ‘30’ or **üč* ~ **öč* ‘3’ and all is derived from pAltaic **ŋ[iu]*. With the same probability it is possible to connect Japanese, Koguryo and Silla numerals with Mongolian, all derivable from **ŋiur-*. Compatible is also MKor *nirkop* ‘7’, analyzed a ‘three bent’ by Ramstedt (SKE 77, 124, 167; cf. also [Blažek 1999: 131]). Interesting is Korean *tuə* ‘some few’, traditionally derived from ‘two or three’ (SKE 275). Vovin [Vovin 1993: 252, 256] reconstructs the MKor starting point as **two.ñe(h)*, implying **ñe(h)* = ‘3’.

38. OK **mur* [勿] ‘roof-beam, bridge (梁)’ (B 132: OK + NJ *mune* ‘roof-ridge beam (棟)’ < OJ **mune* [牟年 ~ 牟禰], homonymous with OJ **mune* ‘breast’); cf. Silla **murih* ‘mountain’ (Lee 1977, 80).

Alt **múro* ‘tree, forest’: Tg **mō* ‘tree’ || Mong **modu* ‘tree’ || MKor *mòró*, *mōi* : *mōih* ‘mountain, wood, forest’ || pJ **mári* > OJ *m(w)ori* ‘forest’ (EDAL 956; R 700).

Note: Interesting is Kor dial. (Casöng & Kanggye regions) *muthu* ‘tree’ (PKE 118: Kor + Mong).

39. OK ***na* : **na* / **nay* [奈] ‘bamboo (竹)’ — OJ **nō* / **nəy* / **nəŋ* [能] ‘arrow bamboo, bamboo used for making arrows (笑 · 箭竹 · 矢)’ and NJ *shino* < OJ **sino* / **sinō* [斯奴] / **tšinay* [志乃] ‘small bamboo (小竹), a kind of bamboo (篠)’, plus *-nai* in NJ *shinay* ‘bamboo sword’ (B 132).

Alt: Tg **nawi* ‘pole, rod’ (TMS I, 578) || ?Tk **jāj* ‘bow’ (VEWT 186: from **jān*). Cf. EDAL 960; R 735.

40. OK ***na* : **naw* [惱] / **nəy* [內] ‘land, earth (壤)’, **nəy* [乃] ‘province, prefecture (州)’; cf. Paekche **na* ~ **ra* ‘earth’ [Vovin 1986: 101] — OJ **na-* [那] in **nawi* [那為] ‘earthquake (地震)’, maybe NJ

suna ‘sand’; cf. also OK **nō* [奴 ~ 弩] ‘land, earth (壤)’ (B 132).

Alt **nālV* ‘earth, land’: Tg **nā* ‘earth’ || Mong **nala-* ‘extensive, wide’ || Tk **jalay* ‘field, steppe’ || MKor *nàráh* ‘country’ (EDAL 962; R 714).

Note: Related can be OK ***na* : **na* [那] / **nəy* [耐] ‘in, inside (内)’ — OJ **na* [那] ‘inside, middle (中)’, **naka* / **nayka* [奈加] ‘inside, middle (中)’ (B 132—33).

41. OK ***nair* : **n^wair* [内乙] ‘sand (沙)’; cf. Paekche **nari* ‘river’, Silla **na* id., MKor *nāi* : *nāih-* ‘river’ < OKor **nari* (Kôno) or **narik* ([Lee 1977: 80]; see B 15, 133: OK ***na* ‘land, earth’ + OK ***^wir* ‘well, spring’ — NJ *suna* ‘sand’ < OJ **su* [須] ‘sand (沙), sandbank’ + unattested **na-*, known from the compound **nawī* ‘earthquake’).

Alt **najV(rV)* ‘lake, river’: Tg **niāru* ‘lake, swamp’ || Mong **nayur* ‘lake’ || MKor *nāi* (*nāih-*) ‘river’ (EDAL 961; OK & Silla data support the reconstruction **najVrV* as only satisfactory).

42. OK ***namey* : **n^wəymey* [内米] ‘rough water [such as below a waterfall] (瀑池)’; cf. Paekche **namu* ~ **nami* ‘sea’ [Vovin 1986: 101] — OJ **nami* [那美] ‘wave (波)’ (B 133).

Alt **lāmò* ‘sea, wave’: Tg **lāmu* ‘sea, wave’ || Mong **namug* ‘marsh, swamp’ || pJ **nāmī* ‘wave’ || Koguryo (Lee) **nuami* ‘pond, sea’ (EDAL 866—67; R 719—20).

43. OK ***namey* : **n^wəymey* [内米] ‘long (長)’ — OJ **naga* / **naya* [那賀] / **nā^gga* [那我] ‘long (長)’ (B 133: root **na-*; [Martin 1987: 836]: *naga* < **nanka*).

Alt **niombu* ‘thin’: Tg **nem(i)-* ‘thin’, **niambu-* ‘thin, lean’ || Mong **nimgen* ‘thin’ (EDAL 989; in EDAL 1035—36 and R 716, pJ **nānkà-* ‘long’ is compared with MKor *nāri-* ‘to be extended’ || Tg **gōli-* ‘long’ || Mong **nolig* ‘long, boring’ || Tk **ula-* ‘to extend, prolong’.

Note: semantic dispersion ‘long’ vs. ‘thin’ has analogy in Greek μακρός ‘long, big, high, deep, thin, distant’, μακεδνός ‘tall, thin’ vs. Latin *macer* ‘thin, lean’, Old High German *magar* id.

44. OK ***namur* : **nəymur* [乃勿] ‘lead [metal] (鉛)’ — OJ **namari* [奈万利] id. (B 133). Cf. also early MKor (13th cent.) **namər*, late MKor (15th cent.) & NKor *nap* ‘lead’ [Lee 1977: 96, 115; Itabashi 2003: 147—48; Miller 1979: 8].

Alt **niālpá* ‘lead’: Tg **nāiban* ‘tin’ || pJ **nāmári* ‘lead, tin’ < **nāpan-*[r]i || Koguryo (Miller) **naimul* (EDAL 985; R 719).

45. OK **nan* [難] ‘seven (七)’, with the genitive-attributive suff. ***nan-ir* : **nan-in* [難隱] — OJ **nana* / **naynay* [那那 ~ 奈奈] id. (B 133).

In EDAL 959—60, Alt **nad[i]* ‘7’ is reconstructed on the basis of Tg **nadan* || ?Mong **dal-* < **lad-* || Tk **jetti* || MKor *nirkúp*; Koguryo **nanən* (Lee) || pJ **nana-*; cf. also R 720. On its internal structure — see [Blažek 1999: 124].

46. OK **nō* [奴 ~ 弩] ‘land, earth (壤)’ — NJ *no* < OJ **nō* [努 ~ 弩] / **nəy* / **nəy* [能] ‘land, field, moor, plain (野)’; cf. OK ***na* [内] ‘land, earth (壤)’ (B 133).

Alt **niānu* / **ηlānu*: Tg **ηuji* / **ηoji(-ka)* ‘place of hunting or fishing’ || Mong **nintug* / **nuntug* ‘grazing place’ || Tk **(i)ajir* ‘stubble-field’ || MKor *nón* ‘rice-field’ || pJ **nūa* ‘field’ (EDAL 988).

47. OK **pa* [波] ‘sea (海)’ — OJ **pa-* in **pama* [波麻] ‘seashore, beach (浜 · 水際)’, analyzable as **pa* ‘sea’ + **ma* ‘place’; (B 134: OJ **wata* [和多] ‘sea (海)’ cannot be directly related for phonetic reasons; [Itabashi 2003: 149] adds Koguryo **patan* [波旦] ‘ocean (海)’; cf. also Silla **patər* ‘sea’ — see Lee 1977, 80).

Alt **bétà* / **pédà* ‘sea; ford’: Tg **pedē-* ‘to ford, cross over’ || MKor *pátá*, *pàràr* ‘sea’ || pJ **bátá* ‘sea’ (EDAL 340; R 932).

48. OK ***pahiy* : **paiiy* [巴衣] / **paiy* [波衣] / **payey* [波兮] ‘cliff (巖), mountain (山); crag (岳), precipice (峴)’ (B 253) = OK **paⁱy* [巴衣 / 波衣] ~ **payey* [波兮] ‘cliff (巖), rock (岩), precipice (峴)’ ([Itabashi 2003: 149]; he adds Nivx *pax* [石]) = OK **paxe* / **paⁱ* ‘rock’ [Lee 1977: 38].

Alt **pāko* ‘rock, cliff’: Tg **pākta* ‘hill, precipice, sand bank’ || MKor *pāhōi* ‘rock’ || pJ **pāki* ‘steep rock’ (EDAL 1074; R 490).

49. OK **paⁱ* [巴] ‘male person, man (夫)’ (B 134).

Alt **bēje* ‘man; self, body’: Tg **beje* ‘person, man’ || Mong **beje* ‘body, person, self’ || pJ **bà* > OJ *wo* ‘male’ (EDAL 335; R 764).

50. OK **paik* [伯] ‘to encounter, meet (遇 ~ 逢 ~ 迎)’ (B 134) = OK **paik* [伯] / **pak-* id. ([Itabashi 2003: 149]; OK + Tg + Tk).

Alt **bāka* ‘to look, watch’: Tg **baKa-* ‘to find, obtain’ || Tk **bak-* ‘to look, watch’ || MKor **pò-* ‘to see’ || pJ **bākàr-* ‘to understand’ > OJ *wakar-* (EDAL 323; R 927—28).

51. OK ***piar* : **piar* / **biar* [別] ‘level, flat (平)’ — OJ **pira* [比良] ‘id.’, **pirō* [比呂] ‘wide, broad, vast (廣)’ (B 134).

Alt **bār[i]* ‘wide, thick’: Tg **baru-n* ‘thick, full’ || Mong **bar-* ‘broad and thick’ || Tk **bArík* ‘thick, stout’ || MKor *pār* ‘fathom’ || pJ **pirà-* ‘wide; fathom’ (EDAL 330) = **pirō* / **pilū* [比呂] ‘wide, broad, vast (廣)’, OJ **piro* ‘fathom (尋)’ (B 135); or alternatively Alt **p’āla*: Tg **pāla-n* ‘meadow, open ground’ ||

Tk **ala-ŋ/-n* ‘level ground, plain’ || MKor *phári* ‘fields, meadows’ || pJ **pàrà* ‘level ground, plain’ (EDAL 1120; R 520).

Note: Maybe is related OK ***piar* : **piar* / **biar* [別] ‘-fold, times; layer (重)’ — OJ **pe* / **biay* [幣] ‘-fold, times; layer (重)’ < pJ **pia* / **pira*; cf. also OK ***pirar* : **piliar* / **biliar* [比烈] ‘shallow (淺)’ (B 134).

52. OK ***piar* : **piarli* / **biarli* [別史] ‘apart, separate (分)’ — NJ *he* id. < OJ **pe* [蔽] < pJ **pia* / **pira* (B 134).

Alt **p’āji[l-]* ‘part’: Tg **pā* ‘part’ || Mong **hejil-* ‘to separate’ || pJ **pia* ‘part’ (EDAL 1120; R 770).

Note: Liquids in OK and Mong confirm that the protoform should be reconstructed with **-l-* or this **-l-* represent an old extension.

53. OK **p̄y* [非] ‘soybean (大豆)’ — ? (B 135).

Alt **ibè* ~ **ipè* ‘grain’: Tg **ibi-* ‘to pick out seeds’ || Tk **ebin* ‘grain, seed’ || MKor **pjá* ‘rice plant, grain of rice’ || pJ **ipi* ‘boiled rice, boiled grains’ (EDAL 578; R 552).

54. OK ***p̄y* : **p̄y* [不] ~ ***m̄b̄y* : **m̄y* [未] ‘country, nation (國)’, **p̄y* [非] ‘commandery (郡)’, **p̄y* [非] ‘Puyo [扶餘], name of a kingdom, people, and language related to Koguryo — pre-OJ **pi* / **bi* ‘country’, continuing in NJ *hina* ‘countryside; remote place’ (B 135) < pJ **pina* (cf. EDAL 1162; R 518—19).

Alt **baja* ~ **biaja* ‘place; to be located’: Tg **bia* & **biagun* ‘place, earth’ || Mong **baji-* ‘to stand’ (EDAL 322), or less probably Alt **biogo* ‘place’: Tg **biga* ‘field, steppe’ || Mong **buji-* ‘far off; unpopulated’ || pJ **pia* ‘room, place, surroundings’ > OJ *pje* (EDAL 348; R 513).

55. OK ***por* [伐]: **puruk* [伐力] / **ibor* [伊伐] / **ipur* [伊火] ‘green (绿)’ || MKor *puru-* ‘green (绿)’ ([Itabashi 2003: 139]: OK+MKor).

Alt **bořV* ‘grey’: Mong **boro* ‘grey’ || Tk **boř* ~ **bōř* ‘grey’ (EDAL 376).

56. OK ***puk* : **buk* [伏] ‘deep (深)’ — OJ **pōka-* [布可] ‘deep (深)’ (B 135; [Itabashi 2003: 150]).

Alt **pōki* ~ **p’ōki* ‘deep’: Mong **(hū)gün* ‘deep’ > Monguor *fugwān* id. || pJ **pūkà-* id. (EDAL 1104; R 538—39).

57. OK ***pusi* : **busō* [扶蘇] / **pusi* / **busi* [夫斯] ‘pine (松)’ (B 253) = OK **bus(i)* [扶蘇 / 夫斯] ~ MKor *pus* ‘pine (松)’ [Itabashi 2003: 139].

Alt **bōli* ‘kind of cedar, pine’: Tg **bolgi-ka* ‘dwarf cedar’ || Mong **bujil-/būjil-* ‘almond’ < **bulil-* || Tk **bōl* ‘cedar, pinus’ || pJ **pusi* ‘small shrubs used as firewood’ (EDAL 373; R 545).

58. OK **sork* [息] ‘soil (土)’ [Itabashi 2003: 151].

Alt **siāri* ‘earth; sand; marsh’: Tg **siru-* ‘sand’ || Mong **sirayu* ‘earth’ || Tk **siar* ‘marsh, dirt’ || MKor *hārk* ‘earth’ || pJ **situ* ‘damp place’ (EDAL 1269—70; R 811; [Lee 1977: 20]).

59. OK **su* [首] ‘new (新)’ [Itabashi 2003: 151]; cf. Paekche **sa* id. [Lee 1977: 41].

Alt **zèjña* ‘new’: Tg **señe-* ‘raw, unripe’ || Mong **sine* ‘new’ || Tk **jan̄i/*jeñi* ‘new’ || MKor *sái* ‘new’ (EDAL 1510).

60. OK **surnyi* / **zwirnyi* [述个 / 述弥] / **surney* [首泥] ‘peak, summit (峯)’ ([Itabashi 2003: 152]: OK + MKor *sunirk* ‘ridge, mountain pass (嶺)’) = OK **šūri* / **šūni* ‘Bergspitze’ ([Lee 1977: 38 & Miller 1979: 8]: OK + MKor); cf. also Paekche **suri* ‘top of mountain’ [Vovin 1986: 102].

Alt **sira/u* ‘hill, mountain’: Tg **sirk-* ‘small hill-ock, cape’ || Mong **siru-* / **siro-* ‘rock, cliff; high mountain’ (EDAL 1258—59).

61. OK ***śa* : **siaw* [尚] ‘abundant, flourishing, luxuriant, rich (豐)’ (B 135—136: OK + OJ **sa-* in OJ **sati* [佐知] ‘fortune, fortunate (幸); prosperous, prosperity (福)’, **sapa* ‘much, abundant’, **sakay-* ‘flourishing (as vegetation), glory, splendor; abundant, prosperous’).

Cf. Mong **saji(n)* ‘good, beautiful’ || MKor *sà’ó-náp-* ‘violent, fierce, rough’ (in EDAL 1224 connected with Tg **sēgV* ‘blood’ || Tk **sag* ‘healthy’ || pJ **sūkù-jaka* ‘healthy’).

62. OK ***śamiar* : **śamyar* [沙熱] ‘cool (情)’ — OJ **samu* / **tsamu-* [左牟] ‘cool, cold (寒 · 冷)’ (B 136).

Alt **sāño* ‘cold, cool’: Tg **sañu-n* ‘cool’, **sañu-ksa* ‘hoar-frost’ || ?Mong **seyü-* ‘shadow’ || pJ **sāmù-* ‘cold’ (EDAL 1210; R 782).

63. OK ***śap̄y* : **śap̄y* [沙非] / **śabu* [沙伏] ‘red (赤)’ — OJ **sapi* / **sabi* / **tsapi* / **tsabi* [佐比] ‘rust, to rust; red’ (B 136); cf. also Paekche **supi* ‘red; red bird’ [Lee 1977: 42] = **sopi* ‘red’ [Itabashi 2003: 150].

Alt **sēmpa* ‘rust’: Tg **septu* / **semtu* ‘rust’ || pJ **sāmp(u)i* ‘rust, mould’ (EDAL 1230; R 776).

64. OK ***śayk* : **siayk* [昔] ‘orchid (蘭)’ — OJ **sakura* / **tsakura* [左區羅] ‘cherry (櫻)’, cf. **sak-* / **tsak-* [佐久] ‘to bloom (開)’ (B 136).

According to EDAL 1235, pJ **sákura* is related to MKor *sārkó* ‘peach, apricot’ || Mong **surgar* ‘Ledum’ || Tg **señkürē* ‘sp. of bush’; cf. also R 781.

65. OK ***śiṅti* : **śiṅti* / **śiṅtsi* [省知] ‘to transmit, narrate, follow (述)’ — ? (B 136).

Cf. Mong **sinži-* ‘to investigate’ || Tk **jint-* ‘to search, seek’ (VEWT 203; EDAL 1513: *z-).

66. OK **śu* [首] ‘cow, ox, cattle (牛)’, maybe also OK **usi* [字之] ‘cow (牛)’ in Lewin’s reconstruction (B 167—68 with doubts; MKor *syo* [Lee] ‘cattle’ = *so* ‘cow’ [Lewin] = *syu* [Kiyose] ‘bull’ have to be of Silla origin) = OK **su* ~ **siu* [首] ‘cow, cattle (牛)’ [Itabashi 2003: 151].

Alt **usu* / **osu* / **i* ‘animal; cow’: Tg **us-* ‘herd, flock; game, wild animal’ || MKor **sjó* ‘cow’ || pJ **úsi* ‘cow, bull’ (EDAL 1505; R 921).

67. OK ***śur* : **śuir* [首乙] ‘storehouse, treasury’ — OJ **su* / **sü* [須] ‘nest (巢); home’; cf. also OJ **sum-* / **süm-* [須美] ‘to dwell (住)’ (B 136).

Cf. Alt **sáro* ‘fence, village’: Tg **saru* ‘fence’ || Mong **siröge* ‘fence’ || Tk **sořak* ‘village’ || pJ **sátuá* ‘village’ (EDAL 1220; R 788).

68. OK ***tan* : **tan* [旦] / **tʷən* [頓] ‘valley (谷)’ — OJ **tani* [多邇] id. (B 136).

Alt **tʷəŋà* ‘lowland’: Tg **tēŋ-* ‘plain, lowland; low bank; pool’ (TMS II, 235—36) || Tk **tEŋ* ‘pool, big river’ (VEWT 473) || pJ **tàni* (EDAL 1417; R 852).

69. OK **tawnpi* [冬非] ‘round (円)’ (Itabashi 2003, 152); cf. Paekche **tam* ~ **tum* ‘round, circle’ [Vovin 1986: 101].

Alt **tʷəŋké* ‘round’: Tg **toŋal-* ‘round’ || Mong **tüŋke-/tüŋge-* ‘to be bulgy; small bag’ || MKor *toŋkori* ‘round’ || pJ **tànkürə* ‘coil’ (EDAL 1459; R 869).

70. OK **tawŋ* [冬] ‘chestnut (栗)’ (B 137: OK + NJ *tochi* ‘horse chestnut (橡)’ < OJ **tōŋi* [度知] id.; in EDAL 1480: pJ **təti* ~ **tuati* ‘horse chestnut / Aesculus turbinata Blume’ || MKor *tòthóri* ‘id.; acorn’).

Alt **tʷəŋerV* ‘sp. of foliage tree’: Tg **tunđe* ~ **tunre* ‘willow’ || Mong **towrai* ‘sp. of poplar’ || Tk **To(ŋ)gurak* ‘poplar, willow’ || pJ **təniari-* ‘ash tree’ (EDAL 1458; R 874).

71. OK **tawŋ* [冬] ‘drum (鼓)’ — OJ **tōtōmi* [都都美] / **tōdāwmi* [都豆美] ‘drum (鼓)’ (B 137).

Alt **tu[ŋm]i* ‘drum’: Mong **düŋgür* ‘shaman’s drum’ || Tk **düm-* ‘drum’ || pJ **tuntumi* ‘drum’ (EDAL 1385; R 907).

Note: Mong & OK data indicate the reconstruction with **-ŋ-*.

72. OK **tawŋ* [冬] ‘to take (取)’ — NJ *to(r)-* ‘to take’ < OJ **tawr-* / **tawŋr-* / **təŋri* [登利] / **tawri* [刀里] / **təwri* [斗理] ‘to take (取)’ (B 137).

Note: In EDAL 1428 OJ *t(w)or-* ‘to take’ is derived from pJ **tər-* ~ **tuar-* and compared with MKor *tër-* ‘to hold, lift’ and Tg **tī-* ‘to deprive, take away’. Cf. also R 877.

73. OK **tawŋpi* [冬比] ‘to open (開)’ — NJ *tō-* ‘to pass through’ < OJ **tə(w)ŋpu-/təŋpaw-* [等保] < pJ **təwŋ* (B 137, 138).

Cf. Alt **tʷəŋe*: Tg **tunke* ‘roof’ || Mong **toŋuna* ‘window in roof’ || Tk **tüŋ-* ‘funnel, window’ || MJ *tó* < pJ **túa* ‘door’ < **tʷəŋ(e)-gV* (EDAL 1476; R 867).

Note: Related is probably OK **tawŋ* [冬] / **təŋ* [丁] ‘mountain pass (岫支)’ (B 137—38).

74. OK ***tək* : **tək* [德] ‘ten (+)’ = OK **tok* [Itabashi 2003: 152] — OJ **tə*, **təwo* id. (there are no attested OJ transcriptions; B 138—39: JK **təkwo* < OCh, evidently from the dialect form **dekeb*).

OJ **-ø-* ~ **-w-* can be reflexes of Alt **-g-* (cf. EDAL 72) and so they can match the velar in the OK counterpart. It is tempting to speculate about its plural/collective function (cf. EDAL 213). In this case it is quite legitimate to think about cognates with the meaning ‘5’ in other branches: OJ *itu-* || Tg **tu(a)ŋga* || Mong **tawu-* || ?MKor *tasās* (see [Blažek 1999: 111, 122, 133—34]).

In EDAL (p. 398) only the comparison of pJ **təwə* > OJ *towo* with Tungus **žuban* ‘10’ is accepted. Cf. also R 874.

75. OK **tə* ‘embankment, dike’; cf. Silla **tu* id. [Itabashi 2003: 153].

Alt **tógi/-u* ~ **tugi/-u* ‘mound, dam’: Tg **dug[i]-* ‘channel, island’ || MKor *tuk* ‘mound, dam’ (cf. PKE 216) || pJ **túkà* ‘mound, dam’ (EDAL 1377; R 886).

76. OK ***tsitsi* : **tsitsi* / **tseytsi* / **dzeytsi* [濟次] ‘hole, cave (孔)’, from ***tuitui* / **tueytui* — OJ **tutu* / **tōtō* [都都] ‘pipe, tube (筒管)’ (B 139).

Alt **tūti* ‘tube, round vessel’: Tg **doda-ka(n)* ‘a vessel made of birch bark bark’ || Tk **dūtük* ‘pipe’ || pJ **tūtú* ‘tube’ (EDAL 1388; R 904).

77. OK ***tsō* : **tsō* [祖] ‘owlet (鶇)’ < ***tō* — NJ *tsuku* / *zuku* ‘owl (木兔)’ < OJ **tōku* [都久] (B 139; [Itabashi 2003: 159]).

Cf. Tk **tujyun* ‘falcon’, besides Chaghatai *tujkar* ‘white falcon’ (VEWT 483, 497).

78. OK **tsiəm* [斬] ‘root, base (根); tree root (木根)’ (B 139: OK + NJ *shimo* ‘the [place or direction] below (下)’ < OJ **simaw* [斯毛] / **tsiməw* [志母]; perhaps also **məw* in OJ **məwtəŋ* [母登] ‘root (本), below(下)’ = OK **cam* [斬] ‘(tree) root (木根)’ [Itabashi 2003: 140].

Alt **tēmò* ‘root; strength, soul’: Mong **dangi* ‘root; origin, soul’ || Tk **damor* ‘vein; root’ || pJ **tāmà* ‘soul’ (EDAL 1364—65; R 849).

Note: The correspondence of Turkic **d-*, Mongolian **d-*, Japanese **t-* and Korean **č-* indicate proto-Altaic **č-* (EDAL 25).

79. OK ***tsiar* : **tsiar* [折] / ***tsiawr* : **tsiawlr* [召尸] ‘silver (銀)’ — NJ *shiro-*, *shira* ‘white’, *shirogane* ‘silver’ < OJ **tsirō* [之路] ‘white’, **sirōkane* / **tsirūkaney* [之呂加禰] ‘silver (銀)’ (B 139).

Alt **siājri* ‘white’: Tg **siarū-* ‘lightning, rain-bow’ || Mong **sira-* ‘yellow’ || Tk **siarig* ‘yellow’, but Chuvash *šorь* ‘white’ || MKor *hǎi-* ‘white’; plus Koguryo **šilap* ‘white’ after Miller [Miller 1979: 7] || pJ **sirua-* ‘white’ (EDAL 1264; R 806).

80. OK ***tsiri* : **dzili* [助利] ‘north (北)’; from AK ***ts^wiar* [絕] ‘back, behind (後)’; name of the Northern Tribe (北部) of the Koguryo people’ — OJ **tsiri* / **siri* [斯理] ‘back, behind (後); rump, buttocks (尻)’ (B 139—40).

Alt **sèr’V* ‘buttock; to defecate’: Tg **seri(gi)* ‘buttocks, waist vertebra’ || Tk **sirt* ‘back, spine (of animal)’ (VEWT 419; EDAL 1259 otherwise) || pJ **siri* ‘buttocks’ (EDAL 1236: Tg + pJ + Mong **sari-* ‘to urinate (of a dog)’ + Tk **siri-* ~ **sari-* ‘to defecate’). Cf. R 805.

81. OK ***tsü* : **tsü* / **tsu* [朱] ‘to shoot with a bow (射)’ < Early OK ***tsü* [鄒] < AK ***tüŋ* [東] id. (B 140). (B 140 compares it with OJ **töp-* / **təpp-* [登夫] / **töm-* / **təym-* [等美] ‘to fly (飛)’, but it is semantically too far).

Alt **t’oŋe* ~ *-i* ‘to bend (a bow)’: Tg **toŋ-* > Ewenki *toŋo-* ‘to bend (a branch)’, Manchu *tung* ‘a kind of bow’ || Mong **toŋguji-* ‘to bend, bow’ || MKor *tōŋkai* ‘quiver’ (EDAL 1458).

82. OK ***tsüpu* : **tsüpu* / **tsübu* / **tsöpu* / **tsöbu* [主夫] ‘long (長)’- OJ **töpö* / **təⁿpaw* [等保] / **təⁿpu* [登富] ‘long (distance), far (遠)’ (B 140).

Alt **t’ip’ò* ~ **t’iop’e* ‘far’: MKor *pt-* ‘to be separated, have an interval’ || pJ **təpá-* ‘far’ > OJ *top(w)o-* (EDAL 1427).

83. OK ***σ* / ***wəy* / **əy* : **σ* [烏] / **ywi* [唯] / **γ^wəiy* [淮] ‘ford (津)’ (B 141; he compares it with NJ *watar-* ‘to ford, cross over’ < OJ **wata-* [和多] ‘ford, to ford (渡)’, analyzing it as pJ **u* ‘crossing’ + **ata-* ‘to reach, attain’).

?Alt **ōk’e* ~ **ōke* ‘deep place, place far from the shore’: Tg **(x)uk-* ‘river, river rift; hole in ice’ || Tk **ōkü* ‘hole in ice’ || pJ **aki* > OJ *okji* ‘open sea’ (EDAL 1048; R 753).

Note: The semantic difference between OK and OJ is comparable with Greek πόντος ‘sea’ : πάτος ‘road, path’.

84. OK **ssiŋam* [烏斯舍] ‘hare, rabbit (兔)’ — NJ *usagi* id. < **usaki* / **utsaki* / **ütsaki* [宇佐岐] id., all from Common JK **usigan*, with the same suffix as OTk *tawišyan* id. Cf. also OTib *yos* ‘hare’, *yosbu* ‘bunny’ (B 141; [Itabashi 2003: 153]: OK + OJ + Ainu *oske* + Nivx *osk*).

Alt **borso(k’V)* ‘badger’: Mong **borki* ‘old badger’ || Tk **borsuk* ‘badger’ || MKor *üsirk* ‘badger’ || pJ **basáki* ~ **úsáki* ‘hare’ (EDAL 374—75; R 920).

85. OK **ü* / **i* [於] ‘crosswise, sideways (橫)’ — NJ *yoko* id. < **iki* / **ükü* / **içi* / **üχü* [余許] id. (B 142).

Alt **žiōke* ~ **žiōk’e* ‘side, corner, direction’: Tg **žuku-* ‘road; corner’ || Mong **žüg* ‘side, direction’ || Tk **jāk* ‘side’ || pJ **dākə* ‘side’ (EDAL 1542; R 943).

Note: Related may be OK **ü* / **i* [於] ‘border, edge (塞)’ (B 142).

86. OK ***ür* / ***ir* : **üir* / **iir* [於乙] / **(^mbiy)ir* [(未)乙] ‘spring, source (原); well (泉井)’ / ***ür* ‘spring (泉)’ — OJ **wi* [為] ‘well (井)’, all from Common JK **wir* ‘spring, well’ (B 142).

Cf. Alt **biujri* > Tg **bira* ‘river’, **bira-xan* ‘spring’ (TMS I, 84) || Mongolian **bürüdü* ‘swamp’, but Khalkha *bürd* ‘well’ (KW 67) || MKor *ü* in *ü-mir* ‘well’ : *mir* ‘water’ || pJ **bi* / **büi* / **bäi* ‘well’ (EDAL 359: plus Koguryo **wöl* and Silla **öl* in reconstruction of [Miller 1979: 9]; [Lee 1977: 38] reconstructed Koguryo **er* and Silla **öl*). Cf. R 549.

87. OK ***ütsi* : **ütsi* / **utsi* [于次] ‘five (五)’ < pK **ütui* / **itui* — NJ *itsu* id. < OJ **itu* (not attested in transcription in OJ), all from Common JK **itu-* / **ütu-* ‘five’ (B 142; Itabashi 2003, 154: OK **uc* [于次] ‘5’ < **uti*).

Alt **t’u* ‘5’: Tg **tu(a)ŋga* || Mong **ta-bu-* || MKor *tàsäs* || pJ **itü-* (EDAL 1466; R 567).

88. OK ***ya* : **ya* [也] ‘nape (項)’ — ? (B 142).

Interesting is Alt **niäke* ‘neck, vertebra’: Tg **nikimna* ‘(nape of) neck’ || Mong **nigur-su* ‘spinal marrow’ || Tk **jaka* ‘collar’ (EDAL 984).

Note: The tendency to lose the initial nasal in **ni-* is known from the history of Korean: MKor *njərim* vs. Mod Kor *jərim* ‘summer’ (EDAL 989).

89. OK ***ya* : **yaw* [要] ‘willow (楊)’, attested in the compound ***yawirkwərtsi* : **yawinχwərtsi* [要隱忽次] ‘willow’s mouth (楊口)’. In the first component ***ya^{ir}* : **yawin* [要隱] the genitive-attributive marker **-ir* : **-in* [隱] appears. Similarly OJ **yanagi* [夜那疑] ‘willow (楊·柳)’, with the genitive marker **na* [那], which is missing in OJ **yagi* id., where **-gi* (**ki*) meant ‘tree’ (B 142—43).

Cf. Tk **üjeŋke* ‘willow’ (VEWT 520; [Dmitrieva 1972: 182, 188, 191, 207]; [Normanskaja, PTJaO: 418]). [Dybo 2006] reconstructs Tk **üdeŋki*, comparing it with Mong **huda* || Tg **poda*).

90. OK ***yar* : **yalir* ‘wild’ — (B 143, 172 : OK + OJ **yabu* ‘overgrown place; marsh’, from Common JK **yar* ‘wild’).

Cf. Alt **iārgi* ‘wild beast of prey’: Tg **iarga* ‘leopard’ || MKor *irhi* ‘wolf’ (EDAL 602; [Miller 1979: 10] already thought about this comparison, but he read the OK word as **yaši* and translated it as ‘wolf’). If the meaning ‘wild territory’ is original, it is possible to think about Tk **jal-gV-* ‘Salzsteppe’ : Middle Turkic (Oghuz) *jalyu* ‘elend’ (VEWT 183)

and / or **jalaŋ* ‘Feld, Ebene’ (VEWT 181; in EDAL 962 connected with Mong **nalaj* ‘wide’ || MKor *nàráh* ‘country’ || Tg **nā* ‘earth’) as cognates.

91. OK ***yatsi* : **yatsi* [也次] ‘mother (母)’ < ***yatui* (B 143: OK + OJ **yatōkō* [夜都故] ‘slave (奴 · 婢)’, with the diminutive suffix **kō*, all from Common JK **yatu-*).

Alt. **áčV*: MKor *áčami* ‘aunt’, *áčapi* ‘uncle’ || Tg **asī* ‘woman, wife (of elder brother)’ || Tk **áčaj* / **ěčej* ‘older relative: mother, grandmother, elder brother, uncle’ (EDAL 271—72); alternatively cf. Tk **eľi* ‘lady’ > OUyghur, Karakhanide *i/eši*; borrowed in M & WrMong *esi* ‘empress’, Kalmyk *iš* ‘mother’ (cf. EDAL 598).

92. AK ***z̄wir* : **z̄win* [順] / ***d̄zir* : **d̄zin* [慎] ‘left (左)’ — (B 143 connects it with NJ *so* ‘that’ < OJ **zew* / **zej* [曾]).

Alt: Mong **žeyün* ‘left; North’ > MMong *že’un* ‘left’, WrMong *žegün* ‘left; North’, etc. (KW 1008).

Note: In EDAL 1008 otherwise: Mong + Tg **ñeñe* ‘spring (season)’ + pJ **minámi* ‘South, south wind’.

A.2. Koguryo lexemes only with Japanese cognates

1. OK ***hatsir* : **atsin* [阿珍] ‘poor (窮)’ — OJ **atsi* / **antsi* [安之] / **asi* ‘bad, evil’ > NJ *ashi* id., OJ **iyatsi* [伊夜之] ‘lowly, inferior, cheap (賤)’ (**iya* ‘vile, miserable, greedy, hungry’ + **atsi*) > NJ *iyashi* id. (B 121). Cf. MKor *a-chyēt-*, inf. *a-chyele-* ‘to dislike, hate’, derivable from pKor **achi* ‘hateful, evil’ (R 253).

2. OK ***kasira* : **yaseylŋ* [河西良] / **yaširla* [何瑟羅] ‘capital of the former Puyo-Koguryoic state of Ye-(Maek)’ — OJ **kasira* / **kašira* / **katšira* ‘head’ (B 123).

From EDAL 660—61, MKor *kórčhi* ‘brain’, may be added. See also R 596—97.

3. OK ***kír* : **kín* [斤] ‘brave (驍)’ — perhaps cognate to OJ **kimi* / **gimi* [岐美] ‘lord, ruler (君 · 主)’ (B 126).

4. OK ***kōsi* : **kōsi* [古斯] / **kōs̄i* [古所] ‘river-deer (獐)’ (B 129) = **kōsi* ‘roe-deer; gem’ [Itabashi 2003: 144] — NJ *kujika* < OJ **kudzika* [久自加] id., from **kusi* / **kudzi* ‘river-deer’ + **ka* ‘deer’ (B 129: OK + OJ; [Itabashi 2003: 144]: OK + MKor *kusul* + OJ *kuciro*₂).

5. OK ***makír* : **maikín* [馬斤] ‘a kind of tree (大楊)’, lit. ‘big willow’ — OJ **makí* [麻紀] ‘a tree word with several meanings including ‘Chinese black pine / *Torreya nucifera*’, ‘timber’, ‘firewood’ (B 129).

AK ***makri(p)* > OK ***makri* / *makari* ‘true, correct, rightful’ — OJ **ma* ‘true, genuine’ (B 129). Cf. also R 674.

6. OK **mutsi* [蕪子] ‘section, festival (節)’ < pre-OK **mutui* — perhaps NJ *matsuri* < OJ **maturi* ‘festival, offering (祭)’ (B 132). Cf. EDAL 894; R 683.

7. OK **pen* ‘man, person (人)’ — OJ **pi-* ‘man, person’ (B xii).

Note: In EDAL 1103, it is compared with Tg **puj-kte* ‘child, junior’. Cf. also R 524—25.

8. OK ***par* : **palir* [波尸] ‘second-growth paddy rice’ — OJ **par-* [波里] ‘to open up a new rice paddy (墾)’ (B 134).

9. OK **σ* [烏] ‘pig (豬)’, probably originally **ui*, reanalyzed as **u* + the suffix **-i* — OJ **wi* [為] ‘boar, pig (豬)’ (B 141).

Note: In EDAL 335—36, it is compared with **bejū-* ‘an ungulate animal’ || Mong **bajta[lj]-sun* ‘farrow’ || Tk **bije* ‘mare’. Cf. R 549.

10. OK **ü* / **ĩ* [於] ‘broad-axe (斧)’ — NJ *yoki* ‘broad-axe (斧)’ < OJ **üki* / **ügyi* / **yügyi* [与岐] id. — see below (B 141: perhaps related with OK **ü* / **ĩ* [於] ‘border, edge (塞)').

A.3. Koguryo lexemes without relatives

1. OK ***ha* : **a* [阿] ‘to look down at, overlook (臨)’ — ? (B 120; [Itabashi 2003: 157]).

2. OK ***im* : **im* [音] ‘to supervise, imprison (監)’ — ? (B 122).

3. OK ***kim* [金] ‘to rest (休)’ — ? (B 126).

4. OK ***mawk* : **mawk* [木] ‘to flicker, glitter, dodge (閃)’ — ? (B 130).

5. AK ***wi* [位] ‘to resemble, look like (相似)’ — ? (B 142; [Itabashi 2003: 154]: OK **wi* ‘similar’ + MKor *is̄is-* id.).

A.4. Koguryo lexemes of hypothetical Chinese origin

1. OK ***tar* : **tar* [達] ‘mountain (山)’, cf. OK **tar* [達] / **tarir* [達乙] ‘high (高)’ — OJ **take* / **tak̄y* [多氣] ‘high mountain, mountain peak (峯 · 山岳); high, long (高 · 長)’, OJ **taka* [多加] ‘high’ (B 136—37; he mentions MOCh **tar* ‘mountain’ as a probable source).

2. OK **tawŋ* [冬] ‘iron (鐵)’ — from OCh鐵 **than* ‘iron’ (B 138).

3. OK ***tawr* : **tawl-* [刀(臘)] ‘pheasant (雉)’ — NJ *tori* / *to-* < OJ **tawri* / **təŋri* [登理] / **dəyri* [荅利] / **təw-* / **təŋ* [登] ‘bird (鳥); fowl, chicken (雞)’ (B 138: all lw. from OCh 鳥 **tawr* ‘fowl, bird’).

Note: In EDAL 1463, pJ **təri* ‘bird’ is connected with MKor *tərk* ‘fowl’ || Tg **turākī* ‘crow, rook’ || Mong **turayu* ‘raven, crow’ || Tk **torgaj* ‘lark; a predatory bird used for hawking’. Cf. also R 875—76.

4. OK **σ* [鳥] ‘ox, cow, cattle (牛)’ — OJ **usi* / **utši* / **ütši* [字之] ‘cow, cattle (牛)’, analyzable as **u* ‘ox’ + **si* ‘animal’. It is possible that Common Japanese-Koguryo **u* is a loan from Late OCh **ŋū* ‘cow, ox, cattle’. This borrowing had to occur before the change **ū* > **ā*, diagnostic for Middle OCh (B 140).

B. Silla lexicon

**jirri* ‘star’ (Lee), cf. Modern Korean *irinaj* ‘Milky Way’ (Menges 1984, 268) — Tk **jul-dur/-dīr* ‘star’ : **jul-dīr-V-* ‘to lighten; lightning’ : **jul-a* ‘light’ (VEWT 210, 201).

In EDAL 1155, the Tk word is compared with Mong **hodu* || MKor *pjōr* || pJ **pási* id. || ?Tg: Ewenki *hildenre-* ‘to dawn’. Cf. also R 534.

Cf. further №№14, 33, 37, 38, 41, 47, 75, 86.

C. Paekche lexicon

1. **čiri* ‘little stone, gravel’ ([Vovin 1986: 102]: Paekche + OJ *tiri* ‘dust, dirt’) — Alt **t’ōiře* ‘dust, soil’: Tg **turV* ‘earth’ || Mong **tor-* ‘flying dust’ || Tk **tōr* ‘dust’ || MKor *tīri* ‘field, steppe’ (EDAL 1465).

2. **korañ* ‘blue’ ([Vovin 1986: 102]: Paekche + OJ) — Alt **k’iūru* ‘dark’: Tg **xuri-* ‘grey’ || Mong **küre-* ‘(dark) brown’ || Tk **Kīr* ‘red’ || MKor *kūrī* ‘copper’ || pJ **kūrā-* ‘dark’ (EDAL 828—29; R 658).

3. **kuti* ‘falcon’ [Vovin 1986: 101] — Alt **guči* ‘eagle’: Tg **gusi* ‘eagle’ || Tk **güči-* ‘eagle’ (EDAL 569; R 668: Paekche + Alt).

4. **märke* ‘bright’ (Lee 1977, 41) — Alt **miali(-k’V)* ‘bright; to shine’: Tg **mia(l)-* ‘glittering, bright’ || Mong **mel-* ‘bright, polished, shiny’ || Tk **bAlk-* ‘to shine, glitter’ || MKor *mārk-* ‘clear, transparent’ (EDAL 921).

5. **muri* ‘group; many’ (Vovin 1986, 101) — Alt **maru* ~ **maŋu* ‘heap, crowd; many’: Tg **mar(b)u* ‘heap; flock, herd’ || MKor *mūr* ‘every’, Mod Kor *muri* ‘crowd; many’ || pJ **mārā*, **mūrā* ‘all, every; crowd; mountain’ (EDAL 906; cf. R 708).

6. **pisa* ‘sp. of tree’ — MKor *pizā* ‘sp. of tree’ || OJ *pisa-gi* ‘Japanese oak; catalpa’ ([Vovin 1986: 102]: Paekche + MKor + OJ) || Tk **bilā* > Bashkir

bešə ‘young growth of fir and pine’, Turkmen *meše*, Azeri *mešə* ‘forest’, Turkish *meşe*, Gagauz *mešə* ‘oak’ (VEWT 336; [Dmitrieva 1972: 185—86; Levitskaja, ESTJ 2003: 59]: they indicate their Iranian origin, referring to Persian *bīša* ‘forest’; [Horn 1893: 59] quoted Mod Persian *bēše*, Classical Persian *bēšah*, *γēšah* ‘forest’, Zoroastrian Pahlavi *vēšak* id., and compared it with Kurdish *više*, Avestan *varəša-* ‘tree’, Vedic *vṛkṣá-* ‘tree’, but [Bailey 1979: 162] separates Avestan and Vedic with original meaning ‘plant’, deriving the Middle and Modern Iranian forms from IE **wei-*; in any case, the Iranian and Turkic forms can be quite independent).

7. **puri* ‘village’ [Vovin 1986: 101] — Alt **p’ulu* ~ *-o*: Tk **ulu-l* ‘country, city’ || MKor *pūrīr* ‘possessions, estate’ (EDAL 1183—84) || pJ **pure* ‘village’ ([Vovin 1986: 101]: Paekche + pJ).

8. **syōma* ‘island’ ([Vovin 1986: 102]: Paekche + OJ) — Alt **š[ia]mi* ‘island; forest’: Tg **šumi* ~ **čumi* ‘foreland, shallow place’ || Tk **simek* ‘forest, jungle’ || MKor *sjōm* ‘island’ || pJ **simā* ‘island’ (EDAL 1332—33; R 800).

9. **tap/*tep* ‘warm’ ([Menges 1984: 290—92] after Doh Sou Hie) — Alt **t’ep’V* ‘warm; to burn’: Tg **tepe-* ‘to catch fire, to burn’ || Tk **tēpi-* ‘to dry, become dry’ || MKor *tōp-* (*təw-*) ‘to be warm’ (EDAL 1421).

10. **turak* ‘stone’ [Lee 1977: 41] — Alt **tiōl’i* id.: Tg **žola* || Mong **čīlayu* id. || Tk **diāl* id. || MKor *tōr* (*tōrh-*) id. || pJ **(d)isi* > OJ *isi* id. (EDAL 1373; R 562).

11. **uč* ‘upper side’ [Vovin 1986: 102] — Alt **-č* ‘end, edge’: Mong **üžüyür* ‘end, edge’ || Tk **ūč* ‘end, edge’ || Mod Kor *užuk* ‘top of a tree, upper branches’ < **učuk* (EDAL 1482).

Cf. further №№ 9, 11, 12, 23, 25, 40, 41, 42, 59, 60, 63.

Abbreviations

A Archaic, Alt Altaic, Ch Chinese, J Japanese, K Koguryo, Kor Korean, M Middle, Mod Modern, Mong Mongolian, N New, O Old, p proto-, Tg Tungusic, Tib Tibetan, Tk Turkic, Wr Written.

References

B — Beckwith, Christopher. 2007. Koguryo. The Language of Japan's Continental Relatives. An Introduction to

the Historical-Comparative Study of the Japanese-Koguryoic Languages. Leiden — Boston: Brill.

Bailey 1979 — *Bailey, Harold W.* 1979. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge: University Press.

Baxter 1992 — *Baxter, William H.* 1992. A handbook of Old Chinese phonology. Berlin: Mouton de Gruyter.

Blažek 1999 — *Blažek, Václav.* 1999. Numerals. Brno: Masarykova univerzita.

Dmitrieva 1972 — *Dmitrieva, L.V.* 1972. Nazvanie rastenij v tjurkskix i drugix altajskix jazykax. In: *Očerki sravnitel'noj leksikologii altajskix jazykov*. Leningrad: Nauka, 151—223.

Dybo 1988 — *Dybo, Anna V.* 1988. Ėtimologičeskij material k rekonstrukcii pratungusomaňčurskix nazvanij častej tela. In: *Sinxronija i diaxronija v lingvističeskix issledovanijax*, čast' 1. Moskva: Institut vostokovedenija, 108—127.

Dybo 2006 — *Dybo, Anna V.* 2006. Mongol'skie nazvanija derevjev v altajskom slovare. In: *Trofim A. Bertagav: K 100-letiju so dnja roždenija*. Ėlista, 42—64.

EDAL — Etymological Dictionary of the Altaic Languages, Part One [A-K], Part Two [L-Z], Part Three [Indices], by Sergei Starostin, Anna Dybo, Oleg Mudrak, with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov. Leiden-Boston: Brill 2003

ESTJ — Ėtimologičeskij slovař tjurkskix jazykov, bukvy L-M-N-P-S, ed. by Anna V. Dybo. Moskva: Izdatel'stvo 'Vostočnaja literatura' RAN 2003.

Horn 1893 — *Horn, Paul.* 1893. Grundriss der neuperischen Etymologie. Strassburg: Trübner.

Itabashi 2003 — *Itabashi, Y.*, 2003. A Study of the Historical Relationship of the Koguryo Language, the Old Japanese Language, and the Middle Korean Language on the Basis of Fragmentary Glosses Preserved as Place Names in the Samguk Sagi. In: *Perspectives on the Origin of the Japanese Language*, ed. by T. Osada & A. Vovin with the assistance of K. Russell. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies, 131—185.

KED — *Martin S.E., Yang Ha Lee, Sung-Un Chang.* A Korean-English Dictionary. New Haven; London, 1967.

KW — Kalmückisches Wörterbuch, by *Gustav J. Ramstedt*. Helsinki 1935: Lexica Societatis Fenno-Ugricae III.

Lee 1977 — *Lee, Ki-Moon.* 1977. *Geschichte der koreanischen Sprache*. Wiesbaden: Reichert.

Lessing 1960 — *Lessing, Ferdinand* (ed.) 1960. Mongolian-English Dictionary. Berkeley-Los Angeles: University of California Press.

Martin 1987 — *Martin, Samuel E.* 1987. The Japanese Language Through Time. New Haven: Yale University Press.

Menges 1984 — *Menges, Karl H.* 1984. Korean and Altaic — A preliminary sketch. *Central Asiatic Journal* 28, 234—295.

Miller 1979 — *Miller, Roy A.* 1979. Old Korean and Altaic. *Ural-Altisches Jahrbuch* 51, 1—54.

PKE — Paralipomena of Korean Etymologies, by *Gustav J. Ramstedt*, collected and edited by Songmoo Kho. Helsinki 1982: Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 182.

PTJaO — Prätjurkskij jazyk-osnova: Kartina mira prätjurkskogo ětnosa po dannym jazyka (Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika tjurkskix jazykov 6), ed. Ė. R. Tenišev & Anna V. Dybo. Moskva: Nauka & Institut jazykoznanija RAN 2006.

R — *Robbeets, Martine.* 2005. Is Japanese Related to Korean, Tungusic, Mongolic and Turcic? Wiesbaden: Harrassowitz (Turcologica 64).

Robbeets 2007 — *Robbeets, Martine.* 2007. Koguryo as a missing link. In: *Korea in the Middle. Festschrift for Boudewijn Walraven*, ed. by *Remco Breuker*. Leiden: CNWS, 118—141.

SKE — Studies in Korean Etymology, by *Gustav J. Ramstedt*. Helsinki 1982: Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 95.

Starostin 1989 — *Starostin, Sergei A.* 1989. Rekonstrukcija drevnekitajskoj fonologičeskoj sistemy. Moskva: Nauka.

TMS — Sravnitel'nyj slovař tunguso-maňčurskix jazykov, I—II, ed. by *V.I. Cincius*. Leningrad: Nauka 1975—77.

VEWT — Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen, by *Martti Räsänen*. Helsinki 1969: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVII, 1.

Vovin 1986 — *Vovin, Aleksandr V.* 1986. O drevneko-rejsko-drevnejaponskix jazykovyx svjazjax. *Narody Azii i Afriki* 1986/5, 98—102.

Vovin 1993 — *Vovin, Alexander.* 1993. About the phonetic value of the Middle Korean grapheme Δ. *BSOAS* 66, 247—259.

Acknowledgement

This study originated in cooperation with the Centre for the Interdisciplinary Research of Ancient Languages and Older Stages of Modern Languages (MSM 0021622435) at Masaryk University, Brno. Thanks to the grant No. IAA901640805 the author had an occasion to present its preliminary version at the conference on Altaic linguistics held in Moscow in June 2009. Special thanks belong to Michal Schwarz (Brno) for his help with Chinese characters and to Heiner Eichner (Wien) for mediation of personal communication with Ch. I. Beckwith (Indiana University).

SUMMARY

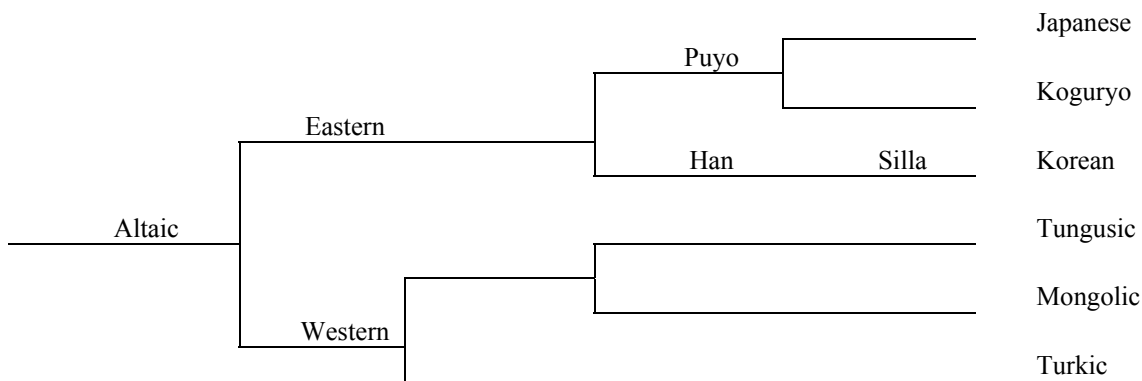
In the contribution all seriously interpreted lexemes of the language of one of Old Korean kingdoms, Koguryo, are presented. Although the main source of these interpretations is a very careful philologist Ch. I. Beckwith known for his negative position concerning the genetic model of the Altaic theory, the collected comparative material supports the Altaic affiliation of both Old Koguryo and Japanese. On the other hand, Beckwith is undoubtedly right, if he finds in Koguryo the closest relative of Ryukyuan-Japanese.

В этом сообщении представлены все надежно интерпретируемые слова языка одного из древнекорейских государств, Когурё. Хотя главный источник этих интерпретаций — работа Ч. Беквита, весьма осторожного филолога, известного своим отрицательным взглядом на генетическое родство алтайских языков, собранный нами сравнительный материал поддерживает алтайскую принадлежность и древнекогурёского, и японского языков. С другой стороны, Беквит несомненно прав в том, что ближайшим родственником когурёского является рюкюско-японская группа.

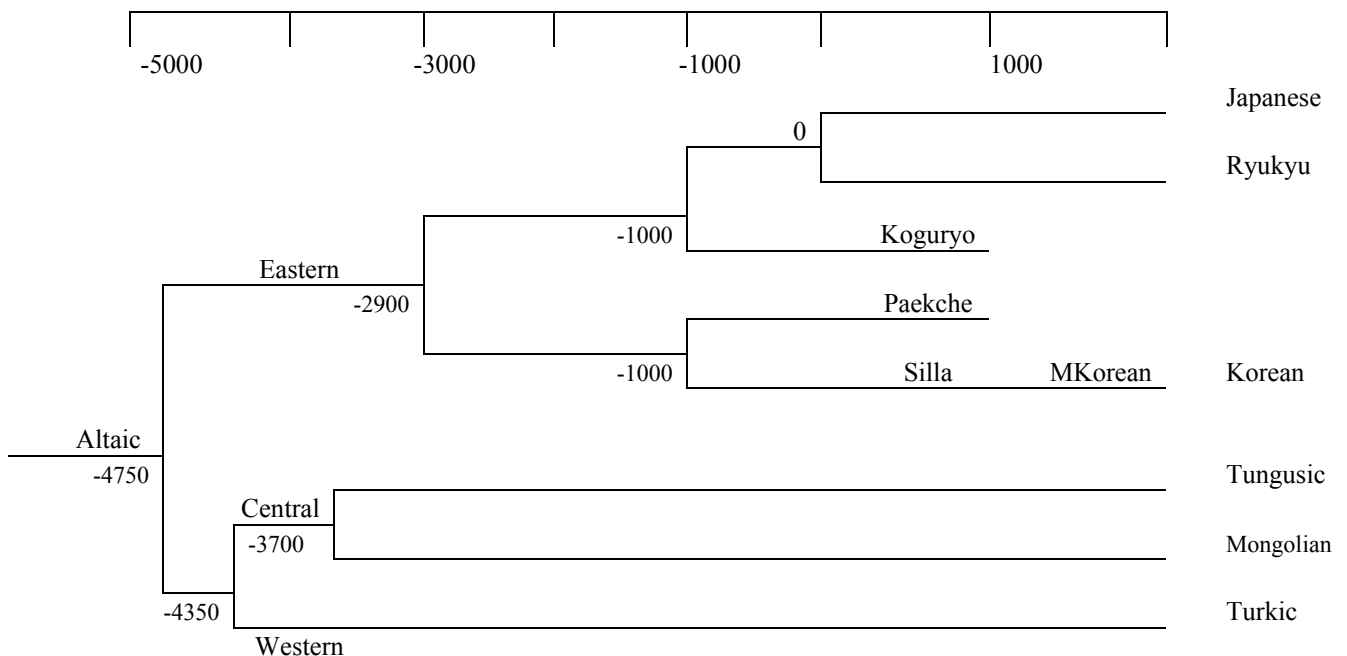
Appendix: Schemes

I. Divergent models

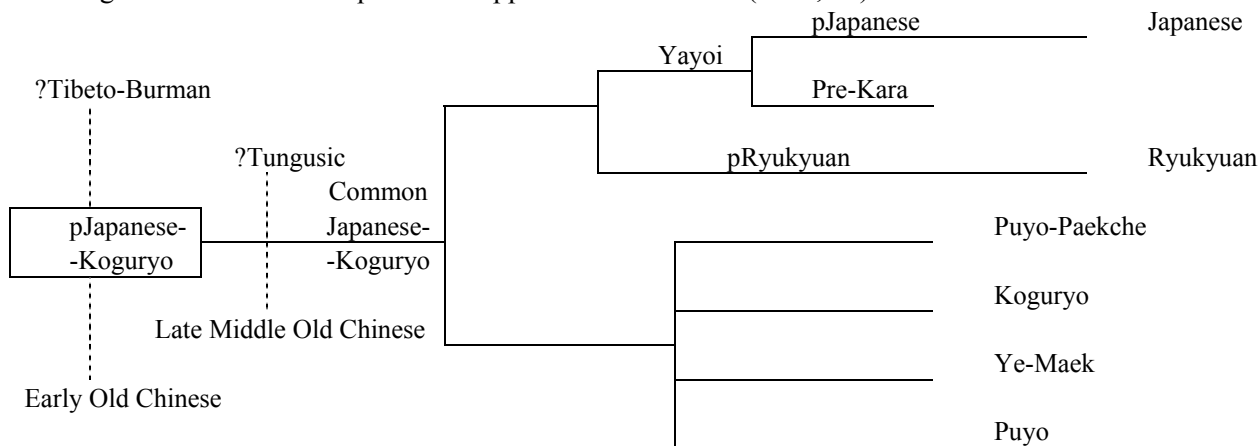
1. Qualitative approach of Poppe and Lee (modified after Beckwith 2007, 14)

2. Quantitative approach of Starostin, Dybo & Mudrak (EDAL 234) and Robbeets (2007, 20)

II. Convergent model based on qualitative approach of Beckwith (2007, 28)

In Beckwith's scheme two types of lines are used:

genetic links

.....

areal influence

A brief discussion on the vowel attachment in the Khitan Small Script¹

The Khitan (Chinese: 契丹 qīdān) were nomadic people, who lived in the eastern Mongolian Plateau. They founded a powerful and great empire known as Liao 遼 (liáo) (sometimes called Great Khitan 大契丹 dà qīdān), which existed from 907 to 1125. Later, they also founded Western Liao in Central Asia which existed from 1124 to 1218. At present, most scholars believe that, being a member of the Altaic complex, Khitan language is more closely related to the Mongolic languages. In 920, the fifth year of the Shence 神冊 (shéncè) era, Yelü Tulübu 耶律突呂布 (yēlǜ tūlǚbù) and Yelü Lubugu 耶律魯不古 (yēlǜ lǚbùgǔ) created the Khitan Large Script with which they recorded texts in Khitan language. This is an ideographic script and, thus, somewhat inconvenient to record an agglutinative language such as Khitan. Before long, Diela 迭剌 (diélá), the emperor's younger brother, created another writing system called Khitan Small Script, which is a kind of phonographic writing. Both scripts were used in the period of the Liao Empire for nearly two hundred years and they continued to be used in the Jin 金 (jīn) dynasty after the fall of the Liao Dynasty until the 2nd year of Mingchang 明昌 (míngchāng) era (1191) of the Jurchen Jin Zhangzong 金章宗 (jīn zhāngzōng) Emperor. Later, the Khitan scripts were gradually forgotten and all records of them vanished (?in the changing social environment). Khitan language has also gradually become extinct.

Nearly several hundred years had passed until the Khitan Small Script was accidentally rediscovered by Belgian Father L. Kervyn in 1922 from the Qingling Tomb of the Liao dynasty, located in Baarin Right Banner of Inner Mongolia. Since then, 15 Khitan Large Script inscriptions which have over 15000 characters and 35 Khitan Small Script inscriptions which have about 40000 characters have been found in the northern China. Currently, work on them is being done by a number of specialists from China, Ja-

pan, Australia, Russia, USA, and Finland. It is extremely difficult for researchers to decipher Khitan Script materials, because there is no reference document except for very few Khitan words, which were recorded in the *Liao Shi* 遼史 (The History of the Liao Dynasty, liáoshǐ). So, although considerable progress has been made, the materials of the Khitan Large Script and the Khitan Small Script are not fully understood yet.

This paper will briefly introduce the Vowel Attachment in the Khitan Small Script. The Vowel Attachment is one of the spelling methods. Former research has reconstructed that a lot of original characters start with a consonant sound. However, in my research it is shown that we can add a proper vowel in front of some of these original characters.

Chinese loanword 𠵹 (三 'three', sān) reads *s-am*, 𠵹 (仙 'immortal', xiān) reads *s-ie-en*, 𠵹 (小 'small', xiǎo) reads *s-iau*, so their first original character must be *s*, which was already identified by Khitan Script Research Group in 1970s. Based on this conclusion, 𠵹 which means 'night', pronounces *sonj* which is close to the 𠵹 *son ~ fon* in Mongolian language. However, after publishing both Khitan and Chinese versions of *Yellü Zhixian Epitaph* 耶律智先墓誌 (yēlǜ zhìxiān mùzhì), the researchers realized that 𠵹 also denotes personal name *Axin* (阿信, āxin). Moreover, they understood that 𠵹 in the *Xüwang Epitaph* (許王墓誌 xǔwáng mùzhì) denotes tomb owner's name *Yixinyin* 乙辛隱 (yìxīnyǐn). Therefore, we can read the original character 𠵹 as *as ~ es*. Even though at present we are still unable to identify its exact vowel, there is no doubt that original character 𠵹 has a vowel in front of its consonant *s*.

The character 𠵹 denotes 'filial piety' (孝, xiào)

and reads *chi shi de ben* 赤寔得本 (chìshídeběn). It is recorded in the *Liao Shi* and its original characters read: 𠵹 *tf*, 𠵹 *i*, 𠵹 *d*, 𠵹 *p* and 𠵹 *n*. Its third original character 𠵹 has a meaning of 'nine'. If 𠵹 reads *is*, it is similar to the Mongolian word and consistent with historical records. In the same way we can also understand that the pronunciation of 𠵹 (乙室已之 tribal name, yǐshìjǐzhī) is *isgæn*. Both these examples sup-

¹ This paper is a research achievement of the project named "Research on the Khitan Small Script and studies of Khitan language Grammar" (Approval number: 06CMZ006) sponsored by the State Social Science Fund. It is also a research achievement of the national level key project named "The Khitan Script and the History of Liao and Khitan: Interdisciplinary Study of National History" (Approval number: 07JJD770090) sponsored by the key research base of the humanities and social science study, the Ministry of Education.

port the hypothesis that the pronunciation of 𐰇 might be *is*. However, after reading $\begin{matrix} \text{𐰇} & \text{𐰇} & \text{𐰇} & \text{𐰇} \\ \text{𐰇} & \text{𐰇} & \text{𐰇} & \text{𐰇} \end{matrix}$ (延昌宮之副使, official name, yánchānggōng zhīfùshǐ), we are able to learn that the 𐰇 which denotes 使 (‘messenger’, shǐ) *shi* also probably reads *si*. It seems certain that the original character 𐰇 has a vowel *i* but sometimes the vowel comes after the consonant *s*.

The original character 𐰇 appeared in 𐰇𐰇 which means ‘horse’. Chinese loanword 𐰇𐰇 (密 ‘secret’, *mì*) reads *mi*, 𐰇𐰇 (門 ‘door’, *mén*) reads *mun* or *mən*, so their first original character 𐰇 might read *mo* or *m* which was identified in 1970s. As in Mongolian language ‘horse’ is pronounced *mori*, scholars believed that the original character 𐰇 read *ri*, and that 𐰇𐰇 read *mori*, which is the same as the Mongolian equivalent. The pronunciation *ri* for 𐰇 was also confirmed in other blocks (complex characters). For instance, researchers Liu Fengzhu 劉鳳翥 (liú fèngzhù) and Yu Baolin 于寶林 (yú bǎolín) considered that the block 𐰇𐰇 reads *iri* [Yu Baolin 1981], researcher Ji Shi 即實(jíshí) considered that 𐰇𐰇 reads *tirik*, which means 梯裏己 (official title, *tīlǐjǐ*) [Ji Shi 1986]. In spite of this, sometimes we can read the original character 𐰇 as *ir*. For instance, the character 𐰇𐰇 which frequently appears in materials of Khitan Small Script means ‘Yilijin’ 夷離堇 (official title, *yílíjīn*) [Ji Shi 1996]. In the light of this statement, the pronunciation of 𐰇𐰇 might be *irgin*, so 𐰇 reads *ir*. It indicates that original character 𐰇 has two pronunciations: *ir* and *ri*, and its vowel *i* can appear not only in front of consonant *r*, but also behind it.

The block $\begin{matrix} \text{𐰇} \\ \text{𐰇} \end{matrix}$, which denotes personal name 撻不也 (*tàbùyě*), reads *toboji* and the block $\begin{matrix} \text{𐰇} \\ \text{𐰇} \end{matrix}$, which means the name of ‘zubu’ 阻蔔 (tribal name, *zǔbǔ*), reads *fobog ~ fubug* that was discussed by researcher Wang Hongli 王弘力 (wáng hónglì) [Wang Hongli 1986]. Thus, the original character 𐰇 which is the second in this block can be read as *bo ~ bu*. Despite this, there are still a few characters which indicate that 𐰇 can be occasionally read as *ab ~ ob*. For instance, the characters $\begin{matrix} \text{𐰇} \\ \text{𐰇} \end{matrix}$ which appeared in the 28th line of the *Xiao Zhonggong Epitaph* (蕭仲恭墓誌 *xiāo zhònggōng mùzhì*) denote personal name 敵輦阿不 (*díniǎn ābù*) [Ji Shi 1996]. Researcher Ji Shi, who pointed this out, said that this personal name

敵輦阿不 (*díniǎn ābù*) had been recorded in the biography of Xiao Zhonggong in the *Jin Shi* 金史 (The History of the Jin Dynasty, *jīn shǐ*). For this reason, we can read 𐰇 as *ab ~ ob*. On another occasion, Khitan Script researchers have all known that 𐰇𐰇 means ‘grandfather’. If 𐰇 reads *ob*, this pronunciation is close to 𐰇𐰇 *abōg~obo*: of Written Mongolian language; the word 𐰇𐰇 ‘grandfather’ is pronounced *ob* or *obo* in many dialects of Mongolian languages. It is clear that 𐰇 can be read as *bo ~ bu*, but sometimes it can also be read as *ob*.

Some researchers believe that the pronunciation of the original character 𐰇 is *ru* and some others read it as *ru* or *rə*. However, this original character is often used in the initial position of blocks (31 time in all known materials of Khitan Small Script). For exam-

ple, $\begin{matrix} \text{𐰇} & \text{𐰇} & \text{𐰇} \\ \text{𐰇} & \text{𐰇} & \text{𐰇} \end{matrix}$ and so on. It seems certain

that these blocks might denote the native Khitan words, rather than Chinese loanwords. We have all known that the Altaic languages have common feature that the consonant *r* never appears in the beginning of a word. It is obvious that these words are no exception and that their first sound is not *r* and in front of the consonant *r* must stand a certain vowel.

𐰇 is one of common original characters and scholars have determined its pronunciation as *p*. However, recently Professor Liu Pujiang 劉浦江 (liú pǔjiāng) pointed out that the block $\begin{matrix} \text{𐰇} \\ \text{𐰇} \end{matrix}$ denotes personal name 阿保謹 (*ābǎojǐn*) [Liu Pujiang 2008]. It indicates that original character 𐰇 also has a vowel in front of its consonant *p*.

In summary, each of the original characters 𐰇, 𐰇, 𐰇, 𐰇 and 𐰇, which were mentioned above, has two different pronunciations and one feature in common: their vowels can appear in front or behind of their consonants. It must be a spelling characteristic of the Khitan Small Script. We can call this rule ‘Vowel Attachment’.

To varying degrees, other writing systems also have this sort of rule. For instance, Mongolian word 𐰃𐰆𐰏𐰏 (rasiyan) reads [ɑʃɑ.ŋ], 𐰃𐰆𐰏 (radio) reads [ɑʃɑ:ɖʒ:], 𐰃𐰆𐰏 (yša:ŋ jayur_a) read [ɑgʃɪɖʒ:r] and so on. In the Written Mongolian language, all these words have no vowel in front of their first consonant, but each of these words is actually pronounced with a vowel ‘ɑ’ in spoken Mongolian.

However, there is a similar spelling rule in Old Turkic script. Let us take a look at the following characteristics of Old Turkic script:

(1) In this writing system 4 letters are used to denote 8 vowels: the letter 𐰇 denotes *a*, *ä*, 𐰇 denotes *i*, *ı*, 𐰇 denotes *o*, *u* and 𐰇 denotes *ö*, *ü*.

(2) 屏当尔火 力立 又及艾和 令 圣和 符列 圣
出 出
Dolon lady uncle large tent's these two's children
two; *Yellü Dile Epitaph-11*

(3) 凡安 用中 火 屋丞 及子 令 关化 为牛
和 弱矢 又 今 今 今
country's Iribin event administrate raise these of-
ficial positions there was; *Yellü Dile Epitaph-20*

(4) 凡安 用中 火 屋丞 及子 令 关化 为牛
和 弱矢 又 今 今 今
South Courtyard Fu Bu Shu these official posi-
tions there was *Yellü Zongjiao Epitaph-12*

Based on the following examples, researchers are able to understand that its pronunciation is $t \sim t'$.

令 牛 凡 t' -ai ᠰᠢ 太師 (official title, *tàishī*)

令 百 今 今 t (∂) i s -u 德祖 (posthumous title of an emperor, *dézǔ*)

凡 丙 今 文 火 考 k -iou-uy t -ie-en 宮殿 ('palace', *gōng-diàn*)

安 火 焚 考 令 火 今 雨 η -iu ue -en t' -uy ts -in
禦院通進 (official title, *yùyuan tōng jìn*)

Even though it was said about the character 令 that its meaning may be close to 'et cetera', it may be different from the equivalents in all other Altaic languages. If we apply Vowel Attachment rule once again, we can not only understand the character 令, but also can reconstruct its pronunciation that is close to the word ᠮᠣᠯᠤ [∂d] in Mongolian language. In other words, if we add the vowel ∂ in front of the Khitan word $t \sim t'$, it can be read ∂t or $\partial t'$ which is similar to ᠮᠣᠯᠤ , which means 'these' in medieval Mongolian language. The meaning of 'these' is written as '額迭' in *The Secret History of the Mongols*:

Yisügei_ba'atur-un Hö'elün-üjin-eč Temüjin Qasar
 $\text{ᠶᠢᠰᠦᠭᠡᠢᠪᠠᠲᠤᠷᠤᠨ ᠬᠣᠡᠯᠦᠨ ᠦᠵᠢᠨ ᠡᠴ ᠲᠡᠮᠦᠵᠢᠨ ᠬᠠᠰᠠᠷ}$

Qači'un Temüge ede dörben kö'üt töre=be.

$\text{ᠬᠠᠴᠢᠤᠨ ᠲᠡᠮᠦᠭᠡ ᠡᠳᠡ ᠳᠣᠷᠪᠡᠨ ᠬᠣᠡᠲ ᠲᠣᠷᠡᠨ ᠪᠡ}$

[Kuribayashi 2001]

Here the word 額迭 (*ede*, *édié*) denotes persons and its meaning is the same as in the examples (1) and (2) mentioned above. In the examples (3) and (4) 令 means things in the same way the word 額迭 (*édié*) also denotes things in *The Secret History of the Mongols*:

jamuqa-yin ede üges in-u Qasar Belgütei qoyar ire=jü
 $\text{ᠵᠠᠮᠤᠬᠠ ᠶᠢᠨ ᠡᠳᠡ ᠦᠭᠡᠰ ᠢᠨ ᠤ ᠬᠠᠰᠠᠷ ᠪᠡᠯᠭᠦᠲᠡᠢ ᠬᠣᠶᠠᠷ ᠢᠷᠡᠵᠢᠦ}$

Temüjin-e ügüle=jü To'oril_qan-na kelen gürge=be.

$\text{ᠲᠡᠮᠦᠵᠢᠨ ᠡ ᠦᠭᠦᠯᠡᠭᠡᠢ ᠵᠢ ᠲᠣᠣᠷᠢᠯ ᠬᠠᠨ ᠨᠠ ᠬᠡᠯᠢᠨ ᠭᠦᠷᠭᠡᠨ ᠪᠡ}$

It seems certain that the character 令 and the word 額迭 (*ede*, *édié*) have the same meaning. Because of this, we can read 令 as ∂t or $\partial t'$.

(4) There is even a more interesting example, which might considerably support the existence of the Vowel Attachment. The characters 又 夕 百 mean 'grandmother', which was identified by researcher Liu Fengzhu. 又 reads $m \sim m\partial$, which was reconstructed in 1970s, 夕 reads $k \sim k\partial$ which was reconstructed by myself, and 百 reads $\partial muo \sim \partial m\partial$ which was mentioned above. So, together they are read as $m\partial k\partial \partial m\partial$. If we add the vowel ∂ , it can be read as $\partial m\partial k\partial \partial m\partial$. This reading is very close to ᠮᠠᠬᠡᠭᠢ ᠮᠠᠮᠠ [$\partial m\partial\text{əᠭ} \sim \partial m\partial$] in Written Mongolian, [$\partial m\partial$] in Modern Mongolian language.

Bibliography

Ji Shi 1986 — *Ji Shi* 即實, "Qidān xiāozì jiědú shílíng" (shàng), 契丹小字解讀拾零(上) [Brief notes on the decipherment of the Khitan small script]. Dongbei Difangshi Yanjiu, 1986, No.4, P. 64—73.

Ji Shi 1996 — *Ji Shi* 即實, *Milínwènjìng Qidān xiāozì jiědú xīnchéng* 謎林問徑—契丹小字解讀新程 [Seeking a path through the forest of riddles: a new stage in the decipherment of the Khitan Small Script], Liaoning minzu chubanshe, Shenyang, 1996, P. 1—659.

Kuribayashi 2001 — *Hitoshi Kuribayashi* 栗林均 and *Chojinjab* 确精扎布, *Gentyou Hishi Monggorugo zentan-shi · gobi sakuin*, 元朝秘史モンゴル語全単語・語尾索引 [Word and Suffix-index to The Secret History of the Mongols], The center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, Sendai 仙台, 2001.

Liaoshi — [Yuán]Tuōtuō [元]脫脫, *Liáoshǐ* 遼史 [the history of Liao], Zhong Hua shuju, Beijing, 1974, 10.

Liu Fengzhu 1981 — *Yú Bǎolín* 于寶林 and *Liú Fèngzhù* 劉鳳翥, "Gù yēlù shì míngshí bǎwēi" 故耶律氏銘石跋尾 [An appendix to the 'Epitaph of the late Mme. Yelü]. Wenwu ziliao congkan, No. 5, 1981, Beijing. P. 175—179.

Liu Fengzhu 2006 — *Liú Fèngzhù* 劉鳳翥, *Biānfǎng Qidān wénzì huàtābēi* 遍訪契丹文字話拓碑 [Travels in search of the Khitan script and tales about rubbings of Khitan inscriptions], Huayi chubanshe. Beijing, 2006, 8.

Liú Pǔjiān 2008 — *Liú Pǔjiāng* 劉浦江, *Sōngmò zhījiān* — *Liáo Jīn Qidān Nǚzhēnshǐ yánjiū* 松漠之間—遼金契丹女真史研究 [Between Song and Mo — studies on Liao Jin Qidan nüzhēn shǐ yanjiu], Zhonghua shuju, Beijing, 2008, 7, P.P. 1—409.

Murayama 1951 — *Murayama Shichirou* 村山七郎, "Kittan ji kaidoku no houhou" 契丹字の解讀の方法 [Methodology for deciphering the Khitan script], Gengo Kenkyuu 言語研究, March 1951. No. 17/18. P. 47—69.

Wang Hongli 1986 — *Wáng Hónglì* 王弘力, "Qidān xiāozì mùzhì yánjiū" 契丹小字墓誌研究, [Research on epitaphs in the Khitan small script]. Minzu Yuwen, No. 4, 1986. P. 56—70.

РЕЗЮМЕ

К настоящему времени выяснено фонетическое значение больше чем половины символов малого киданьского письма. Однако в ряде случаев эта работа натывается на определенные трудности. Ориентируясь на сопоставление с принципами тюркского рунического письма и анализируя дешифруемые слова, можно заметить, что в малом киданьском письме используется принцип «подставной гласной», когда знак читается с дополнительной предшествующей или последующей гласной, определяемой правилами вокалического сингармонизма.

SUMMARY

More than half of the original characters of Khitan Small Script have been analysed and their phonetic value has been reconstructed. Nevertheless, in the course of decipherment, researchers often run into certain difficulties. Based on evaluation of deciphered words and comparison with the spelling system of Ancient Turkic Script, we conclude that an "additional vowel" may be used in the spellings of the original characters. The signs can be spelled with a preceding or following vowel in accordance with vowel harmony rule.

Музыка шаманского обряда как языковая система (на примере самодийских народов)

Шаманизм является существенной особенностью культуры самодийских народов¹. Зафиксированные в XIX—XX вв. богатые материалы по шаманству (этнографические описания обрядов и ритуальных атрибутов, обрядовые тексты, аудиозаписи и видеозаписи и др.) дают современному исследователю яркое представление об этом культурном феномене. Исключением являются энцы, у которых не были зафиксированы тексты шаманских обрядов, и представление о шаманстве которых необходимо реконструировать, опираясь на данные родственных культур.

При музыковедческом анализе шаманских песнопений самодийцев обнаруживается множество типологически сходных характерных черт в музыкальных выразительных средствах (мелодике, ритме, фактуре, тембре и др.). В связи с этим мы высказали предположение, что семиотические средства шаманской музыки являются общими для самодийских народов [Добжанская 2008].

Музыка самодийских народов может рассматриваться как особый язык, то есть «естественно возникшая и закономерно развивающаяся знаковая система, обладающая свойством социальной предназначенности»². В традиционной культуре самодийских народов музыка является особым языком коммуникации между обособленными группами (людей, сверхъестественных существ и т. д.). В данном случае термин «язык музыки» трактуется в широком смысле, как средство общения, при котором «акцентируется коммуникативная природа музыки, коммуникативные функции музыкального языка» [Иванченко 2001]. При подходе к музыке как к особому языку особенно существенным становится момент выяснения соответствия между знаком и значением, то есть семантики музыкальных выразительных средств.

В данной статье хотелось бы, во-первых, рассмотреть этноисторический контекст общности музыкального языка шаманских обрядов самодийских народов, во-вторых, конкретизировать харак-

терные признаки, очерчивающие общий узнаваемый контур музыкальной ткани обряда. Предпосылками существования этого явления, очевидно, являются как этническая история самодийских народов, так и тесные этнокультурные контакты народов северо-енисейского региона.

Учитывая, что читателями журнала являются лингвисты, фольклористы, этнографы, автор надеется также на обратный отклик коллег и возможность дискуссионного обсуждения основных положений статьи, касающихся вопросов смежных наук.

Этническая история самодийских народов насчитывает длительный период. Датировка прасамодийского периода (начало IV-го — конец I-го тысячелетий до н. э.) и определение территории «самодийской прародины» в таежной зоне бассейна реки Енисей производились венгерскими учеными П. Хайду [Хайду 1964] и П. Верешем [Вереш 1985] на основе свидетельств палеолингвистики и палеоботаники. Основываясь на лингвистических данных, Е. А. Хелимский пишет о прауральской общности народов во II-м тысячелетии до н. э., прасамодийской — в начале I-го тыс. н. э. [Хелимский 2000: 26]. Ряд работ отечественных этнографов-североведов посвящен теме этногенеза и этнической истории самодийских народов. В первую очередь, это работы Б. О. Долгих «Очерки по этнической истории ненцев и энцев» [Долгих 1970] и «Происхождение нганасанов» [Долгих 1952], очерки В. В. Васильева «Ненцы и энцы», Ю. Б. Симченко «Нганасаны», В. В. Лебедева и З. П. Соколовой и «Селькупы» в коллективной монографии «Этническая история народов Севера» [Гурвич 1982].

Российские этнографы и лингвисты сходятся во мнении, что предки современных самодийских народов населяли Западную и Южную Сибирь (междуречье Оби и Енисея, Северный Алтай и Саянское нагорье), откуда постепенно, несколькими волнами, мигрировали на север, в лесотундровую и тундровую зоны Центральной и Западной Сибири, взаимодействуя и трансформируясь в результате ассимиляции с племенами аборигенного населения. Б. О. Долгих и Ю. Б. Симченко уточняют также представление о субстратном населении, населявшем арктическую зону Средней Сибири как о неолитических охотниках на дикого северного оленя, знакомых с употреблением лука и стрел, и этнически, возможно, родственных юкагирам [Симченко 1976]. Другими аборигенными насельниками приполярной зоны являлись древ-

¹ Из народов самодийской общности до настоящего времени существуют ненцы, энцы, нганасаны и селькупы. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, ненцев насчитывается 41302 чел., селькупов — 4249 чел.; нганасан — 834 чел.; энцев — 237 чел.

² Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 604.

Добжанская Оксана Эдуардовна: доктор искусствоведения, зам. директора Городского Центра народного творчества (Дундинка).

ние охотники на морского зверя, *сихиртя*, память о которых сохранили предания тундровых ненцев [Хелимский 2000: 30].

Основываясь на предположении о том, что предки современных самодийских народов имели общее происхождение, историю и традиции, закономерно поставить вопрос о поисках некоего общего для этих народов древнего музыкального языка, который мог сохраниться в самой консервативной части культуры — в обрядовой сфере. Представление об обрядовом фольклоре как самой древней части культуры этноса не является новым (в частности, об этом высказывались И. Земцовский, Б. Путилов и др). О шаманском обряде как особой среде сохранения древнейших форм языка, в которой консервировались старинные языковые идиомы, писал Е. А. Хелимский [Хелимский 2000: 155—158]. Учитывая данные археологов, датирующих первые находки, свидетельствующие о шаманизме в Сибири, IV—III тыс. до н. э. [Дроздов 1991; Кистенев 1992; Кубарев 1992; Мартынов 1992; Фролов 2000], проблема изучения системы музыкального языка шаманского обряда приобретает интереснейший исторический ракурс в плане возможности реконструкции музыкального языка неолита.

Другим основанием для поиска общих черт музыкального языка шаманского обряда самодийцев являются тесные **межэтнические контакты**, существовавшие у проживавших в непосредственном соседстве племен. Эти контакты касаются всех сфер культуры и проявляются как в виде наблюдаемых заимствований передовых культурных форм (например, заимствования в культурно-хозяйственной области, а также в сферах языка, фольклора, обряда, музыки и т. д.), так и в виде наличия некоторого общего для группы этносов набора культурных фактов, навыков и приемов культурной деятельности. Привлечение широкого этнокультурного контекста позволяет увидеть характерную музыкальную специфику шаманского обряда самодийских народов как результат длительного процесса развития и общекультурного обмена. Необходимо сделать оговорку, что тема культурных заимствований в самодийском шаманизме в статье только намечена и нуждается в развитии.

Г. Н. Грачева указывает, что «в шаманстве нганасан было много общих черт с шаманством селькупов и, особенно, энецов. У нганасанских шаманов были и энецкие, и тунгусские «учителя», в прошлом возможно и юкагирское влияние. Нам известно, например, ... что в начале века кетские шаманы встречались на рыбалке в устье Енисея с долганями и ненцами. Там и могли они воспринять некоторые элементы кетского шаманства. Так, один из ненцев, Лырмин, целиком купил кос-

тюм у шамана другой национальности. То же могло происходить у нганасан» [Грачева 1981: 88]. Исследовательница приводит сведения о том, что у нганасанского шамана Тубяку были духи-помощники ненецкого происхождения (Ялмал, Морафати'е, Нумгавой) [Грачева 1981: 85].

Для лечения больного родственники могли приглашать шамана не только своей национальности, но и другой (из живущего по соседству племени). Например, у нганасанского шамана Тубяку Костеркина был шаманский костюм долганского покроя, в который он облачался для проведения коротких камланий в 1989 г. Этот костюм был сшит для шамана благодарной клиенткой-долганкой, излеченной им от болезни [Добжанская 2002: 12]³. Интересно, что Тубяку в молодости иногда бывал помощником на камланиях долганской шаманки Агафьи Сотниковой, более того, шаманские напевы А. Сотниковой сохранились и оказались доступными для музыковедческого изучения именно через имитационную передачу нганасанского шамана Тубяку [Алексеева 2005: 102—104].

Отдельного освещения заслуживает вопрос о существовании в репертуаре фольклорных исполнителей широкого набора фольклорных сюжетов и мелодики, заимствованных у других самодийских народов. В частности, уже указывалось на широкое бытование в репертуаре нганасанских сказителей ненецких эпических сюжетов [Костеркина 2002] и ненецких эпических напевов [Добжанская 1994]. В наших полевых материалах есть записи таймырских информантов, которые, являясь трилингвами, были носителями ненецкого, энецкого и нганасанского фольклора: например, энцы Деньчуде Мирных (1921—2006) из поселка Волочанка, Курумаку Туглаков (1924 г.р.) из поселка Усть-Авам. Эти случаи далеко не единственные, так как из-за этнической пестроты Таймырского региона и широкого распространения смешанных браков владение музыкально-фольклорной традицией обоих родителей или партнеров по браку является скорее правилом, чем исключением. Наши полевые материалы демонстрируют наличие в репертуаре нганасан личных песен не только энецких или ненецких родственников, но также и соседей-долган (коллекция записей Дюлсымяку Костеркина 1990 г., записи Салира Порбина из п. Волочанка 1990 г. и т. д.).

³ Существуют и устные свидетельства того, что в авамской тундре к заболевшим долганам приглашали нганасанских шаманов. Долганский писатель Николай Анисимович Попов рассказывал автору, что в детстве его больную руку лечил шаман Дюхадие с помощью меховой шкурки, привязанной к больному месту, а также приводил другие примеры успешной лекарской практики нганасанских шаманов среди долган (полевые материалы автора 2005 г.).

Таким образом, необходимые предпосылки для наличия общего обрядового музыкального языка у самодийских народов несомненно существовали.

Музыкальный язык шаманского обряда самодийских народов

Музыкальным материалом для изучения данной проблемы стали нганасанские шаманские обряды Тубяку Костеркина (1989 г.), Демнине Костеркина (1977 г.), Дюлсымяку Костеркина (1990 г.); ненецкие шаманские напевы *самбадаби* из коллекций Т. Лехтисало (1911—1914 гг., 1928 г.), Я. Ниemi (1998 г.); шаманские песни Деньчуде Мирных (1994 г., 2002 г., п. Волочанка); селькупские шаманские напевы из коллекций К. Доннера, О. Казакевич, Ю. Юнкерова, Ю. Шейкина, А. Айзенштадта, И. Богданова, А. Леконта.

Изучение музыкального языка шаманского обряда как особой знаковой системы, построенной на средствах музыкальной выразительности, производится постепенно, путем характеристики ее важнейших элементов: типов интонационно-акустических событий и фактуры, метра и ритма, звуковысотной и тембровой организации шаманских песен. При этом характеристика элементов музыкального языка происходит не только с учетом их смысловых функций, но также с учетом «обратной связи», а именно, с пониманием обстоятельства, что данные функции обуславливают определенную структуру выразительных средств.

Типы интонационно-акустических событий

В музыкальном фольклоре самодийцев существует пять основных типов интонационно-акустических событий⁴: вокальный (связанный с песенной традицией), речевой, промежуточный (вокально-речевой, связанный с эпическим и сказочным нарративом), инструментальный и сигнальный. В светской культуре сформирована оппозиция типов интонирования: вокально-речевые типы интонирования противопоставлены инструментальному и сигнальному типам и не встречаются совместно в одном и том же жанре. Шаманство — жанровая сфера, в которой перекрещиваются все основные типы интонирования: здесь пение под

⁴ Термин «тип интонационно-акустического события» в данном исследовании употребляется в соответствии с предложенной Ю. И. Шейкиным концепцией «интонационной культуры этноса» и подразумевает «пространство интонационно-акустических событий, в которых актуализирован процесс социального обнаружения музыки» [Шейкин 1986: 243]. Приведенная ниже Таблица 1 основана на полевых материалах автора, а также словарных материалах Ю. И. Шейкина [Шейкин 1996].

аккомпанемент обрядового инструмента (бубна и др.), перемежающееся с речитативными эпизодами и прозаическими диалогами, сосуществует с развитой системой звукоподражательных сигналов, представляющих зооморфных духов-помощников. Это наглядно отражено в таблице 1, где указаны национальные названия жанров музыкального фольклора и инструментов.

Фактура — важный отличительный признак музыкально-фольклорных жанров: повествовательные и песенные жанры поются соло без сопровождения какого-либо музыкального инструмента, и только в шаманском обряде пение многоголосно. Правилom является то, что в традиционной культуре нганасан, ненцев, селькупов обрядовый и необрядовый фольклор противопоставлены по типу исполнения. Обряд выполняется коллективно (в камлании наряду с шаманом присутствуют помощники-подпеватели, а в круговом танце пляшут все жители чумов), и многоголосие как следствие коллективного исполнения маркирует обрядовые жанры.

Осмысление многоголосия в шаманском обряде требует особых исследовательских подходов. По отношению к архаической музыке самодийских народов уместна точка зрения М. Харлапа о первичности коллективного пения: «...вместо... волнующего музыковедов вопроса о происхождении многоголосия следует поставить противоположный вопрос — о происхождении одноголосия, ибо возникшая в коллективном действе — игра, обряд, совместный труд — музыка изначально была многоголосной. Поскольку каждый участник вносит свои варианты, из их одновременного сочетания возникает первичная форма полифонии — так называемая гетерофония» [Харлап 1972: 251]. Мнение о постепенной кристаллизации унисона из первоначального коллективного исполнения высказывают специалисты по музыкальной этнографии — североведы и востоковеды [Алексеев 1967; Галицкая 1981].

В камлании господствует респонсорное пение (после каждой мелодической строки, спетой шаманом, следует ее повторение в партии помощников). Использование респонсорной техники композиции в шаманских ритуалах можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, этим способом достигается непрерывность звучания песни (которая, согласно верованиям нганасан, помогает шаману взлететь и нест его в мир духов). Во-вторых, респонсорный ответ помощников дает шаману время, необходимое для импровизации новой текстовой строки.

Особого рассмотрения заслуживает фактура обрядового пения. Целесообразно вместо термина «многоголосие», подразумевающего функционально упорядоченную систему голосов, употребить

Таблица 1

Основные типы интонационно-акустических событий

Типы интонационно-акустических событий в светских жанрах				
Вокальный	Вокально-речевой	Речевой	Инструментальный	Сигнальный
Песни личные, застольные, детские, иносказательные (нганасанские <i>балы/кэйнгэйрся</i> , ненецкие <i>сё/шё, хынабц</i> ; энецкие <i>барэ/кунуярэ</i> , сев. селькупские <i>кольма/коймы, ыынгыма</i>)	Эпические жанры (нганасан. <i>ситабы/дюрымы</i> , ненецк. <i>сюдбабц/ярабц</i> ; энец. <i>сюдобичу/дёречу</i> ; сев. селькуп. <i>кёёлтыма</i>)	Мифы, предания, загадки, короткие жанры (ненец., энец., селькуп.)	Наигрыши на звуковых инструментах: манках, детских игрушках, фоноинструментах. Хордофоны: музыкальный лук <i>сэнтыря ынты</i> (сев. селькуп.), <i>конгинтэ динтэ</i> (нган.); <i>сянако нгын</i> (ненец.); лютя <i>кага/скагабылькок/кумбырса</i> (юж. селькуп.), <i>пынкыр</i> (сев. селькуп.), <i>тэтыгол сэнку</i> (энец.), <i>сянако мирв</i> (ненец.). Аэрофоны: флейты и свистки <i>сючарса</i> (нганасан.), <i>сизыди</i> (энец.), <i>путы, сычапо</i> (сев. селькуп.), <i>пузи, сетыля</i> (юж. селькуп.); вихревые/вращаемые аэрофоны — <i>санихеры/беахеры</i> (нганасан.), <i>коальпо, кыммапо</i> (сев. селькуп.), <i>поси/вырвыр</i> (энец.), <i>вывко</i> (ненец.). Идиофоны — колокол, бубенец, попарно соединенные трубочки, соударяемые подвески и погремушки, фигурные метал. пластины на празднич. и детской одежде, на оленьей упряжи, обрядовых сооружениях и т. д.	Охотничьи манки Сигналы Исполнение обрядового танца
Типы интонационно-акустических событий в шаманском обряде				
Шаманские песни (<i>нгаза балы</i> нганасан., <i>самбадабц</i> ненец., <i>сюмптя</i> селькуп.)	Речитативные заклинания, молитвы	Разговоры шамана с помощниками	Обрядовые инструменты: бубен <i>хендир</i> нган., <i>пензер/пензяр/пеньшал</i> ненец., <i>педди/федди/фендир/фензир</i> энец., <i>нунга</i> (сев. селькуп.), <i>пынкыр</i> (юж. селькуп.); колотушка <i>хета'а</i> нган., <i>пеңгабц/ладорабц/пенкафс</i> ненец., <i>қашиит</i> (сев. селькуп.), <i>солаңг</i> (юж. селькуп.); посох <i>чире</i> нган., <i>чуро</i> энец., <i>чуры</i> селькуп.; крюк для котла <i>хоу</i> нган.; котел/ведро; шаманский лук со стрелами <i>ынты</i> сев. селькуп., <i>на иддо/камо иддо</i> энец.; варган <i>пыңкыр/пыңгыр</i> сев./юж. селькуп.; подвески-погремушки на шаманских атрибутах.	Звукоподражания голосам духов-помощников

термин «разноголосие» (или, вслед за М. Г. Харлапом, гетерофония). Термин «гетерофония»⁵ (буквально — разнозвучие) отражает особенности пения шаманских помощников-туоптуси: эклектичность наложения голосов, спонтанное движение которых относительно друг друга не упорядочено никакими высотными и ритмическими параметрами. Нотировка такой гетерофонии требует написания голосов на разных линиях, с различным хронометражем.

Респонсорий, организующий ансамблевое пение в форму сольного запева шамана с припевом (ответом) помощников, повторяющих прозвучавшую в партии шамана строку, включает в себя разноголосие в момент припева. Припев, исполняемый одним или несколькими помощниками, к которым часто присоединяются другие участники обряда, представляет собой классический пример разноголосия (неструктурированное звуковое «облако» со спонтанными «выбросами» отдельных голосов и отрезков мелодии).

Респонсорное строение типично для нганасанских *нэзэ бэлы*, для ненецких *самбадабц*, для селькупских *сюмпта*. Нотации нганасанского шаманского пения опубликованы нами [Добжанская 2008], ненецкое шаманское пение успешно нотировал, вслед за А. Вьясянемом, Я. Ниemi [Ниemi 1995]. В шаманских обрядах селькупов и кетов также господствует респонсорное пение, о чем имеются этнографические свидетельства [Анучин 1914; Доннер 1979].

В целом, респонсорная техника пения в шаманском обряде распространена среди народов Севера и типична для этого региона. Подобное многоголосие в культуре эвенков описано этнографами и музыковедами [Мазин 1984; Стешенко-Куфтина 1930], является устойчивым стилевым признаком в шаманском обряде долган. Интересно, что долганская поэтесса Е. Аксенова в качестве художественного приема применила точный повтор строки для передачи атмосферы шаманского обряда [Аксенова 1989: 59].

Таким образом, респонсорное гетерофонное пение является неотъемлемой характеристикой музыкального языка шаманского обряда. Очевидно, что многоголосие является следствием коллективности выполнения шаманского обряда, характер многоголосия регламентирован мировоззренческой ролью музыки в ритуале.

Сигнальное интонирование — важнейший компонент звуковой ткани шаманского обряда.

⁵ Использование термина «гетерофония» для анализа шаманского пения необходимо отличать от гетерофонно-дублировочного склада фактуры, описанного музыковедами по отношению к несибирским музыкальным культурам (М. Скребкова-Филатова и др.).

Звукоподражания голосам зооморфных духов-помощников, издаваемые шаманом в разное время ритуала — свидетельство того, что эти духи присутствуют при камлании и поддерживают мощь шамана. Шаман мастерски подражает голосам духов-зверей (оленей, медведей) и духов-птиц (гусей, лебедей, гагар, орлов), и в этом шаманство самодийских народов следует в русле общесибирских традиций шаманизма. [Шатилов 1976: 159—160; Хомич 1981; Мазин 1984].

Кроме звукоподражаний голосам духов-помощников, в шаманском обряде присутствуют сигналы для управления стадом животных. Шаман представляется пастухом, управляющим стадом духов так же, как в обычной жизни оленевод управляет своим стадом оленей. Необходимым стилевым признаком начальной песни нганасанского обряда являются пастушеские сигналы — слоги *хой-хоу-хоу*^к обязательны для песни шаманского помощника (фономатериалы камланий Тубяку Костеркина и Дюлсымяку Костеркина).

Сигнальное интонирование в шаманском обряде выполняет важную ритуальную функцию, передавая голоса духов-помощников шамана и тем самым сигнализируя об их появлении (вспомним, что никаких иных, кроме звуковых, манифестаций духов-помощников не существует). Оно является необходимым компонентом для проведения ритуала.

Музыкальная композиция

Сюжет шаманского камлания, воплощающий путешествие шамана в сверхъестественные миры и общение с божествами, строится по единым принципам, описанным Е. С. Новик как сюжетные блоки «Начало противодействия», «Посредничество», «Ликвидация недостачи» [Новик 1984]. Сюжетная завершенность и симметрия структуры обрядов были обнаружены нами при анализе нганасанских обрядов шаманов Костеркиных [Добжанская 2002: 15—17, 27—28, 39—40] и ненецком «обряде предсказания будущего» [Пушкарева 1999: 55—61].

Отдельные сюжетные блоки воплощаются в крупных музыкальных формах непрерывного строения. Мелодической основой музыкальных разделов являются мелодии шаманских духов — своего рода **лейтмотивы**, закрепленные за определенными персонажами шаманского сюжета. Мелодии шаманских духов являются единственным мелодическим материалом обряда (в этом заключается их отличие от оперных лейтмотивов, которые соседствуют в музыкальной ткани произведения с другим музыкальным материалом). Мелодия шаманского духа многократно повторяется в партиях шамана и помощников, варьируется, ви-

доизменяется, однако используется все время до тех пор, пока воплощенный с помощью данной мелодии шаманский дух не уходит.

Наличие у каждого шаманского духа или божества персональной мелодии, маркирующей его речь, вытекает из мировоззрения самодийских народов: песенная речь на определенную мелодию, подчеркнутую сигнальным интонированием, является единственным способом демонстрации явившегося в обряде сверхъестественного существа. При этом к одному и тому же шаманскому духу может относиться и нескольких мелодий (это отмечено в нганасанских шаманских ритуалах, в ненецких обрядах А. Сэротэтто, в селькупских шаманских напевах из коллекции К. Доннера).

Наличие у каждого духа-помощника собственной мелодии характерно не только для самодийских народов, подобное явление описано Т. Д. Булгаковой в шаманстве нанайцев. По-видимому, это свойство является универсальным и может быть определено как типологически общий признак музыкальной организации шаманского обряда.

Крупные музыкальные эпизоды шаманского ритуала являются *полимелодическими*: они строятся на основе нескольких мелодий, без перерыва следующих друг за другом (таковы, например, начальные разделы камланий и монологи шамана). Последовательность мелодий в этих эпизодах зависит от порядка появления духов-помощников, протяженность разделов определяется длительностью обрядовой ситуации.

Музыкальная драматургия, скрепляющая образовавшиеся в шаманском обряде крупные музыкальные формы (полимелодические эпизоды), основана на чередовании динамических волн — закономерного повышения и спада эмоционального напряжения. Каждая «динамическая волна» состоит из двух этапов:

1) постепенного роста эмоционального напряжения, сопровождающегося постепенным ускорением темпа, повышением тональности пения, усилением динамики и напряженности интонирования (при повторении одной мелодии духа-помощника);

2) эмоционального спада (отдыха, разрядки), достигаемого с помощью: 1) торможения развития за счет приема контрастного сопоставления — введения новой песни духа, 2) нарочитой «остановки» движения (резкое изменение темпа, динамики, темброво-регистровой окраски пения).

Данные музыкально-драматургические приемы настолько часто встречаются в шаманской музыке самодийских народов (как в протяженных отрывках шаманских песнопений, так и в коротких мелодиях), что должны быть указаны как характерные.

Метрическая организация шаманских мелодий

Долгое время в филологической литературе бытовало мнение, что по отношению к самодийской поэзии нельзя говорить о метре, поэтических стопах, рифме (П. Хайду). Однако Е. А. Хелимский выявил регулярные модели силлабического стихосложения (лежащие в основе архаичных и новых фольклорных произведений), которые проявляются на глубинно-фонологическом уровне представления ненецкого стихотворного текста (глубинно-фонологическая модель для ненецкого языка была построена Ю. Янхуненом, см. [Янхунен 1986]). На многочисленных примерах он убедительно обосновал наличие метрической оппозиции 8/6-сложника, соответствующей оппозиции сакрального/мирского, в традиционном ненецком и нганасанском стихосложении. «Метрическая схема с изосиллабическими строками, содержащими по восемь вокалических мор (слов) каждая, при ударности нечетных слогов и с цезурой после четвертой моры, является нормативной для шаманских песнопений. Данная схема противопоставляет их не только обыденной речи, лишенной метрической организации, но и поэзии иных жанров (эпические, лирические, личные, инсказательные песни), где господствует шестисложник (шестиморные строки)» [Костеркина, Хелимский 1994: 25]. Анализируя тексты шаманских ритуалов Тубяку Костеркина, мы выявляем разделы с различными типами метрики:

1) изосиллабическая 8-сложная метрика (как правило, это насыщенный ритуальными словесными формулами сакральный традиционный текст при общении шамана с божествами);

2) гетеросиллабическая стиховая организация (менее ритуализованный текст при коммуникации шамана с присутствующими участниками обряда).

Анализ ненецких шаманских текстов [Ниemi 1995; Ниemi 1998] демонстрирует присутствие 8-сложника и 6-сложника. Характерно, что песни с 8-сложным текстом записаны в ритуальной обстановке, а песни с 6-сложным текстом — личные песни шаманов, записанные вне ритуальной обстановки — представляют собой рефлексию на жанр личных песен. Таким образом, 8-сложная метрическая схема характерна для шаманских песен, исполненных в обрядовой ситуации; вне обряда музыкальный язык шаманских песен претерпевает стилевое изменение, и приближается к светскому песенному языку и его 6-сложной метрике.

Метрика шаманских текстов энцев и селькупов, к большому сожалению, не изучалась лингвистами.

Для расширения представления о значимости восьмисложной метрической модели как основы организации ритуальных текстов интересно при-

Таблица 2

Ритмические формулы шаманских песен
самодийских народов

Этнос	Ритмическая формула шаманской песни	Имя информанта
Нганасаны		Тубяку Костеркин
		Тубяку Костеркин
Ненцы		Ядне 1928 г.
		Ядне 1928 г.
Селькупы		Константин Чекурмин
		Ирина Тамесемкина
		Константин Чекурмин

вести точку зрения финского музыковеда Тимо Лейсио. В статье «Восьмисложные метрические модели и шаманизм Евразии» Т. Лейсио пишет об обязательности данной метрической модели для шаманских песен финско-балтийских и сибирских народов, и в качестве одного из примеров указывает так называемый «метр Калевала», который встречается у финнов и эстонцев в текстах, связанных с мифологией и шаманскими знаниями [Лейсио 2001: 90]. Музыковед анализирует использование 8-морной метрической строки в ритуальных песнях народов различных языковых групп: финнов, обских угров, самодийцев, северных тюрков (якутов), тунгусских племен (эвенков) и находит в них 8-сложную метрическую основу.

Рассматриваемая проблема имеет и другой аспект: противопоставление 8-сложных и 6-сложных метрических моделей внутри шаманской традиции говорит о жанровой неоднородности этой традиции. В частности, Т. Ким указывает на четыре типа песен корейских шаманов: эпические, лирические, нарративные, театральные (драматические). И, если песни первых 3-х типов представляют собой монологи шамана, то 4-й тип драматических песен представляет собой диалог между героем (шаманом) и другими персонажами (шаманскими духами) [Ким 1989].

Ритмика шаманских песен характеризуется наличием трех типов ритмической организации:

1) музыкальная ритмика, определяемая метрической структурой текста (уникальна для шаманского обряда);

2) ритмика, отражающая силлабическое строение текста (характерна для повествовательных жанров, встречается и в шаманских мелодиях);

3) ритмика, отражающая собственно музыкальные закономерности строения мелодии при ведущей роли распевов (типична для песенной традиции, редка среди шаманских напевов).

Первый из указанных типов ритмики — метрический — является отличительным для мелодики шаманского обряда. Это мелодии силлабического строения (слог — нота), в которых ритм строго соответствует метрике стиха. Они построены по инвариантной ритмоформуле, отражающей стиховую метрическую схему четырехстопной трохеической строки с цезурой после первых двух стоп (см. таблицу 2). Столь строгое следование определенной ритмической модели встречается только в мелодиях центрального эпизода шаманского камлания.

Изоритмическая организация мелодий предопределена изосиллабизмом текста в напевах духов-помощников; в мелодиях практически отсутствуют внутрислоговые распевы (то есть мелодический фактор находится, по сравнению с тексто-

вым, на втором плане). Возможно, данная форма четкого произнесения музыкального текста обусловлена магической заклинательной функцией обрядового раздела.

Звуковысотная организация

Для анализа звуковысотного состава шаманской мелодики самодийцев удобно применить типологию раннефольклорного интонирования Э. Е. Алексеева. Напомним, что музыковед определил три основных мелодических типа (контрастно-регистровый — α -мелодика, глиссандирующий — β -мелодика и высотно-неустойчивый — γ -мелодика) [Алексеев 1986].

Наиболее часто среди шаманских мелодий встречаются 2—3-звучные узкообъемные образования, лежащие в рамках одного темброрегистра (секунды-терции, реже — кварты) и легко соотносимые с типом γ -мелодики. Таковы напевы Хоситала и Хотарыэ из шаманского обряда Тубяку Костеркина [Добжанская 2002: 114—134], ненецкие напевы «Старый бубен», «Шаманская песня Нгабтико Лапцуй» [Ниemi 1998: 74, 77], напевы селькупских шаманов Андрея и Ивана (коллекция К. Доннера), шаманские песни Л. Кусамина и М. Кусамина (коллекция И. Богданова), М.К. Киприной (коллекция А. Лекомта) [Добжанская 2008: 186, 191—192, 194].

Характерно, что в этих узкообъемных мелодиях высота тонов имеет «зонную» природу и плавно эволюционирует при повторях (что зачастую приводит к общему изменению тональности пения). Встречается и другое явление — высотную эволюцию претерпевают не все звуки мелодии, а только некоторые из них: резкие выбросы-скачки, вырывающиеся из плавного течения мелодии. В таких мелодиях постепенное высотное изменение

звуков подчеркивается противопоставлением регистров пения и усиливается благодаря темброво-му контрасту.

В чистом виде α -мелодика, основанная на сопоставлении поляризующихся тембро-регистров, представлена начальными песнями обрядов Тубяку и Демнине [Добжанская 2002: 94, 144—148], ненецкими шаманскими напевами Ивана Яптунэ [Добжанская 2008: 182, 183] и фонограммами из коллекции Т. Лехтисало [там же: 177]. Принцип сопоставления тембро-регистров (оппозиция человеческого голоса и голосов птиц) является формообразующим в селькупской песне «Через озеро» [там же: 193].

Вышеописанные раннефольклорные мелодические типы применяются не только в шаманских мелодиях, но характерны для всех вокальных жанров фольклора нганасан, ненцев и северных селькупов⁶.

Музыкальная архитектура напевов шаманского обряда обусловлена структурой респонсорного пения. Анализируя строение шаманских мелодий (исключая повтор того же материала у подпевающих шаману помощников), находим два типа напевов:

1) напевы стиховой формы (охватывающие один ритмический период);

2) напевы строфической формы, в которых несколько ритмических периодов объединяются в строфу, с неизменной группировкой внутри нее.

Деление на мелодические синтагмы осуществляется с помощью **попевок**, которые служат структурными разделителями. Попевки совпадают с бессмысловыми слогами и имеют определенное место локализации (чаще — в начале мелодической строки или в месте разделения полустрок цезурой). Попевки бывают следующих видов: 1) мелодические формулы, 2) нисходящий широкий скачок в начале строки, 3) темброво маркированный долгий звук мелодии.

Интересно, что попевки всегда совмещаются с бессмысловыми слогами, в то время как смысловой текст песни пропевадается в речитативной манере. Это явление наблюдается в мелодиях ненцев, нганасан, селькупов, что свидетельствует об устойчивости данного признака.

Тембровая организация шаманских напевов имеет специфику, связанную с использованием

⁶ Необходимо учитывать различие локальных традиций южных и северных селькупов. Для мелодики южных селькупов характерны плавно нисходящие напевы широкого диапазона (октавного и более), для мелодики северных селькупов — олиготонные мелодические образования в диапазоне терции (реже — квинты). Локальные стили звуковысотности определяют структуру шаманской мелодики.

маркированных тембров: это звукоподражания голосам зооморфных духов-помощников и «звуковая маска» голоса шамана. Специфические тембры — «рычащая» окраска голоса (сильное сжатие полости глотки при пении Демнине), «тембровый кластер» (соединение фарингализации и ларингализации в пении М. Кусамина), — служат для маскировки голоса шамана и вызваны ритуальной функцией шаманских напевов.

Итак, анализ музыкального стиля шаманского обряда показал **наличие устойчивых признаков, характеризующих систему языка обрядовой музыки.**

1. Шаманский обряд как синкретическое музыкально-драматическое явление объединяет в единое целое все известные типы интонирования (вокальный, речевой, вокально-речевой, инструментальный, сигнальный).

2. Маркером музыкальной фактуры шаманского обряда является ансамблевое пение респонсорного типа (противостоит сольному однострою исполнению в других жанрах народной музыки).

3. Музыкальная композиция обряда является крупным полимелодическим образованием (в котором мелодии являются звуковыми воплощениями шаманских духов); музыкальная структура обряда подчинена ритуальной основе камлания. (Интересно, что в светских жанрах музыкального фольклора самодийцев подобных композиций не выявлено).

4. Правилем звуковысотной организации композиции шаманского обряда является постепенное повышение тональности мелодий, связанное с повышением эмоционального тонуса шамана при проведении ритуала. (В не-обрядовых фольклорных жанрах данное явление отсутствует).

5. Правилем организации шаманских текстов является восьмисложный стих (в то время как не-обрядовые тексты организованы в шестисложной метрике).

6. Ритмическая организация шаманских напевов предусматривает наличие инвариантной ритмической формулы, лежащей в основе всех мелодий центрального раздела шаманского обряда и отражающей метрику стиховой строки (в мелодиях не-обрядовых жанров подобная ритмика не обнаружена).

7. Тембровая специфика шаманских песен создает образ «обрядовой маски», уподобляющей поющего шамана животному-тотему или шаманскому духу-помощнику.

Показательно, что **все основные стилевые характеристики шаманского пения являются имманентно музыкальными, их появление детерминировано ритуальной функцией музыки.**

В связи с этим можно сделать вывод, что музыкальный язык шаманского обряда, сформированный в непосредственной связи с ритуальной практикой, имеет жесткую ритуальную предназначенность. Семиотические фигуры обрядового музыкального языка строго соответствуют ритуальным функциям, вследствие чего этот язык является табуированным и вне обряда никогда не используется.

Проблему дальнейшего исследования шаманской музыки хочется сформулировать в виде во-

проса: является ли языковая система шаманской музыки специфически самодийским культурным явлением, или она формировалась в более древнюю эпоху культурно-языковой общности? К сожалению, при нынешнем уровне музыковедческих данных о культуре неолита этот вопрос едва ли найдет корректный ответ, но для исследовательского размышления глубина ретроспекции иногда бывает вдохновляющей...

**Начальный эпизод
шаманского камлания Демниме**

Говорит туюптуси (помощник шамана Дюлсымяку):

Тыминиа тәну дюзы дерны моунтә
бәзуа "тундә, моунтә хелиз кәйдя
һонәй һарәгәйтундә, һарәгәйгу "кәндутә
люосанди" әнтыры" әң.
Тәрәди дязикүмәәнү
тәниа нәнсу "птырыди демби" лиси
матә черә тәптә бәнсә нядезә
демби" лиси мануодеәм, мануодеәм
дембиа "тәты, мануодем нилу" тәты
демби" лиси
куо "дәра тәрәди әмләди демби "птіармы"
тыминиа демби "птіармы".
Нюодей" чубә хону "сытә ихүнүнтү
һойбуучу" бәнду" а диләкәәры".
Кумәәны коныңың Коті" немы?
кумәәны коныңы Калану Мингиде?
кумәәны коныңы Дяу" малы Баса Динтүа,
кумәәны коныңы?
Нойбуучу" бәнду" а диләкәәры!
Тәптә моу, әмләди моу бәжуамтарәм
моу бәжуамтарәм һонәй хјотини
чу" нарәмсузә ихүнүнү" – ногу" хјутү"
куниа иңу?

Говорит туюптуси (жена шамана Хярку):

Тыминиа хе" ратә
хе" ратә хјотә хельә тыминиа немси" тиндита,
хјотә, хјоту тыминиа куо" тундә
хелиз кәйтәәты куо" тундә
һамаяйкүоју нилыты хельәзәы нилыты
тыминиа тәрәди моу кјуа "хуандутә
тыминиа бәжуа" тәндутә бәжуатуо
моумтә тыминиа хельә" куты ба" депту" тундә
соңхоляңкә люосатәрә дерымхиаты "

Сегодня в середине лета,
Когда земля выросла (на ней расцвели травы),
когда земля в другую сторону оглянулась
(сторону наступающей осени).
Для этого, так вас одев,
обитатели твоего жилища
все по-нганасански оделись,
в стародавнее одеяние,
в прежней жизни одежду
сегодня мы оделись.

Если эти одежды и до внуков носиться будут,
духи, поднимите свои головы!
Где ты, Мать Яловых Важенок?
Где ты, Калангу Мингиде?
Где ты, Дяумалы Баса Динтуа,
где ты?
Поднимите свои головы!
Впредь, если мы через много лет будем способны
дожить до расцвета трав и цветов,
что же, если вы приблизитесь к нам?

Сегодня наоборот,
когда половина года уходит (проходит),
когда года осталось уже мало,
одна половина его прошла, другая – то живет,
сейчас, когда собирается увянуть,
когда выросло,
и выросшего на земле
хоть половина еще жива (не увяла),
пятеро русских (для тебя) попало, оказывается,

Литература

- Аксенова 1989 — Аксенова Е. Бахыргас // Талые воды: Стихи и поэма. Москва, 1989.
- Алексеев 1967 — Алексеев Э. Е. Есть ли у якутов многоголосие? // Советская музыка 1967, № 5.
- Алексеев 1986 — Алексеев Э. Е. Раннефольклорное интонирование: Звуковысотный аспект. М., 1986.
- Алексеева 2005 — Алексеева Г. Г. Народно-песенное музыкальное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. Якутск, 2005.
- Анучин 1914 — Анучин В. И. Очерк шаманства у Енисейских остяков // Сборник музея антропологии и этнографии при Императорской Академии Наук. СПб., 1914. Т. 2, акт 2.
- Вереш 1985 — Вереш П. К вопросу финно-угорской прародины и этногенеза венгров в свете новейших палинологических данных // CIFU 6: Studia Hungarica. Budapest, 1985.
- Галицкая 1981 — Галицкая С. П. Теоретические вопросы монодии. Ташкент, 1981.
- Грачева 1981 — Грачева Г. Н. Шаманы у нганасан // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
- Гурвич 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.
- Добжанская 1994 — Добжанская О. Э., Григоровских С. В. Музыкальные портреты эпических сказаний нганасан (опыт сравнения мелодических вариантов) // Устный эпос: проблемы истории, теории и сказительства. Материалы Третьей Междунар. конф. памяти А. Б. Лорда. Якутск, 1994. С. 50—52.
- Добжанская 2002 — Добжанская О. Э. Песня Хортарэ. Шаманский обряд нганасан: опыт этномузыковедческого исследования. СПб., 2002.
- Добжанская 2008 — Добжанская О. Э. Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края. Норильск, 2008.
- Долгих 1952 — Долгих Б. О. Происхождение нганасанов // Труды Ин-та этнографии им. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Л., 1952. Т. 18. С. 5—87.
- Долгих 1970 — Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
- Доннер 1979 — Donner K. Siperian samojedien ke-skuudessa vuosina 1911—13 ja 1914. Keuruu, 1979.
- Дроздов 1991 — Drozdov N. I. The origin of Siberian people shamanism (Archaeological and ethnographic sources) // Regional Aspect of Shamanism. The International Conference on Shamanism. Seoul, 22—28 July, 1991. ISSR, University Kyung Hee, 1991. P. 146.
- Иванченко 2001 — Иванченко Г. В. Психология восприятия музыки: подходы, проблемы, перспективы. М., 2001.
- Ким 1989 — Kim T. The Realities of Korean Shamanism // Shamanism: Past and Present. Budapest — Los-Angeles, 1989. P. 271—282.
- Кистенев 1992 — Кистенев С. П. Реконструкция художественных и духовных ценностей древнего населения Колымы (по материалам Родинского шаманского захоронения) // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции. Тез. докл. междунар. науч. конф. (1992; Якутск). Якутск, 1992. С. 23—24.
- Костеркина 2002 — Костеркина Н. Т. Нганасанский повествовательный фольклор // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. / Сост. В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. М., 2002. С. 498—511.
- Костеркина, Хелимский 1994 — Костеркина Н. Т., Хелимский Е. А. Малые камлания большого шамана. Первое камлание. Второе камлание // Таймырский этнолингвистический сборник. М, 1994. Вып. 1. С. 17—107.
- Кубарев 1992 — Кубарев В. Д. Древнейшие шаманские изображения Алтая // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции. Тез. докл. междунар. науч. конф. Якутск, 15—22 авг. 1992. Якутск, 1992. С. 24—25.
- Мазин 1984 — Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX — начало XX века) / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск, 1984.
- Мартынов 1992 — Мартынов А. И. Шаманизм и наскальное искусство Северной Азии // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции. Тез. докл. междунар. науч. конф. Якутск, 15—22 авг. 1992. Якутск, 1992. С. 11—12.
- Ниemi 1995 — Niemi J. Transcriptions of Nenets songs in A. O. Vaisanen's "Samojedische Melodien" re-evaluated // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. V. 86. Helsinki, 1995. P. 129—166.
- Ниemi 1998 — Niemi J. The Nenets songs: A structural analysis of text and melody. Tampere, 1998.

- Новик 1984 — *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сиби́рском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 1984.
- Пушкарева 1999 — *Pushkareva E.* The experience of ethnological reconstruction of Nenets shamanistic ritual on the topic “prediction of the future” // *Ethnomusicologistian vuosikirja*; ed. J. Niemi. Helsinki, 1999. P. 55—61.
- Симченко 1976 — *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976.
- Стешенко-Куфтина 1930 — *Стешенко-Куфтина В.* Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов // *Этнография* 1930, № 3. С. 81—108.
- Фролов 2000 — *Фролов Б. А.* Дар знания и мотивация творчества // *Шаманский дар. К 80-летию доктора ист. наук А. В. Смоляк; отв. ред. В. И. Харитонов.* М., 2000. С. 278—291. (Этнологические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам. Том 6).
- Хайду 1964 — *Hajdu P.* Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* 1964, 14. P. 47—83.
- Харлап 1972 — *Харлап М. Г.* Народно-русская музыкальная система и проблема происхождения музыки // *Ранние формы искусства.* М., 1972. С. 221—273.
- Хелимский 2000 — *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000.
- Хомич 1981 — *Хомич Л. В.* Шаманы у ненцев // *Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири.* Л., 1981. С. 5—41.
- Шатилов 1976 — *Шатилов М. Б.* Драматическое искусство ваховских остяков // *Из истории шаманства.* Томск, 1976. С. 155—165.
- Шейкин 1986 — *Шейкин Ю. И., Цеханский В. М., Мазенус В. В.* Интонационная культура этноса (опыт системного рассмотрения) // *Культура народностей Севера: Традиции и современность.* Новосибирск, 1986. С. 235—247.
- Шейкин 1996 — *Шейкин Ю. И.* Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск, 1996.
- Янхунен 1986 — *Janhunen J.* Glottal stop in Nenets // *Memories de la Société Finno-Ougrienne.* Vol. 196. Helsinki, 1986. P. 89—167.

РЕЗЮМЕ

Шаманская музыка является важной частью культуры самодийских народов (ненцев, нганасан, энцев, селькупов). В последней четверти XX века она стала объектом этномузыковедческого изучения (И. Богданов, Т. Дорожкова, Я. Ниemi, Н. Скворцова, Ю. Шейкин). В данной статье рассматриваются предпосылки возникновения типологически общего музыкального языка шаманских обрядов самодийских народов, а также конкретизируются характерные языковые средства, очерчивающие общий узнаваемый контур музыкальной ткани обряда. Все отличительные стилевые особенности самодийской шаманской музыки (многоголосное пение респонсорного типа в сопровождении инструмента, музыкальная ритмика как отражение 8-сложной метрики ритуального текста, мелодии-«лейтмотивы» шаманских духов, композиция обряда как музыкального целого) обусловлены ее ритуальной функцией в обряде.

Статья написана на основе полевых материалов автора 1980—1990-х гг. и опубликованных архивных источников.

SUMMARY

Shaman music is the main part of musical culture of Samoyed peoples (Nganasans, Nenets, Enets, Selkups). In the last quarter of XX century it became a subject of ethnomusicological research by I. Bogdanov, O. Dobzhanskaya, T. Dorozhkova, J. Niemi, N. Skvortsova, Ju. Shejkin.

Shaman Music is conditioned by ritual functions and goals, all elements of shaman music (such as melody, rhythm, tempo, key etc.) are dependent on ritual purposes.

The main features of Samoyed shaman music are the following:

1. Shaman singing is accompanied by the drum, which is the main ritual shaman's attribute.
2. Shaman singing is a type collective responsorial singing: the solo part (performed by the shaman) alternates with the ensemble (or chorus) part, performed by the shaman's helpers.
3. The basis of the shaman texts is 8-syllable verses. It is contrasted to 6-syllable verses, which were associated with secular genres of Samoyed music.
4. This 8-syllable pattern is materialized in the rhythm of shaman songs through certain rhythmical formulas.
5. Each shaman melody is a tune of the shaman's helper-spirit, who has animal-like form. That is why the onomatopoeic sounds play a very important role in the musical composition of shaman rituals – the sounds of voices of a reindeer, a swan, a goose, a loom, a bear, a wolf are available to hear on recordings.
6. The musical form of shaman ritual is like a medley (or like beaded melodies of shaman's helper-spirits). The musical form doesn't have any fixed structure, it depends on the purpose and the plot of the ritual.

Present research is based on author's field materials of 1980-1990s and also on published and archive sources.

The question-words in Tundra Nenets.

I. The *nominal* question words

1. Introduction

The *wh*- or constituent questions are typically used when the speaker does not know an element of a given state and assumes that the hearer knows the required information cf. [Givón 2001]. So the speaker requests the hearer — by a *wh*-question — to share the unknown information with him. In these types of questions the missing information is typically indicated by a specific interrogative element, by a *question-word* (or *interrogative pronoun* or *wh-word*). The function of a question-word is to get some (unknown) information in a discourse. The Tundra Nenets language has a restricted set of interrogative pronouns, illustrated in Table 1¹. As evidenced by the table, the question words in Tundra Nenets can have the same grammatical features as nouns (eg. *xíbya* ‘who’), as adverbials (eg. *xəncyer^oq* ‘how’), or as adjectives (eg. *xurka* ‘what kind’). Here I will characterize only *nominal* question words in the following ways:

- semantic and discourse-pragmatic categorization: the parameters of question words like human–nonhuman; the relation between the meaning of question words and their contextual distributions; the pragmatic background of their usage.
- grammatical categorization: the relevant set of grammatical (morphological and syntactic) properties shared by Tundra Nenets nominal question words as a category; a categorization in terms of part of speech (eg. noun (N)).
- syntactic function: the significant functions of Tundra Nenets nominal question-words within the sentence; the constituents of sentence which can be questioned by a question word (as subject (SUBJ), direct object (DO), indirect object (IO), attribute (ATTR), adverbial modifier (ADVM) and predicate (PRED)).

Table 1. The system of question words in Tundra Nenets

Q-words	meaning	semantic category	grammatical category	syntactic function						
				SUBJ	DO	IO	ATTR	ADVM	PRED I	PRED II
<i>xíbya</i>	who?	human	N	+	+	+	–	+	+	–
<i>ŋəmke</i>	what?	non-human, inanimate	N	+	+	+	–	+	+	–
	why?	reason	ADV	–	–	(?–)	–	+	–	(?+)
	what kind?	quality, description	A	–	–	–	+	–	+	–
<i>syax^oh / syaq^onya</i>	when?	temporal	ADV	–	–	+	–	+	–	(?+)
<i>xəny-LOC²</i>	where?	spatial	ADV	–	–	+	–	+	–	+
<i>xu-LOC</i>	where?	spatial	ADV	–	–	(?+)	–	+	–	+
<i>xəncyer^oq</i>	how?	manner	ADV	–	–	(?+)	–	+	–	+
<i>syax^o / syaxok^o</i>	how much/many?	quantity	A	(?+)	+	(?+)	+	(?+)	+	–
<i>syaxar^o</i>	how big?	description (size)	A	(?+)	(?+)	(?+)	(?+)	(?+)	(?+)	(?–)
<i>xurka</i>	what kind?	quality, description	A	(?+)	(?+)	+	+	+	+	–
	which?	selection (from more than two)	A	(?+)	(?+)	(?+)	+	(?+)	+	(?–)
<i>xuyum</i>	which?	selection (from two)	A	(?+)	(?+)	(?+)	+	(?+)	(?+)	(?–)
<i>xənyaxi^o</i>	which?	selection (from more than two)	A	+	+	(?+)	+	(?+)	(?+)	(?–)

¹ As my analysis is based on a folklore corpus, without informants’ help, there are some cells in the table for which I have no examples yet. In these cells I mark by (?) (both in the table and in the following) the expectations which are

Nikolett Mus: PhD student, University of Szeged, Faculty of Arts, Department of Finno-Ugrian Philology

based on the relevant grammatical characteristics of the language.

² These spatial question words are stems which get concrete locational meaning by attaching a corresponding local affix (locative (LOC), ablative (ABL), dative (DAT) or prosecutive (PROSEC)).

2.1. The semantic characteristics of nominal question words

The nominal question words in Tundra Nenets are *xibya* ‘who’ and *ɲəmke* ‘what’³. Semantically *xibya* ‘who’ asks about humans (1), while *ɲəmke* ‘what’ asks about nonhuman and inanimate entities (animals or things, 2):

- (1) *xibya* *xúsa-m* *syerta-ɲku?*
 who[NOM.SG]⁴ cake-ACC make-FUT.S3SG
 ‘Who will bake a cake?’ [Tereshcenko 1949: 6]
- (2) *ɲəmke* *nya-nant°* *tara°?*
 what POSTP-POSS.LOC.2SG need.S3SG
 ‘What do you need?’ [Tereshcenko 1965: 632]

The semantic distribution human–nonhuman can be relativized; for instance, in traditional animal fables animal heroes are personalized and they are addressed by *xibya* ‘who’, not by *ɲəmke* ‘what’; examples from the tale „*nyax°r nya ɲæwi°*” (‘There were three friends’):

- (3a) *xibya* *temtoləwa-n°h* *xan°tə°* *ya-m*
 who store-DAT go.PTCP.IMPF flour-ACC
xosaya°?
 get.S3SG
 ‘Who goes to store to get flour?’
- (3b) *wəɲje-r°* *ma:* *«məny°*
 crow-POSS.2SG say.S3SG 1SG
nyí-d°m *xan°tə-q»*
 NEGAUX-S1SG go-CONNEX
 ‘The crow says: «I will not go»’ [Hajdú 1989: 7]

Moreover, it is possible to utilize *ɲəmke* ‘what’ for humans if we want to get more information about their occupation or similar characteristics of the person. The question in (4a) refers to a human (i.e. *nyísyami* ‘my father’) with *ɲəmke* ‘what’; and the answer in (4b) shows that (4a) requires some information about the occupation of the person:

- (4) a. *nyísyami* *ɲəmke?*
 father-POSS.1SG what.PRED3SG
 ‘What is my father?’
- (4) b. *nyísyami-r°* *pareɲoda*
 father-POSS.2SG king.PRED3SG
 ‘Your father is a king.’ [Pushkareva 1991: 215]

³ As Table 1. shows, the *ɲəmke* question word has such other meanings (i.e. *ɲəmke* ‘why’ and ‘what kind’) which have different grammatical features as *ɲəmke* ‘what’ nominal question word. I will deal solely with the nominal usage of *ɲəmke* in this article.

⁴ In Tundra Nenets zero marking takes place in the following paradigms: nominative case (NOM), singular number (SG) and predicative third singular (PRED3SG) in nominal paradigm; subjective third singular (S3SG), indicative mood (IND) and aorist tense (AOR) in verbal paradigm (cf. Salminen 1998b: 537). Hereafter these paradigms — with the exception of PRED3SG and S3SG — will be omitted in the examples and glosses for reserving place.

2.2. The grammatical characteristics of nominal question words

The grammatical characteristics of nominal question words are — more or less — similar to those of nouns, so nominal question words can be inflected for nominal categories as number (singular, dual and plural), case (grammaticals and locals) and personal reference⁵ (in possessive and predestinative constructions). Moreover nouns (and also nominal question words) have special predicative forms as well („nominal conjugation”, cf. [Salminen 1998b: 539—540]). I will deal separately with these nominal categories.

2.2.1. Number and case

If the answer is expected to be a specific number or case, the number and case suffixes⁶ are attached to the nominal question words. In (5)—(6) question words are inflected for number (plural⁷), and in (7)—(8) for cases:

- (5) [...] *xibya-q* *syita* *tab°gla°-sa-q?*
 who-PL 3SG.ACC stop-INT-S3PL
 ‘Who (pl) stopped him/her?’ [Susoj 2001: 52]
- (6) [...] *ɲəmke-q* *tənyə-syəti-q?*
 what-PL be-HAB-S3PL
 ‘What is (lit. are there) usually?’ [Susoj 2001: 10]
- (7) *tyedah* *xibya-m* *nyoda°-ɲku-waq?*
 now who-ACC pursue-FUT-S1PL
 ‘Whom will we pursue now?’ [Susoj 2001: 51]
- (8) *pidoh* *ɲəmke-n°h* *xərwəə-q?*
 3PL what-DAT want-S3PL
 ‘What do they want?’ [Almazova 1961: 70]

In nominal paradigm the grammatical cases can be combined with all three numbers (as by nominal question words, cf. 9—10):

- (9) *pəw°dya-x°na* *ɲəwo* *nəl°neləə-n°?*
 darkness-LOC what.ACC.PL clatter-S2SG
 ‘What (many objects) do you clatter in the darkness?’ [Tereshcenko 1965: 283]
- (10) *tyuku°-q* *xibyi-q* *myad°-q*
 this-PL who.GEN.PL tent-PL
ɲæ-b°toh?
 be-SUBORD.POSS.3PL
 ‘Whose tents are these (ones)?’ [Yangasova 2001: 179]

Local cases in nominal paradigm appear only in singular and plural; the missing dual forms are expressed by combinations with the postposition *nya-*

⁵ The Finno-Ugrian tradition distinguishes between absolute, possessive, and predestinative declensions.

⁶ The order of the suffixes is case-number like by nouns.

⁷ I have not found such examples where nominal question words are inflected for dual number, but I expect the existence of these forms by the grammatical characteristics of the language.

CASE / NUMBER	<i>xíbya</i>			<i>ηámke</i>		
	SG	DU	PL	SG	DU	PL
NOM	<i>xíbya</i>	<i>xíbyaxəh</i>	<i>xíbyaq</i>	<i>ηámke</i>	<i>ηámkexəh</i>	<i>ηámkeq</i>
ACC	<i>xíbyam</i>	<i>xíbyaxəh??</i>	<i>(?xíbyi)</i>	<i>ηámkem</i>	<i>ηámkexəh??</i>	<i>ηəwo</i>
GEN	<i>xíbyah</i>	<i>xíbyaxəh??</i>	<i>xíbyiq</i>	<i>ηámkeh</i>	<i>ηámkexəh??</i>	<i>ηəwoq</i>
DAT	<i>xíbyan^oh</i>	<i>(?xíbyaxəh nyah)</i>	<i>(?xíbyax^oq)</i>	<i>ηámken^oh</i>	<i>(?ηámkexəh nyah)</i>	<i>(?ηámkex^oq)</i>
LOC	<i>xíbyaxəna</i>	<i>(?xíbyaxəh nyana)</i>	<i>(?xíbyaxəqna)</i>	<i>ηámkexəna</i>	<i>(?ηámkexəh nyana)</i>	<i>ηámkexəqna</i>
ABL	<i>xíbyaxəd^o</i>	<i>(?xíbyaxəh nyad^o)</i>	<i>(?xíbyaxəqt^o)</i>	<i>ηámkexəd^o</i>	<i>(?ηámkexəh nyad^o)</i>	<i>(?ηámkexəqt^o)</i>
PROSEC	<i>xíbyaw^ona</i>	<i>(?xíbyaxəh nyam^ona)</i>	<i>(?xíbyaqm^ona)</i>	<i>ηámkew^ona</i>	<i>(?ηámkexəh nyam^ona)</i>	<i>ηámkeqm^ona</i>

Table 2. The inflected forms of Tundra Nenets nominal question words

‘at’ in corresponding local case forms cf. [Salminen 1998b: 537]. I do not have examples of the postpositional dual local forms by nominal question words, though the same structures can be expected as nouns. The probability of such dual local combinations is supported by the fact that the question words can be governed by postpositions, though I only have examples of singular forms (cf. 11—12). In these postpositional constructions the nominal question words, like nouns, are in genitive.

- (11) *tə-nya-na* *xíbya-h* *nya-h*
 this.GEN-POSTP-LOC who-GEN POSTP-DAT
ləx^onəə-n^o?
 tell.a.story-S2SG
 ‘Who were you telling a story about over there?’
 [Tereshcenko 1965: 181]
- (12) *ηámke-h* *nyi-d^o* *təryem* *pərumpyi-n^o?*
 what-GEN POSTP-ABL PART hurry-S2SG
 ‘What for (why) do you hurry?’ [Tereshcenko 1965: 376]

Table 2. summarizes the inflected forms of nominal question words. Those forms which are in brackets with question marks are my expectations. As these examples were not found in texts, they need to be checked in the fieldwork.

2.2.2. Possessive constructions and possessive marking

The possessive relation in Tundra Nenets is marked with possessive suffixes on the possessum; and the possessor has genitive marking (or sometimes zero nominative marking) in the construction. The following possessive constructions exist:

- a. possessor.Ø — possessum.Px
- b. possessor.GEN — possessum.Ø
- c. possessor.GEN — possessum.Px

As [Nikolaeva 2005a] suggests, these constructions have functional differences. Structure (a) can be realized only by pronominal possessor. The pronominal possessor is optional and mostly covert (Px shows the person and number of the possessor and can be presupposed from the previous discourse) in structure. However, if it is overt, it stands in nominative case.

Thus, constructions (b) and (c) can be used by an overt lexical possessor, where the possessor is in genitive and the possessive relation is either marked on the head (i.e. the possessum) or not. In other words, if the possessor is lexical, it must stay in genitive. The distribution of (b) and (c) depends on the nature of the possessor and the possessive relation. So (b) — where is no possessive agreement through Px on the head — is likely to occur when the lexical possessor is *regular* and an *alienable* relation exists between possessor and possessum. However, in (c) — where the lexical possessor is in genitive and shows person/number agreement on the head — the possessor is *peripheral* and the possessive relation is *inalienable*⁸. In this structure the possessor is *topicalized*, so the function of this construction is to encode the topicalization of the possessor. By a peripheral possessor an insertion of other constituent between possessor and possessum is allowed cf. [Nikolaeva 2005b: 2].

During my research I found that structure (a) can be realized also by lexical possessor. If so, the possessor is regular and the possessive relation is also inalienable.

Both elements of the possessive construction can be unknown; but not all of constructions above can be realized if either the possessor or the possessum is expressed by a question word. Thus, the nominal question words have different characteristics if they represent the possessor or the possessed item.

2.2.2.1. Questioning the possessor

In this section I will examine those constructions where a nominal question word is the possessor.

To reiterate, the possible structures are:

- a. possessor.Ø — possessum.Px
- b. possessor.GEN — possessum.Ø
- c. possessor.GEN — possessum.Px

Thus, the unknown possessor represented by a nominal question word has to be in nominative or genitive form. I expect that the unknown possessor

⁸ Besides, the author notes it as well, that possessive agreement is not suited to express the inalienable relation in itself cf. [Nikolaeva 2005b: 8].

always has to be in genitive form as it is demonstrated by (13—14), in order to expel the (a) structure.

- (13) *tyuku° xibya-h maly°cya?*
 this who-GEN malitsa.PRED3SG
 ‘Whose is this malitsa (type of fur coat)?’
 [Tereshcenko 1965: 765]
- (14) *pyi-x°nya ĵawoq syarkadyo-q*
 street-LOC what.GEN.PL scream-PL
sul’ə-d°q?
 be.heard-R3PL
 ‘The scream of what (many animals) were heard in the street?’ [Tereshcenko 1965: 603]

As noted the possessive relation is marked only on the unknown possessor and there is no internal possessive agreement (sentences 13—14 have the same structure as (b) above). I did not find examples for possessum marked by possessive suffixes if the possessor is the missed element, and I do not expect that such construction is possible: the possessive suffixes mark the person and number of the possessor and exactly this information should be unknown and asked by the question word. Besides, I can not expel the other constructions (ie. (a) and (c)) by unknown possessor, until I make sure of its opposite.

2.2.2.2. Questioning the possessum

I will now examine those possessive constructions where the possessum is the unknown element referred to by a nominal question word. Theoretically all possessive constructions (a-c) can be realized:

- a. possessor.Ø–possessum.Px
- b. possessor.GEN–possessum.Ø
- c. possessor.GEN–possessum.Px

The most frequent structure is illustrated by (15a), where the possessive relation is marked only on the possessum with Px and the possessor is omitted, as the Px marks its number and person (as in (a) above):

- (15) a. *ĵamke-r° ye°*
 what-POSS.2SG hurt.S3SG
 ‘What of you does hurt?’
- (15) b. *ĵæwa-w° ye°*
 head-POSS.1SG hurt.S3SG
 ‘My head hurts.’ [Tereshcenko 1965: 110]

The (16) sentence illustrates the same construction where the possessive relation is marked only on the unknown possessum with Px and the pronominal possessor is in nominative:

- (16) *pid°raq xibya-mtaq yada-bta°-daq?*
 2PL who-POSS.ACC.PL2 meet-SUBORD-S2PL
 ‘Who (of many of you) did you meet?’ [Almazova 1961: 86]

It may not be possible for a real possessive relation to exist in (16), as in Tundra Nenets the role of possessive suffixation is also determined pragmati-

cally. Px’s are frequently used to mark the *old* and *presupposed* element of the proposition, consequently they can mark the *topic* of the sentence (cf. 17).

- (17) *ĵamke-da tyika-xəna nyen°kəbti?*
 what-POSS.3SG here-LOC be.offending.S3SG
 ‘What is offending in this?’ [Tereshcenko 1965: 299]

(15a) and (16) illustrate the possessive construction (a). I have not found examples of the other structures, although I believe they could exist in the case of an unknown possessum. I expect that the differences between these structures are in their pragmatical background. Thus, the above mentioned regular-peripheral and alienable-inalienable relation plays the same role in structuring the possessive construction with unknown possessum as by nouns.

2.2.3. Predestinative suffixes

The predestinative paradigm is also available for nominal question words. A predestinative suffix does not mark possessive relationship, but expresses that somebody or something is made or intended for somebody. In this construction the predestinated element can be represented by a nominal question word. The predestinative suffix (-tə-) and the respective possessive suffix are attached to the question word cf. [Salminen 1998b: 539]. The predestinated element can be inflected for nominative, accusative and genitive cases.

- (18) *ĵamke-də-r° ĵadyim-tə°*
 what-PREDEST-POSS.2SG be.seen-FUT.S3SG
 ‘What do you see (here) for yourself? (lit.: what-for-you will be seen)?’ [Tereshcenko 1965: 374]

The examples above show that predestinative construction is more frequently available for *ĵamke* ‘what’, but this paradigm can also be expected in *xibya* ‘who’ in situations when the predestinated person has familiar relationship with the predestinator (eg. a wife or husband of somebody).

2.2.4. Predicative paradigm

In Tundra Nenets nouns can build the predicate of the sentence without copulas by taking the conjugative suffixes for person and tense directly (if the predicative noun is the head of possessive construction, it can be conjugated only for tense; cf. [Salminen 1998b: 539]). Such nominal predicate can also be an unknown element asked about by a nominal question word. This is demonstrated by (19—20) where the conjugated nominal question words are the predicates of the nominal sentences:

- (19) *xibya-n°, xibya-n°?*
 who-PRED2SG who-PRED2SG
 ‘Who are you, who are you?’ [Pushkareva 1991: 220]

(20) *tyuku*^o *ɲəmke?*
 this what.PRED3SG
 ‘What is this?’ [Susoj 2001: 50]

(21) *pidər*^o *xibya-n*^o *ɲæ-b^otə?*
 2SG who-PRED2SG be-SUBORD.S2SG
 ‘Who should you be?’ [Hajdú 1989: 89]

As previously mentioned, nominal predicates can take only personal and temporal suffixes; so modal suffixes are attached to a copula verb (see 21). In these compound verbal-nominal predicates the nominal part is conjugated for person and tense, and the verbal part for person and mood:

This predicative paradigm is most frequent in third person singular in existential nominal sentences (see eg. 20). Table 3. below illustrates the predicative paradigm of nominal question words and the expected forms which are needed to be examined in the field-work.

Table 3. The predicative forms of nominal question words

PERSON / NUMBER	<i>xibya</i>		<i>ɲəmke</i>	
	AOR	PRET	AOR	PRET
SG1	(? <i>xibya-d^om</i>)	(? <i>xibya-dəm-cy^o</i>)	(? <i>ɲəmke-d^om</i>)	(? <i>ɲəmke-dəm-cy^o</i>)
SG2	<i>xibya-n^o</i>	(? <i>xibya-nə-sy^o</i>)	(? <i>ɲəmke-n^o</i>)	(? <i>ɲəmke-nə-sy^o</i>)
SG3	<i>xibya-Ø</i>	(? <i>xibya-Ø-sy^o</i>)	<i>ɲəmke-Ø</i>	(? <i>ɲəmke-Ø-sy^o</i>)
DU1	(? <i>xibya-nyih</i>)	(? <i>xibya-nyin-cy^o</i>)	(? <i>ɲəmke-nyih</i>)	(? <i>ɲəmke-nyin-cy^o</i>)
DU2	<i>xibya-dyih</i>	(? <i>xibya-dyin-cy^o</i>)	(? <i>ɲəmke-dyih</i>)	(? <i>ɲəmke-dyin-cy^o</i>)
DU3	(? <i>xibya-xəh</i>)	(? <i>xibya-xən-cy^o</i>)	(? <i>ɲəmke-xəh</i>)	(? <i>ɲəmke-xən-cy^o</i>)
PL1	(? <i>xibya-waq</i>)	(? <i>xibya-wa-cy^o</i>)	(? <i>ɲəmke-waq</i>)	(? <i>ɲəmke-wa-cy^o</i>)
PL2	<i>xibya-daq</i>	(? <i>xibya-da-cy^o</i>)	(? <i>ɲəmke-daq</i>)	(? <i>ɲəmke-da-cy^o</i>)
PL3	<i>xibya-q</i>	(? <i>xibya-cy^o</i>)	(? <i>ɲəmke-q</i>)	(? <i>ɲəmke-cy^o</i>)

2.2.5. *The syntactic function of nominal question words*

The morphological characteristics are determined by the syntactic function of nominal question words. They are mostly sentence subjects with zero marker (see eg. 1—3). However, any case-marked constituent of the main clause can be questioned with these two question words. Thus, they can be the direct (see eg. 9) or indirect objects (see eg. 8), or adverbial modifiers in a sentence (in their inflected forms; see eg. 12).

In possessive constructions if the missed element is the possessor, the nominal question words appear as attributes of the head noun (the possessum; see eg. 13).

Finally, these question words can appear as the predicate of nominal sentences (in their conjugated forms) without an auxiliary verb (see eg. 19—21).

The single wh-questions in Tundra Nenets can be described as wh-in situ. Thus, the question word remains in the same position (within the sentence) in which a non-question word fulfilling the same grammatical function is located. So the question-words in Tundra Nenets language do not move into a SPECCP position within the sentence.

The word order patterns in Tundra Nenets are head-final, which order is obligatory in NP, PostP and in main clauses. On the basis of [Almazova 1961] and [Salminen 1998] the order of simple sentences is rigid SOV (other orders are not possible). Consequently, the linear position of the question words is not flexible, they occur in the position for their constituent type.

3. *Conclusion*

In my analysis of Tundra Nenets nominal question words I compared the semantic and grammatical features of nominal question words and nouns in Tundra Nenets. As noted, the features of nominal question words show differences from those of nouns. First, the illustrated pragmatic exceptions show that the semantic distribution of these question words corresponds partly to the human-nonhuman opposition. Second, there are some grammatical (morphological) features by nominal paradigm which are realized in a different or restricted way in comparison with nouns, for instance in possessive constructions. Though the possessive paradigm is not morphologically restricted for the question words, not all types of possible possessive constructions can be formed by nominal question words for pragmatic/semantic reasons. In principle it can be asserted that the whole nominal paradigm is applicable to nominal question words. This is due to the fact that nominal question-words can have all nominal syntactic functions. However, further field-work data is needed to substantiate the results.

Abbreviations

A — adjective, ACC — accusative, ADV — adverb, CONNEG — connegative (the special negated form of the verb), DAT — dative, DU — dual, FUT — future, GEN — genitive, HAB — habitive, INT — interrogative, LOC — locative, N — noun, NEGAUX — negative auxiliary,

NOM — nominative, PART — particle, PL — plural, POSTP — postposition, POSS — possessive, PRED — predicative form of noun (nominal conjugation), PREDEST — predestinative, PROSEC — prosecutive, PTCP — participle, Px — possessive suffix, R — reflexive conjugation, S — subjective conjugation, SG — singular, SUBORD — subordinative.

References

- Almazova 1961 — *Almazova A. V.* Samouchitel' neneckogo jazyka. Leningrad, 1961.
- Givón 2001 — *Givón T.* Syntax. An Introduction. Volume I—II. Amsterdam/Philadelphia, 2001.
- Hagstrom 2003 — *Hagstrom, P.* What questions mean. *Glott International* 7(7/8): 188—201.
- Hajdú 1989 — *Hajdú P.* Chrestomathia Samoiedica. Budapest, 1989.
- Katzschmann 1986 — *Katzschmann M.* Nominal- und Esse- Satz in den samojedischen Sprachen. Hamburg, 1986.
- Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // Kiefer F. (ed.) A magyar nyelv kézikönyve. Budapest, 2006
- Lambrecht 1994 — *Lambrecht K.* Information Structure and Sentence form: Topic, Focus and the Mental Representation of Discourse Referents. Cambridge, 1994.
- Nikolaeva 2005a — *Nikolaeva I.* Modifier-Head Person Concord // Booij G., Guevara E., Ralli A., Sgroi S., Scalise S. (eds.) Morphology and Linguistics Typology. On-line Proceedings of the Fourth Mediterranean Morphology Meeting (MMM4) Catania, 21—23 September 2003. Università degli Studi di Bologna, 2005. P. 221—234.
- Nikolaeva 2005b — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Fernandez-Vest J. (ed.) Uralic languages today, Paris, 2005.
- Pirerka, Tereshchenko 1948 — *Pirerka A. P., Tereshchenko N. M.* Russko-neneckij slovar. Moskva, 1948.
- Pusztay 2003 — *Pusztay J.* Nyenyec-Magyar szótár. Szombathely, 2003.
- Pushkareva 1991 — *Pushkareva E. T.* Neneckije narodnye skazki. Na neneckom jazyke. Moskva, 1991.
- Radford 1997 — *Radford A.* Syntax. A minimalist introduction. Cambridge, 1997.
- Sabel 2000 — *Sabel J.* Partial Wh-Movement and the Typology of Wh-Questions // von Stechow A., Lutz U., Müller G. (eds.) Papers on Wh-Scope Marking. Amsterdam, 2000. P. 409—446.
- Salminen 1998a — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998.
- Salminen 1998b — *Salminen T.* Nenets // Abondolo D. (ed.) The Uralic Languages. London/New York, 1998. P. 516—547.
- Salminen 2009 — *Salminen T.* Tundra Nenets grammatical sketch // <http://www.helsinki.fi/~tasalmin/sketch.html>, 2009.
- Susoj 2001 — *Susoj E. G.* Neneckaja literatura 9. (Uchebnaja chrestomathia dlja 9 klassa.) Sankt-Peterburg, 2001.
- Tereshchenko 1949 — *Tereshchenko N. M.* Nyeko xadakenda wadako'. Leningrad, 1949.
- Tereshchenko 1956a — *Tereshchenko N. M.* Materialy i issledovanja po jazyki nencev. Moskva/Leningrad, 1956.
- Tereshchenko 1956b — *Tereshchenko, N. M.* Neneckorusskij slovar'. Moskva, 1965.
- Tereshchenko 1973 — *Tereshchenko N. M.* Sintaksis samodijskih jazykov. Leningrad, 1973.
- Yangasova 2001 — *Yangasova N. M.* Neneckije skazki i neneckije pesni sudbabcq, jarabcq. Tomsk, 2001.

ABSTRACT

A *wh*- or *constituent* question requests missing information using an *interrogative* or *question word*. Tundra Nenets (Uralic) language has a set of question words which can be divided into three groups by their grammatical characteristics: *nominal*, *adjectival* and *adverbial* question words. This article provides a comparative analysis of Tundra Nenets nominal question words, describing their *semantic*, *morphologic* and *syntactic* characteristics. It will be shown that the grammatical properties of nominal question words have many differences from those of other question words (adjectival and adverbial) or other word-classes.

РЕЗЮМЕ

В частно-вопросительном предложении отсутствующая информация запрашивается с помощью вопросительного слова. В тундровом диалекте ненецкого языка (самодийский язык) имеется ряд вопросительных слов, которые по своим грамматическим характеристикам делятся на три группы: существительные, прилагательные и наречия. В статье анализируются вопросительные слова – существительные, описываются их семантические, морфологические и синтаксические характеристики. Показано, что по грамматическим свойствам вопросительные слова – существительные сильно отличаются как от других вопросительных слов (прилагательных и наречий), так и от других классов лексики.

Некоторые причины семантических изменений (На материале генезиса и развития системы глаголов плавания в селькупском языке)¹

I. История изучения причин семантических изменений в языках мира

Многие замечательные ученые (например, И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Зализняк, В. М. Алпатов и другие) отмечали, что перед диахроническим языкознанием стоят две основные задачи: 1) реконструкция праязыка(ов): их фонетических, морфологических, синтаксических и семантических систем, 2) попытка прогнозирования будущих изменений языков на основании накопленных данных о причинах и особенностях языковых изменений, которые имели место на протяжении нескольких последних тысяч лет.

Первая задача активно решается в трудах компаративистов всего мира. Надежно реконструированы, например, праиндоевропейский и прауральский языки, распад которых датируется приблизительно V тыс. до н.э. Предложена реконструкция и праязыков значительно более древних, например, праностратического (XII—X тыс. лет до н. э.). Постоянно уточняется реконструкция фонетических и семантических систем этих языков, подробно описываются изменения этих систем от праязыка к современным языкам-потомкам.

Зато вторая задача по прогнозированию языковых изменений, выявлению их причин и особенностей не часто обращает на себя внимание исследователей-компаративистов.

Представляется, что решение второй задачи так же, как и первой, должно происходить поэтапно. Отдельно следует изучать причины и особенности фонетических, морфологических, синтаксических и семантических изменений.

В последние десятилетия появился ряд работ, в которых описывались причины семантических изменений, и стало возможным прогнозирование семантических изменений в отдельных областях лексики.

Е. Яхонтов отмечает, что устойчивость слова должна коррелировать с его частотностью (употребительностью). А. В. Дыбо [Дыбо 1984] показала,

что на самом деле корреляция устойчивости слова с употребительностью происходит через степень многозначности. Наиболее употребительные слова должны быть, в принципе, наименее многозначными (принцип экономии психических операций), а многозначность обуславливает возможность «ухода» слова с одного объема понятий на другой.

Но оказывается, что это общее наблюдение может быть уточнено при изучении изменения конкретных семантических систем. Более того, оказывается, причины и особенности изменений каждой из семантических систем различны, поэтому их прогнозирование должно проводиться для каждой семантической системы индивидуально.

Как указывается в работе [Дыбо 1996], при анализе причин изменения названий верхнего плечевого пояса целесообразно рассматривать центральную оппозицию, которая может иметь либо вид а) 'рука как конечность (анатомический отдел), рука целиком, рука от кисти до плеча и под.' ~ 'активная часть руки и то, чем берут, пишут и под. (что анатомически равно кисти руки)', либо б) 'рука целиком ~ рука как активный орган' ~ 'кости руки как анатомический отдел'. Сокращенно эти оппозиции обозначаются как а) 'Hand' ~ 'Arm', б) 'рука' ~ 'кость'.

Далее А. В. Дыбо показывает, что смена одной оппозиции на другую зависит от ряда экстралингвистических факторов. Переход 'рука' > 'Hand' (при этом происходит сужение «анатомического» значения; в структурном отношении происходит замена центральной оппозиции вида 'рука' ~ 'кость' на 'Hand' ~ 'Arm') происходит обычно под влиянием контактных языков.

Изменение 'кость' > 'Hand' происходит, как показывает А. В. Дыбо, через утрату стилистической маркированности слова 'кость'. При этом во всех случаях происходит утрата старого слова 'рука'. Выпадение столь функционального слова — весьма сильная пертурбация для языка; объяснение ее причины, скорее всего, кроется во внезапном передвижении сниженного стиля в нейтральный, связанном с изменением социолингвистической (и социальной) ситуации.

Переход 'Hand' > 'рука' (расширение «анатомического» значения, в структурном отношении происходит замена центральной оппозиции вида 'Hand' ~ 'Arm' на оппозицию 'рука' ~ 'кость') является немаркированным и может возникать спонтанно.

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 08-04-00133а и гранта Президиума РАН «Акцентологические характеристики селькупского языка».

Норманская Юлия Викторовна: доктор филологических наук, старший научный сотрудник, руководитель группы по изучению просодии в уральских языках Института языкознания РАН.
Красикова Надежда Леонидовна: преподаватель английского языка Томского политехнического университета.

При анализе изменений других семантических полей следует учитывать иные факторы. Как было показано в монографии [Норманская 2005], чтобы предсказать, с какой вероятностью ЦО² языка-предка исчезнет или сохранится в языке-потомке, надо учитывать следующие характеристики ЦО: 1) наличие ~ отсутствие коннотаций, 2) высокую ~ низкую частоту употреблений³.

Таким образом, можно выделить четыре типа ЦО:

А — ЦО часто употребляется и имеет коннотации;

В — ЦО часто употребляется и не имеет коннотаций;

С — ЦО редко употребляется и не имеет коннотаций;

Д — ЦО редко употребляется и имеет коннотации.

ЦО типа А с большой вероятностью *исчезают или перестают употребляться* в большинстве языков-потомков.

ЦО типа В с большой вероятностью *сохраняются* в качестве ЦО в большинстве языков-потомков.

ЦО типа С встречаются наиболее часто в древних индоевропейских языках. Эти ЦО с большой вероятностью *исчезают или перестают употребляться* в большинстве языков-потомков. Отличие изменений в употреблении ЦО данного типа от ЦО типа А можно усмотреть в следующем. При наличии большого числа языков-потомков (как у санскрита, латинского языка) большинство ЦО типа А сохраняются хотя бы в нескольких языках в качестве ЦО оттенков или названий предметов. В то же время, примерно треть ЦО типа С исчезает, практически полностью выходит из употребления в языках-потомках, лишь иногда сохраняясь как составная часть имен собственных (ср. санскрит).

ЦО типа Д встречаются крайне редко и *исчезают или перестают употребляться* в качестве ЦО в большинстве языков-потомков.

² ЦО здесь и далее — цветообозначения.

³ «Наличие ~ отсутствие коннотаций» у ЦО понимается в следующем смысле: насколько часто данное ЦО употребляется в переносном значении, когда интерпретация его как цветового невозможна. Например, ЦО 'черный' в значении 'плохой, несчастливый' о характере, о душе и т. п.

Признак «высокая ~ низкая частота употреблений» интерпретируется в зависимости от частоты употреблений других ЦО в данном языке. Например, ЦО λευκοε в древнегреческих текстах встречено 560 раз, а ξαυθοε — 106 раз. Частота ξαυθοε будет признана низкой. Но частота употреблений ЦО *albus* в латыни равная 144, будет признана высокой, так как она значительно выше среднеарифметической частоты употребления других ЦО в латыни.

Таким образом, можно видеть, что лишь ЦО типа В с большой вероятностью сохраняются в качестве ЦО в большинстве языков-потомков. ЦО других типов обычно исчезают или перестают употребляться в качестве ЦО в большинстве языков-потомков.

В работе [Норманская 2007] была предпринята попытка выявить какие-либо причины исчезновения и сохранения праязыковых названий флоры на материале тюркских названий деревьев.

Мы обратили внимание на то, что весьма часто пратюркские лексемы в современных языках исчезают и заменяются заимствованиями. Тщательный анализ таких случаев, географии распространения деревьев и языков дал следующие результаты. **Если рефлекс пратюркского названия дерева X исчезает, а единственным названием X становится заимствование в языке А, то этот язык распространен на территории, где X в естественных условиях не растет.**

В статье [Норманская 2008] мы обратились к исследованию названий метеорологических явлений в тюркских и уральских языках и попытались выявить, **можно ли предсказать, в каких языках какая появится многозначность.**

Для этого необходимо оказалось проанализировать:

1) какие именно явления могут описываться одной лексемой;

2) является эта многозначность (синкретизм) архаизмом или инновацией.

Были предложены специальные критерии оценки того, какая многозначность является инновацией, а какая архаизмом:

а) Если многозначность представлена у рефлексов одного и того же пратюркского слова в языках, географически далеких друг от друга и неблизкородственных (то есть, не относящихся к одной дочерней семье тюркских языков), то такая многозначность, вероятно, должна быть признана архаизмом.

б) Если многозначность представлена у этимологически неродственных слов, то это — инновация.

в) Если многозначность представлена только в языках, географически располагающихся в связанном ареале, то это — инновация.

г) Если многозначность представлена только в языках, относящихся к одной дочерней тюркской языковой семье, то она также не может постулироваться для пратюркского уровня, а должна быть признана более поздней инновацией.

В результате анализа полного материала названий метеорологических явлений в тюркских языках был получен следующий результат. В рассмотренном материале явно наблюдается следующая тенденция: инновационная многозначность связана с географическим распространением язы-

ков. **Синкретичное описание явлений, связанных с холодом, представлено в основном⁴ в южных языках**, например, ‘ясная погода зимой, холод, мороз’: тур.⁵ *ajaz*, аз. *ajaz*, кум. *ajaz*, узб. *ajaz*; ‘холод, мороз, лед’: аз. *don*; ‘первый снег, сугроб’: турк. *qyrpaq*; ‘вьюга, метель, поземка’: турк. *surğun*; кум. *boran*; ккалп *ürgün*.

Сохранение архаической многозначности, напротив, никак не связано с географией распространения языков, например, ‘жара, тепло’: як. *itii*, аз. *isti*, хал. *hissi*, кум *issi* < ПТю **ystyg*/**istig*; ‘иней, изморозь’: як. *qyrya*, тув. *xura*; хак. *xro*; тур. *kyraуу*; аз. *qyrow*; турк. *qyraw*; кум. *qyraw*; ног. *qyraw*, ккалп. *qyraw*; кирг. *qyrō*; узб. *qırāw*; уйг *qija* < ПТю **Kyragu*; ‘град, лед’: чув. *pār*, кар. *buz*, кум. *buz*, тат. *böz*, башк. *bōd* < ПТю **bū(n)ř*.

Мы проанализировали также многозначность у названий метеорологических явлений в уральских языках. Стало ясно, что закономерность, отмеченная нами на материале тюркских языков, наблюдается и в уральских языках. **Инновационное синкретичное описание явлений, связанных с холодом, представлено в языках, носители которых живут в более теплых климатических условиях: в венгерском, мордовском, марийском, финском и пермских языках. Наоборот, в обско-угорских и самодийских языках, носители которых живут в суровых климатических условиях синкретическое обозначение явлений, связанных с холодом, является архаизмом.**

Конечно, понятия «жаркого» или «холодного» климата являются относительными. Разбирая тюркские языки, мы указывали, что носители турецкого и туркменского языков живут в теплом климате, а при разборе уральских языков отмечалось, что в более теплых, чем у других уральцев, климатических условиях, проживают носители мордовского, марийского и финского языков. Очевидно, что среднегодовая температура в Финляндии и Турции несравнима. Скорее всего, представления о более теплом или более холодном климате, касающиеся места обитания носителей современных языков и релевантные для предсказания появления многозначности, должны определяться в соотношении с климатическими условиями, которые были на прародине данной группы языков. Возможным представляется следующий механизм: по мере продвижения от прародины к территориям современного обитания у носителей языков сохранялось некоторое воспоминание о природном окружении, в котором они жили непо-

средственно перед приходом на современные территории обитания. Соответственно температурные условия, в которые они попадали, начинали восприниматься как более теплые или более холодные по сравнению с предыдущими. Если погодные условия на новой территории обитания оказывались более теплыми, постепенно начинали появляться слова для разграничения метеорологических явлений, связанных с теплым климатом. Лексемы, описывающие явления, присущие холодному климату, становились более многозначными. Если климат оказывался более суровым, то происходили обратные процессы.

Конечно, предложенная модель появления многозначности в названиях метеорологических явлений в настоящее время является еще очень приближительной и нестрогой. Это лишь попытка каким-то образом проинтерпретировать наблюдаемую закономерность, которая после ее верификации на полном материале тюркских и уральских языков, представляется заслуживающей внимания: **инновационное синкретичное описание явлений, связанных с холодом, представлено в языках-потомках, носители которых живут в более теплых по сравнению с прародиной климатических условиях.**

Таким образом, видно, что для каждой из рассмотренных семантических систем: названий верхнего плечевого пояса, названий цветообозначений, названий деревьев, названий метеорологических явлений, — характерна своя специфика изменений.

Для того, чтобы попытаться прогнозировать изменения названий частей тела в каком-то языке, важно принимать во внимание контакты носителей этого языка (устройство систем названий соматических терминов в соседних языках), различные социальные пертурбации (те случаи, когда сленговая лексика начинает вытеснять нормативную). При анализе названий цветообозначений важна внутренняя нагруженность (наличие vs. отсутствие коннотаций) каждой лексемы. При анализе названий флоры, метеорологических явлений особое значение приобретают экстралингвистические факторы (изменение климата, окружающей растительности при миграциях носителей языков).

Разумеется, изменения семантических систем — это процесс многофакторный. Здесь перечислены лишь некоторые причины, вызывающие семантические изменения. Зависимость семантических изменений той или иной системы пока проверена на материале языков Евразии, для которых существует этимологическая традиция (индоевропейских, алтайских, уральских). Возможно, что при распространении предложенных зависимостей на другие языковые семьи, они будут подкорректированы. Но представляется, что работа в этом направлении чрезвычайно важна. Она позволяет не просто описать языковые изменения, но и вы-

⁴ Это, конечно, лишь тенденция, имеется ряд исключений. Например, ‘холод, мороз, иней, изморозь’ синкретично описываются в чувашском, ‘вихрь, вьюга’ в татарском, киргизском, алтайском языках.

⁵ Здесь и далее данные по тюркским и уральским языкам взяты из словарей соответствующих языков.

явить причины, вызывающие их, а понимание причин семантических изменений дает нам возможность заглянуть в будущее современных языков.

II. Семантические изменения и их причины в системе названий перемещения по воде от прасамодийского языка к современным селькупским говорам

В настоящей статье мы рассмотрим систему глаголов, описывающих перемещение в воде в селькупском языке, попытаемся выявить причины, обусловившие ее изменение от прасамодийского языка к современным селькупским говорам.

Селькупы — это этнос, проживающий на территории Западной Сибири, где имеется бесчисленное множество рек, озёр и болот. В связи с обилием водоемов на территории своего проживания селькупы постоянно были вынуждены по ним передвигаться, производить разнообразные движения в воде и по воде. Для селькупов плыть на лодке — это повседневное и настолько естественное занятие, что оно не требует дополнений и пояснений при повествовании. Например:

Kušak nenn'at natt'at barkà, temn'at t'angba. Nenn'at qajda tabylyund äžalgä: «Qballebe man-näni temn'ap pēlel. Kušak tēka qomdär m'ercygu? Mat m'eržänžap». Na tabylyur omdlebe qbassa pēgu. Cäža, kol'dit na kōrayun na kybändyp äppa. Tab natidāli medymba, onž kybändyp konnā cāccymbat i šāt qbānba pēgu na kybājčap. Tabylyur qbāazy, qbāazy i na tydynd tōmba.

Сколько сестра там живет, брата нет. Эта сестра какому-то мужчине говорит: «Пойди моего брата поищи. Сколько тебе денег заплатить? Я заплачу». **Этот мужчина сев, отправился искать. Идет** (едет), видит на том песке тот обласок лежит. Он туда **подошел**, свой обласок на берег вытащил и в тайгу **пошел** искать этого мальчика. Этот мужчина **шел, шел** и **подошел** к тому кедру [Быконя, Ким 1996: 21].

В данном отрывке глагол не имеет такого пояснения, как «сел в обласок» или «сел на телегу (на лошадь)», поскольку селькupu и так ясно, что человек мог сесть только в лодку, чтобы отправиться на поиски кого-либо.

III. Семантические изменения и их причины в системе названий перемещения по воде от праселькупского языка к современным селькупским говорам

В этой части статьи мы рассмотрим системы глаголов плавания в чумьлькупском говоре селькупского языка (данные собраны нами в экспедиции, совершенной в марте 2009 года в Парабельский район Томской области⁶) и в красноселькуп-

ском говоре среднетазовского диалекта селькупского языка (жителей Таза, проживающих на севере Красноярского края) (материалы собраны в полевых условиях и опубликованы в работе [Вострикова 2007]). Эти два говора принадлежат к различным диалектам селькупского языка (южным и северным соответственно), и их носители территориально значительно удалены друг от друга.

В таблице 1 представлена система глаголов плавания в этих говорах. В третьей колонке приведены прасамодийские этимоны рассматриваемых слов по словарю [Janhunen 1977].

Из таблицы видно, что в южно-селькупских диалектах значительно более богатая система глаголов перемещения в воде на плавающих средствах.

Из этнографической литературы [Гемуев 2005] известно, что основным промыслом южных селькупов является рыболовство. У северных же селькупов оленеводство преобладало над другими ви-

лагалось перевести на родной язык. В анкетах были предложены различные контексты с описанием различных видов передвижения по водным пространствам (активное плавание живых существ, пассивное плавание, нахождение на поверхности воды, плавание на лодке). Анкеты были составлены таким образом, что носители должны были понять из предлагаемого контекста, о каком виде передвижения по воде идет речь. В основу анкет были положены параметры, выделенные в результате анализа систем глаголов передвижения по воде в более чем 40 языках мира и опубликованных в книге [Майсак, Рахилина 2007].

Ниже приведен один из параметров опроса по анкете «Глаголы плавания»:

Параметры плавания судов и людей на судах:

- *управляемое перемещение судна (по определенному маршруту / без определенного маршрута),*
- *обласок направляется в Томск.*
- *дед поплыл до соседней деревни.*
- *навстречу плыла лодка.*

Информанты зачитывались только предложения для перевода с русского на селькупский язык. Предложения были подобраны так, чтобы действия, описываемые в них, являлись привычными для носителей языка, то есть составляли часть уклада их жизни. В приведенных выше примерах от носителя языка требовалось подобрать наиболее подходящий глагол для передачи управляемого перемещения на обласке / лодке. Во-первых, стоит отметить, что управляемое движение подразумевает наличие гребца, поэтому в каждом предложении есть или подразумевается субъект, управляющий судном. Наличие маршрута передается с помощью соответствующих обстоятельств: навстречу, в соседнюю деревню, в Томск. Для передачи движения на лодке информанты использовали специализированный селькупский глагол об.ч. *ándjirgu*, описывающий именно этот тип передвижения по воде, хотя в русском примере стоит нейтральный глагол «плыть». Таким образом, главная цель анкетирования была достигнута: были получены разнообразные глаголы, передающие различные виды передвижения по водным пространствам.

⁶ Опрос информантов проводился по заранее составленным на русском языке анкетам, которые пред-

Таблица 1

Среднетазовский диалект, красноселькупский говор	Говор обских чумылькупов	Прасамодийский
1. Параметры активного плавания		
красносельк. <i>urqo</i> 'плыть, плавать' об. чул. <i>úrgu</i> 'плыть, плавать'		* <i>u-</i> 'плыть' [Janhunen 1977: 29]
<i>ūqyltyqo</i> 'результат движения: выплыть, приплыть'		
<i>ūleqo</i> 'начало движения: поплыть'		
<i>uqo</i> 'плыть'		
	<i>úrešpəgu</i> 'плыть продолжительно'	
2. Параметры плавания судов и людей на судах		
красносельк. <i>tūqo</i> 'приходить' об. чул. <i>tógu</i> 'приходить, приплывать'		ПС * <i>tu-</i> (* <i>tuə-</i>) 'грести' [Janhunen 1977: 166]
красносельк. <i>qenqo</i> 'идти' об. чул. <i>kβéngu</i> 'пойти, поплыть'		ПС * <i>kān-</i> (* <i>kān-</i>) 'идти' [Janhunen 1977: 59]
красносельк. <i>rentuqo</i> 'плыть на лодке вниз по течению' об. чул. <i>rénzugu</i> 'сплавляться вниз по течению'		* <i>rencā-</i> ~ * <i>rencə-</i> 'парить в воздухе, скользить' [Janhunen 1977: 120]
красносельк. <i>ṭityqo</i> 'плыть против течения реки' об. чул. <i>čičsugu</i> 'плыть против течения реки'		* <i>cicā</i> 'двигаться против течения' [Janhunen 1977: 33]
красносельк. <i>piqo</i> 'пересекать водоем' об. чул. <i>púdešpygu</i> 'переправляться на лодке'		
	<i>nórešpygu</i> 'носить по воде в разные стороны'	
	<i>ándyrgu</i> 'плыть на лодке'	* <i>əntaj</i> 'лодка' [Janhunen 1977: 14]
	<i>túgu</i> 'грести на лодке'	* <i>tu-</i> (* <i>tuə-</i>) 'грести' [Janhunen 1977: 166]
	<i>cázygu</i> 'идти, плыть'	
	<i>tádərgu</i> 'везти кого-то на плав. средстве'	ПС * <i>tə-</i> 'давать, приносить' [Janhunen 1977: 144]
3. Параметры пассивного плавания		
красносельк. <i>rentuqo</i> 'плыть на лодке вниз по течению' об.ч. <i>rénzugu</i> 'сплавляться вниз по течению'		* <i>rencā-</i> ~ * <i>rencə-</i> 'парить в воздухе, скользить' [Janhunen 1977: 120]
красносельк. <i>qompyqo</i> 'плавать неподвижно на поверхности воды' об. чул. <i>qámbyrgu</i> 'плавать неподвижно на поверхности воды'		* <i>kāmpā</i> (сев.-самод) ~ * <i>kāmpā</i> (сельк.) 'волна' [Janhunen 1977: 59]
<i>kūryqo</i> 'плыть по течению реки (о неживом предмете)'		
	<i>qambəzəšpygu</i> 'качаться на воде'	* <i>kāmpā</i> (сев.-самод) ~ * <i>kāmpā</i> (сельк.) 'волна' [Janhunen 1977: 59]
<i>kūnylytmyqo</i> 'течь (о реке)'	<i>nürβádešpygu</i> 'течь (о ручье, реке)'	
	<i>nürβátku</i> 'течь (о воде)'	
	<i>nórešpygu</i> 'носить по воде в разные стороны'	
4. Временные параметры передвижения в воде		
	<i>úrešpygu</i> 'плыть продолжительно'	* <i>u-</i> 'плыть' [Janhunen 1977: 29]

дами промысла: рыбалкой, охотой. У южных селькупов (особенно в местах распространения говора чумылькупов) по сравнению с северными селькупами было более развито передвижение на лодках. Помимо обласка, известного и северным селькупам, у них существовало несколько принципиально иных разновидностей лодок: погре-

бальные лодки *ронтык* (лодка для шаманов, мифологическая лодка мертвых), обнаруженные внизу по течению реки Кенги [Ожередов 2008: 170], крупные дощатые лодки *алаго*, позволявшие перемещаться на далекие расстояния и получившие широкое распространение в Нарымском крае; а также берестяные лодки *kwešand* [Гемуев 2005: 329].

II.в. Семантические изменения и их причины в системе названий перемещения по воде от прасамодийского языка к современным самодийским языкам

Для того, чтобы проследить причины семантических изменений от прасамодийского языка к современному селькупскому в системе глаголов перемещения в воде, необходимо последовательно реконструировать эту систему для прасамодийского уровня. Корпус прасамодийских этимологий названий глаголов плавания собран в словаре [Janhunen 1977]. Однако, во-первых, сбор полного материала названий перемещения в воде по существующим словарям самодийских языков ([Терещенко 1965; Хелимский 2007; Kort, Simčenko 1985; Костеркина, Момде, Жданова 2001; Helimski 1997; Donner 1944; Алатало 1998; Казакевич, Кузнецова, Хелимский 2002; Быконя 2005; Григоровский 2007]), многие из которых были опубликованы уже после выхода в свет [Janhunen 1977] и его этимологический анализ привели к увеличению корпуса прасамодийских глаголов плавания. Во-вторых, аккуратный семантический анализ синхронных систем глаголов плавания в самодийских языках и последовательная семантическая реконструкция позволяют уточнить реконструируемое значение некоторых прасамодийских лексем.

В результате этимологизации глаголов плавания в ненецком, энецком, нганасанском, маторском, камасинском и селькупском языках был получен следующий корпус прасамодийских лексем⁷, описывающих перемещение по воде.

Таблица 2

Прасамодийские лексемы ⁸
* <i>cicä-</i> [Janhunen 1977: 33]
* <i>kämčä-</i> [Janhunen 1977: 52]
* <i>kärä-</i> [Janhunen 1977: 54]
* <i>kuptä-</i> [Janhunen 1977: 78]
* <i>ku-</i> [Janhunen 1977: 76]
* <i>mulV-</i> ⁹
* <i>pät-</i> [Janhunen 1977: 114]
* <i>penčä-</i> ~ * <i>penčä-</i> [Janhunen 1977: 120]
* <i>sejä-</i> [Janhunen 1977: 138]
* <i>solV-</i>
* <i>tesä-</i> [Janhunen 1977: 156]
* <i>toj-</i> ~ * <i>tuj-</i> [Janhunen 1977: 164]
* <i>tu-</i> (* <i>tuä-</i>) [Janhunen 1977: 166]
* <i>u-</i> [Janhunen 1977: 29], [Helimski 1997: 372]
* <i>wäjä-</i> [Janhunen 1977: 169]

⁷ Те случаи, когда лексемы в современных самодийских языках могут быть проинтерпретированы как независимые образования с помощью суффиксов от рефлексов какой-либо прасамодийской основы, мы вслед за [Janhunen 1977: 14] не считаем ПС лексемами.

⁸ Для ПС языка не восстанавливается особого термина 'плыть на лодке'. Лексемы с соответствующим значением в современных самодийских языках: ненТ.

Для уточнения реконструкции значения этих прасамодийских лексем была составлена таблица 3. В этой таблице современные рефлексы указанных прасамодийских лексем в зависимости от их значения расклассифицированы по семантическим зонам: активное плавание, плавание лодок и судов, пассивное плавание, движение жидкости.

Рассмотрим здесь более подробно этимологии, которые предложены нами, и те случаи, когда нам удалось уточнить семантику прасамодийских лексем по сравнению со словарем [Janhunen 1977].

Дополнения прасамодийских этимологий, предложенных в словаре [Janhunen 1977]:

1) ПС этимологию **ku-* 'treiben' [Janhunen 1977] можно дополнить нган. *kud'ü* 'плыть безвольно (о неодушевленных объектах)' [Гусев 2007: 444] и эн. *kuuui-* 'плывет по течению', *kuúja* 'плывет (лес-плавник)' [Helimski 2007];

2) ПС **mulV-* 'мыться, купаться, плавать':

ненТ. *мулдырьць* 'купаться' [Терещенко 1965: 261]; *мулкадарць* (применяется к людям, водоплавающим птицам и пр.) 'булькать, нырять (производя булькание)': *ит'* *мулкада* 'он нырнул в воду' [Терещенко 1965: 261];

сельк. об.ч., вас. *мулжугу*; об.ч., вас. *мулджэгу*
1. 'вымыть': вас. *удом мулджугу* 'руки вымыть, смыть': вас. *чау мулджэгу* 'грязь смыть, искупать, умыться': об.ч. *мулджак* 'умылся'; об.ч. *мулджэштугу* 'отмываться', об.ч. *мулджеджэгу* 'вымыться, отмыться', об.ч. *мулджигэгу* 'ополоснуть многое' [Быконя 2005: 132];

кам. *tułem* 'плыть' [Donner 1944: 195].

В селькупском языке представлен суффикс *-жу/-джу/-дже-*, который используется для образования глаголов от глаголов: ср. тым. *кальдигу* 'опоздать' ~ вас. *қалледжугу* 'опоздать', об.ч., кет.

чанута(сь) 'плыть на лодке', [Терещенко 1965: 384]; эн. *oduir-* 'плавает, разезжает (мн.) на лодке' [Helimski 2007]; нган. *ñantä(u)* 'плыть на лодке' [Гусев 2007: 443]; сельк. об.ч. *ándyrgu* 'плыть на лодке' [Быконя 2005: 111]; мат. *ondoj* 'челн, лодка'; мат. *ondoi* 'берестяные ихние лодки' [Helimski 1997: 328]; кам. *ëni* 'лодка, челн, обласок' [Donner 1944: 17] образованы с помощью различных продуктивных суффиксов или конверсии от рефлексов ПС основы **antäj-* 'лодка' [Janhunen 1977: 14]. Поскольку суффиксы во всех языках, за исключением энецкого и селькупского, разные, то следует считать, что эти глаголы возникли независимо в современных самодийских языках. В селькупском и энецком языках представлены глаголы с суффиксом *-r-*, который является стандартным суффиксом в этих языках для образования отыменных глаголов. Поэтому также нельзя исключать, что эти дериваты возникли в энецком и селькупском языках сепаратно.

⁹ Этимологии, при которых здесь и далее не даны ссылки на страницу из [Janhunen 1977], предлагаются, насколько нам известно, в настоящей статье впервые, и подробнее разбираются ниже.

Таблица 3

	Активное плавание	Плавание на лодке	Пассивное плавание	Течение жидкости
Ненецкий язык	ненТ. <i>мулдырьць</i> ‘купаться’ [Терещенко 1965: 261] < ПС * <i>mulV-</i> ‘мытья, плавать’ ненТ. <i>цохолӓй(сь)</i> ‘поплыть (о человеке и животном)’ [Терещенко 1965: 400] < ПС * <i>u-</i> [Janhunen 1977: 29] ненТ. <i>пӓдириць</i> ‘нырять, окунаться, купаться’ [Терещенко 1965: 431] < ПС * <i>pӓt-</i> [Janhunen 1977: 114]	ненТ. <i>хантӓйӓсь</i> ‘уходить, уезжать, уплывать’ [Терещенко 1965: 741] < ПС * <i>kӓn-</i> (* <i>kӓn-</i>), [Janhunen 1977: 59] ненТ. <i>сола(сь)</i> ‘утонуть, зачерпнув воды через борт (о лодке)’ [Терещенко 1965: 566] < ПС * <i>solV-</i>	ненТ. <i>сӓйнӓй(сь)</i> ‘утопать, тонуть, идти ко дну, погружаться в воду’ [Терещенко 1965: 582] < ПС * <i>sejӓ</i> [Janhunen 1977: 138] ненТ. <i>хӓрӓй(сь)</i> ‘прибиться к земле течением или ветром’ [Терещенко 1965: 754] < ПС * <i>kӓrӓ-</i> [Janhunen 1977: 54] ненТ. <i>ху’ла(сь)</i> ‘поплыть (по течению), понестись (по ветру)’ [Терещенко 1965: 788] < ПС * <i>ku-</i> [Janhunen 1977: 76])	ненТ. <i>тӓсӓй(сь)</i> ‘капать, течь, стекать, сочиться (напр., о слезах, о каплях)’ [Терещенко 1965: 692] < ПС * <i>tesӓ-</i> [Helimski 1965: 358] ненТ. <i>хӓмда(сь)</i> ‘пролить, разлить, вылить’ [Терещенко 1965: 732] < ПС * <i>kӓmцӓ-</i> [Janhunen 1977: 52]
Энецкий язык	эн. <i>kuto-</i> ‘выйти из воды на берег, прибиться к берегу’ [Helimski 2007] < ПС * <i>kuptӓ-</i> [Janhunen 1977: 78] эн. <i>poder-</i> ‘нырять’ [Helimski 2007] < ПС * <i>pӓt-</i> [Janhunen 1977: 114]	эн. <i>boogu-</i> ‘переправлять (через реку)’ [Helimski 2007] < ПС * <i>wӓjӓ-</i> , [Janhunen 1977: 169] эн. <i>sӓdӓla-</i> ‘черпалась (о лодке)’ [Helimski 2007] < ПС * <i>solV-</i>	эн. <i>kuto-</i> ‘выйти из воды на берег, прибиться к берегу’ [Helimski 2007] < ПС * <i>kuptӓ-</i> [Janhunen 1977: 78] эн. <i>kuuui-</i> ‘плывет по течению’, <i>kӓujӓ</i> ‘плывет (лес-плавник)’ [Helimski 2007] < ПС * <i>ku-jV-</i> эн. <i>kuuora-</i> ‘уплыл, унесен от берега’ < ПС * <i>ku-</i> [Janhunen 1977: 76]) эн. <i>sijodo-</i> ‘тонуть, идти ко дну’ [Helimski 2007] < ПС * <i>sejӓ-</i> [Janhunen 1977: 138]	эн. <i>tisa</i> ‘вода капает’ [Helimski 2007] < ПС * <i>tesӓ-</i> [Helimski 1997: 358]
Нганасанский язык	нган. <i>kubtӓ</i> ‘выйти из воды на берег’ [Гусев 2007: 447] < ПС * <i>kuptӓ-</i> [Janhunen 1977: 78] нган. <i>hot</i> ‘нырять, тонуть, погружаться в воду’ [Гусев 2007: 439] < ПС * <i>pӓt-</i> [Janhunen 1977: 114] нган. <i>tuj</i> 1. ‘приплыть’ [Гусев 2007: 449] < ПС * <i>toj-</i> ~ * <i>tuj-</i> [Janhunen 1977: 164]	нган. <i>kӓrӓ</i> ‘причалить’ [Гусев 2007: 447] < ПС * <i>kӓrӓ-</i> [Janhunen 1977: 54] нган. <i>bӓus</i> ‘переправиться’ < ПС * <i>wӓjӓ-</i> [Janhunen 1977: 169]	нган. <i>kud’ӓ</i> ‘плыть безвольно (о неодушевленных объектах)’ [Гусев 2007: 444] < ПС * <i>ku-jV-</i> нган. <i>hot</i> ‘нырять, тонуть, погружаться в воду’ [Гусев 2007: 439] < ПС * <i>pӓt-</i> [Janhunen 1977: 114] нган. <i>siӓ</i> ‘тонуть’ [Гусев 2007: 446] < ПС * <i>sejӓ-</i> [Janhunen 1977: 138]	
Селькупский язык	сельк. об. <i>паткӓлбугу</i> ‘нырнуть’; ел. <i>паткы-лӓқо</i> ~ <i>паткылейқо</i> ‘нырнуть’ [Быконя 2005: 183] < ПС * <i>pӓt-</i> [Janhunen 1977: 114]	сельк. кет. <i>сӓccӓgu</i> ‘плыть против течения’ [Алатало 1998: 77], таз. <i>ӓӓӓgu</i> ‘плыть против течения’ [Казакевич, Кузнецова, Хелимский 2002: 44] < ПС * <i>сӓcӓ</i> [Janhunen 1977: 33]	сельк. таз. <i>kӓryqo</i> ‘плыть по течению’ [Казакевич, Кузнецова, Хелимский 2002: 44] < ПС * <i>ku-</i> [Janhunen 1977: 76])	сельк. об.ч., вас. <i>кам-дӓжӓгу</i> ‘налить, наполнить, пролить, вылить, облить, залить водой, затушить’ [Быконя 2005: 69] < ПС * <i>kӓmцӓ-</i> [Janhunen 1977: 52], ([Helimski 1997: 264])

Селькупский язык	<p>сельк. об. ч., ш., вас. <i>tõgu</i> 'приплыть' [Быконя 2005: 242] < ПС *<i>toj-</i> ~ *<i>tuj-</i> [Janhunen 1977: 164]</p> <p>сельк. таз. красносельк. <i>urqo</i> 'плыть, плавать'; об. ч. <i>ürgu</i> 'плыть, плавать' < ПС *<i>u-</i> [Janhunen 1977: 29]</p>	<p>сельк. таз. <i>qar-</i> 'причалить' [Хелимский 2007] < ПС *<i>kārā-</i> [Janhunen 1977: 54]</p> <p>сельк. таз. красносельк. <i>rentyqo</i> 'плыть на лодке вниз по течению'; об. ч. <i>rényzugu</i> 'сплавляться вниз по течению' < ПС *<i>rencâ-</i> ~ *<i>rencə-</i> [Janhunen 1977: 120]</p> <p>сельк. об., кет., вас. <i>tūgu</i> 'грести (веслами)' [Быконя 2005: 243] < ПС *<i>tu-</i> (*<i>tuə-</i>) [Janhunen 1977: 166]</p>	<p>сельк. вас. <i>чау мулджэ-гу</i> 'искупать', [Быконя 2005, 132] < ПС *<i>mulV-</i> 'мыться, плавать'</p> <p>сельк. кет. <i>пенжыгу</i> ~ <i>пенжелгу</i> 'ходить вниз по течению' [Алатало 1998: 49]; таз. <i>rentyqo</i> 'плыть на лодке вниз по течению' [Казакевич, Кузнецова, Хелимский 2002: 44] < ПС *<i>rencâ-</i> ~ *<i>rencə-</i> [Janhunen 1977: 120]</p>	<p>сельк. об.с. <i>сололгу</i> 'почерпнуть' [Быконя 2005: 213] < ПС *<i>solV-</i></p>
Маторский язык	<p>мат. <i>u</i> (<i>ū</i> (?)) 'плыть, плавать' [Helimski 1997: 372] < ПС *<i>u-</i> [Janhunen 1977: 29]</p>	<p>мат. <i>baj</i> 'переплывать' [Helimski 1997: 214] < ПС *<i>vajā-</i> [Janhunen 1977: 169]</p>	<p>мат. <i>sejə</i> 'тонуть' [Helimski 1997: 338] < ПС *<i>sejā-</i> [Janhunen 1977 1997: 138]</p>	<p>мат. <i>kamdə</i> 'лить, наливать' [Helimski 1997: 264] < ПС *<i>kāmcā-</i> [Janhunen 1977: 52]</p>
Камасинский язык	<p>кам. <i>mulēm</i> 'плыть' [Donner 1944, 195] < ПС *<i>mulV-</i> 'мыться, плавать'</p> <p>кам. <i>řo'd'lom</i> 'купать, купаться, (?)сплавлять'; <i>řo'lām</i> 'купаться, плавать; течь; быть течке (о животных)' [Donner 1944: 53—54] < ПС *<i>pāt-</i> [Janhunen 1977: 114]</p> <p>кам. <i>pēnilēm</i> 'плыть, плыть / ехать по течению' (может обозначать плавание рыбы, а также плавание человека в воде) [Donner 1944: 52] < ПС *<i>rencâ-</i> ~ *<i>rencə-</i> [Janhunen 1977: 120]</p>	<p><i>ilem</i> 'плыть, плыть / ехать по течению' (может обозначать плавание рыбы, а также плавание человека в воде) [Donner 1944: 52] < ПС *<i>rencâ-</i> ~ *<i>rencə-</i> [Janhunen 1977: 120]</p> <p>кам. <i>t'u'lām</i> 'грести' [Donner 1944: 74] < ПС *<i>tu-</i> (*<i>tuə-</i>) [Janhunen 1977: 166]</p>		<p>кам. <i>kām'lom</i> 'лить' [Donner 1944: 26] < ПС *<i>kāmcā-</i> [Janhunen 1977: 52]</p> <p>кам. <i>solam, sulom</i> 'черпать, черпать воду' [Donner 1944: 60] < ПС *<i>solV-</i></p> <p>кам. <i>tes(ə)</i> 'капать, течь' < ПС *<i>tesə</i> — [Helimski 1997: 358]</p>

қауәзгу 'обвалиться (берегу); развалиться' ~ об.с. *қаужугумгу* 'свалить набок'; об.с. *нәгәлгу* 'ощипать; раздеть' ~ об.ч. *нязжугу, нянжәзгу* 'снять (одежду, обувь)'; кет. *пожәзгу, поччәзгу* 'уколоть, проколоть' ~ об.с. *пожолжугу*, об.ш. *пожэлжәзгу* 'воткнуть; проколоть; отпороть'; об.с. *пөтчолгу* 'напугать' ~ об.с. *пөтчолжугу* 'напугаться'.

Фонетические соответствия в ненецких, селькупских и камасинском словах — регулярные. Представляется, что на прасамодийском уровне для ПС **mulV-* следует реконструировать многозначность 'мыться, купаться, плавать'. Значение селькупских форм — 'вымыть, мыться'. Ненецкие и маторские рефлексy описывают 'плавание, купание, ныряние'. Возможно, дальнейшая этимоло-

гизация этого слова позволит уточнить прасамодийское значение этой лексемы.

3) ПС **solV-* 'черпнуть'

ненТ. *сола(сь)* 'задохнуться, тащась за нартой или лодкой (об олене), утонуть, зачерпнув воды через борт (о лодке)' [Терещенко 1965: 566];

энЛ. *sōbla-* 'черпалась (о лодке)' [Helimski 2007];

сельк. об.с. *сололгу* 'почерпнуть', об.ш., тым., тур. *солак* ~ об.с., кет., ел. *солаң* 'ложка', кет. *солла* 'ложка', кет. *солакка* 'ложка' [Быконя 2005: 213], об.С. *салаң* [Быконя 2005: 207]; об.ч. *солақ* [Быконя 2005: 167]; об.ч., вас. *холақ* 'ложка' [Быконя 2005: 270];

кам. *solam, sulom* 'черпать, черпать воду' [Donner 1944: 60].

Фонетические соответствия в приведенных словах в ненецком, энецком, селькупском и камасинском языках позволяют реконструировать прасамодийский глагол **solV-*. Общим для всех названных рефлексов является значение 'черпнуть', поэтому видится возможным реконструировать данное значение для ПС **solV-*. В ненецком и энецком языках рефлексы данного глагола в переносном значении стали применяться для описания утопающего судна.

Уточнение значения прасамодийских лексем, реконструированных в [Janhunen 1977]:

Обращает на себя внимание наличие в этимологическом словаре двух прасамодийских слов со значением 'landen' (причалить, выйти на берег): **kārā-* [Janhunen 1977: 54] и **kuptā-* [Janhunen 1977: 78]. Можно предположить, что различия в употреблении лексем следует проецировать на ПС уровень. Нганасанское слово *kubtā-* обозначает прекращение пребывания человека или животного в воде и их выход на берег, если они находились именно в воде, а не в лодке. Носители языка однозначно отвергают возможность описания выхода из лодки с помощью глагола *kubtā-*. Также ставится под сомнение возможность применения данного глагола к неодушевленным объектам (возможность использования в предложении 'лед выбросило на берег') [Гусев 2007: 448]. Второй нганасанский глагол *kārā* применим к различным видам лодок. Предположительно подобное различие между рассматриваемыми лексемами имело место в прасамодийском языке: **kārā-* 'приставать к берегу (о судне, лодке)' и **kuptā-* 'выходить из воды (о животном или человеке)'. Рефлексы этих глаголов

в других самодийских языках (подробнее см. [Janhunen 1977]) не противоречат такой трактовке).

Как видно из таблицы 4, для прасамодийского языка восстанавливается «богатая» в терминологии [Майсак, Рахилина 2007] система глаголов плавания. Обращает на себя внимание большое количество глаголов для описания перемещения на лодке и пассивного плавания.

При развитии прасамодийской системы глаголов плавания к современным самодийским языкам большинство рефлексов сохранили свое прежнее значение. Оказывается, что система глаголов плавания от прасамодийского языка к современным языкам развивалась следующим образом: либо рефлекс слова исчезают, либо они практически точно сохраняют свое значение в языках-потомках.

Однако системы глаголов плавания в современных самодийских языках достаточно сильно структурно различаются. В основном, это связано с инновациями: появлением новых терминов, которые могут быть, во-первых, образованы от прасамодийских слов, которые не описывали плавание (то есть, их рефлексы ни в одном другом самодийском языке не описывают перемещение по воде), во-вторых, вероятно, с заимствованиями.

Для того чтобы получить представление о качественном различии между системами глаголов плавания в современных самодийских языках, представляется интересным сравнить систему глаголов плавания в нганасанском языке (данные собраны в результате анкетирования В. Ю. Гусевым [Гусев 2007]) и в ненецком языке (тундровом диалекте) (данные взяты из [Терещенко 1965]).

Таблица 4. Система глаголов плавания в прасамодийском языке

	Активное плавание	Плавание на лодке	Пассивное плавание	Течение жидкости
Прасамодийский	<p><i>*kuptā-</i> 'выйти на берег (о плывущем человеке, животном)'</p> <p><i>*mulV-</i> 'мыться, плавать'</p> <p><i>*pā-</i> 'нырять'</p> <p><i>*u-</i> 'плыть, плавать'</p>	<p><i>*cicā</i> 'плыть против течения'¹⁰</p> <p><i>*kārā-</i> 'пристать к берегу (о судне, лодке)'</p> <p><i>*solV-</i> 'черпнуть (о лодке)'</p> <p><i>*toj-</i> ~ <i>*tuj-</i> 'прибывать, приезжать, приплывать'</p> <p><i>*tu-</i> (<i>*tuā-</i>) 'грести'</p> <p><i>*wājā-</i> 'переправляться (через водоем)'</p>	<p><i>*ku-</i> 'плыть по течению'</p> <p><i>*pencā-</i> ~ <i>*pencā-</i> 'скользить, плыть по течению'</p> <p><i>*sejā-</i> 'тонуть'</p>	<p><i>*kāmā-</i> 'лить'</p> <p><i>*tesā-</i> 'капать, течь'</p>

¹⁰ В таблице 3 не приведены рефлексы ПС **cicā* 'плыть против течения' в ненецком языке, поскольку там проводится выборка глаголов по тундровому ненецкому языку по [Терещенко 1965], а рефлекс ПС **cicā* представлен только лесном диалекте ненецкого языка, см. [Janhunen 1977: 33].

Таблица 5. Система глаголов плавания в нганасанском языке¹¹

Активное плавание	Плавание на лодке	Пассивное плавание	Течение жидкости
<i>kubtə</i> 'выйти из воды на берег' <i>hot</i> 'нырять, тонуть, погружаться в воду, заходить (о солнце)' <i>d'əŋhi</i> 'идет по воде'	<i>ŋəntə(u)</i> 'плыть на лодке' <i>kəɾə</i> 'причалить' <i>konj</i> 'уйти, уплыть'	<i>kud'ü</i> 'плыть безвольно (о неодушевленных объектах)' <i>hot</i> 'нырять, тонуть, погружаться в воду, заходить (о солнце)' <i>sja</i> 'тонуть'	

Таблица 6. Система глаголов плавания в ненецком языке¹²

Активное плавание	Плавание на лодке	Пассивное плавание	Течение жидкости
<i>вэхэмзь</i> 'вынырнуть, показаться, появиться откуда-л.' (с. 79) <i>есё(сь)</i> 'держаться на поверхности воды, плыть, плавать' <i>мулдырьц</i> 'купаться' (с. 261) (с. 287) <i>мулкадарц</i> (применяется к людям, водоплавающим птицам и пр.) 'булькать, нырять (производя булькание)': <i>ит' мулкада</i> 'он нырнул в воду' (с. 261) <i>насабтё(сь)</i> 'двигаться с широко расставленными локтями, плыть с широко расставленными плавниками' <i>нохолā(сь)</i> 'поплыть (о человеке и животном)' (с. 400) <i>пайдириц</i> 'нырять, окунаться, купаться, проваливаться, заходить (о солнце), перен. 'поселяться временно' (с. 431) <i>теоднā(сь)</i> 'выходить из воды' (с. 648) <i>хавйркуць</i> 'выпутывать рыбу из сетей, спускаться вниз по реке (продолжительно)' (с. 712) <i>хэйлци(сь)</i> 'извиваться, скользить, плавать (о рыбах на дне водоема)' (с. 728)	<i>вэра(сь)</i> 'перевезти (напр. через реку на лодке, на плоту — без затруднений)' (с. 75), <i>ессерта(сь)</i> 'поплыть под парусом' (с. 109) <i>лабита(сь)</i> 'грести, идти на веслах, плыть на веслах' (с. 161) <i>ңанута(сь)</i> 'плыть на лодке' <i>пу''лэ(сь)</i> 'нестись по ветру, по течению' (с. 493) <i>сола(сь)</i> 'задохнуться, тащась за нартой или лодкой (об олене), утонуть, зачерпнув воды через борт (о лодке)' (с. 566) <i>ху''ла(сь)</i> 'поплыть (по течению), понестись (по ветру)' (с. 788)	<i>есё(сь)</i> 'держаться на поверхности воды, плыть, плавать' <i>ңэрваналта(сь)</i> 'покачать на крутых волнах' (с. 420) <i>сембе(сь)</i> 'держаться на поверхности, не проваливаясь' (с. 545) <i>сэй(сь)</i> 1. 'погрузиться в воду' (с. 588) <i>хамбā(сь)</i> 'качаться на волнах' (с. 730) <i>хйрй(сь)</i> 'прибиться к берегу течением или ветром' (с. 754) <i>ху''ла(сь)</i> 'поплыть (по течению), понестись (по ветру)' (с. 788) <i>хйтā(сь)</i> 'плыть, держаться на поверхности (о нетонущих предметах)' (с. 758)	<i>поданā(сь)</i> 'просачиваться, протекать' (с. 474) <i>тэсā(сь)</i> 'капать, течь, стекать, сочиться (напр., о слезах, о каплях)' (С. 692) <i>тэхэдā(сь)</i> 1. 'быстро просочиться, протечь, впитаться, иссякнуть (о воде)' (с. 693) <i>тэйц</i> 'стечь, натечь, набежать (о жидкости), осесть на дно' (с. 693) ненТ. <i>хймда(сь)</i> 'пролить, разлить, вылить' (с. 732) <i>хйтрибта(сь)</i> 1. 'быстро залить водой, начаться (о приливе)' (с. 759)

Итак, на основании собранного и проанализированного нами материала об изменениях систем глаголов плавания от прасамодийского языка к современным самодийским языкам и далее к селькупским говорам можно сделать следующий вывод. Причиной изменения системы глаголов перемещения в воде является изменение способа ведения хозяйства.

В самом деле, изменения систем глаголов плавания не зависят напрямую от количества рек

и озер на территории проживания носителей языка. Водный ландшафт, окружающий северных и южных селькупов, не имеет принципиальных различий. Территории их проживания чрезвычайно богаты озерами, реками, ручьями. Различие основного промысла южных (рыболовство) и северных (оленоводство) селькупов явилось причиной того, что система обозначений перемещения на лодках у северных селькупов стала менее богатой.

¹¹ В таблицах по глаголам перемещения в воде для ненецкого и нганасанского языка мы вслед за [Гусев 2007] включаем только те лексемы, которые специфичны для описания перемещения в воде, общие глаголы движения сюда не включены.

¹² В этой таблице намеренно опущены (для единообразия описания с нганасанским материалом) общие глаголы движения и часто многочисленные суффиксальные производные, образованные от основных глаголов плавания.

Когда мы обращаемся к материалу других самодийских языков, то находим новые подтверждения этой гипотезы. Тундра, в которой живут нганасаны, изобилует реками и озерами. Но из-за климатических условий (водные пространства на Таймыре с октября по июнь покрыты льдом, а в оставшиеся три месяца редко прогреваются настолько, чтобы человек мог войти в воду) способ ведения хозяйства у нганасан практически не связан с водой. Очевидно, в связи с этим в нганасанском языке представлена «бедная» система глаголов плавания.

На примере нганасанского языка видно, что, конечно же, присутствует некая опосредованная связь водного ландшафта, климатических условий и системы глаголов плавания в языке. Доказательством не прямого характера этой связи, а опосредованного (через способ ведения хозяйства, который в свою очередь в традиционных культурах непосредственно связан с природными условиями) является соотношение систем глаголов плавания на лодках в селькупских диалектах.

Конечно, учитывая весьма ограниченное количество языков, которые были привлечены нами к анализу, этот вывод имеет предварительный характер, и должен быть проверен на материале других языков мира.

Список сокращений

аз. — азербайджанский
 башк. — башкирский
 кам. — камасинский
 кар. — караимский
 кирг. — киргизский
 ккалп — каракалпакский
 кум. — кумыкский
 мат. — маторский
 нен. — ненецкий
 ненТ — ненецкий язык тундровый диалект.
 нган. — нганасанский
 ног. — ногойский
 ПС — прасамодийский.
 ПТю — пратюркский
 ПУ — прауральский.
 сев.-самод — северно-самодийские языки
 сельк. — селькупский язык:
 вас. — васюганский говор.
 ел. — елогуйский говор.
 кет. — кетский диалект.
 об. — обский диалект.
 об.ш. — говоры обских шешкумов.
 об.ч. — говоры обских чумылькупов.
 об.с. — говоры обских сюсюкумов.
 таз. — тазовский диалект.
 в.-таз. — верхне-тазовский говор.

с.-таз. — средне-тазовский говор.
 тур. — туруханский диалект.
 тым. — тымский диалект.
 тат. — татарский
 тув. — тувинский
 тур. — турецкий
 турк. — туркменский
 узб. — узбекский
 уйг. — уйгурский
 хак. — хакасский
 хал. — халаджский
 чув. — чувашский
 эн. — энецкий
 як. — якутский

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо.

Pron — pronoun, местоимение.

Def — definite form, роль определенного артикля.

Inf — infinitive, форма инфинитива.

.sub — subjective conjugation, субъективное спряжение.

.obj — objective conjugation, объективное спряж.

Dur — durative, выражение длительности действия.

Prs — present, настоящее время.

Fut — future, будущее время.

Pst — past, прошедшее время.

Pfv — perfective, завершенность.

Impf — imperfect, имперфект.

Conv — converb, деепричастие.

Neg — negative, отрицательная частица.

Sg — singular, единственное число.

Pl — plural, множественное число.

Adv. — adverb, наречие.

Nom — nominative, Именительный падеж.

Pstp — postposition, послелог.

Lat — lative, дательно-направительный падеж.

Loc — locative, местно-временной падеж.

Abl — ablative, исходный падеж.

Gen — genitive, генитив.

El — elative, элатив.

Prol. — prolative, продольный падеж.

Acc — accusative, винительный падеж.

Instr — instrumentalis, инструменталис.

Ill — illative, иллатив.

Com — comitative, совместный падеж.

Список литературы

Алатало 1998 — Словарь селькупско-русский и русско-селькупский на кетском диалекте селькупского языка / Сост. Я. Алатало. Максимкин Яр; Хельсинки, 1998.

Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь под ред. В. В. Быконя. Томск, 2005.

Быконя, Ким 1996 — Сказки Нарымских селькупов: Книга для чтения на селькупском языке с переводами

на русский язык. Записи, перевод, комментарии В. В. Быконя, А. А. Ким, Ш. Ц. Купер, Н. П. Максимова, И. А. Ильяшенко. Томск, 1996.

Вострикова 2007 — *Вострикова Н. В.* Глаголы перемещения в воде в селькупском, коми и удмуртском языках // Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.

Гемуев, Молодин, Соколова 2005 — Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты. Отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. М., 2005.

Гусев 2007 — *Гусев В. Ю.* Глаголы плавания в нганасанском языке // Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.

Дыбо 1984 — *Дыбо А. В.* К вопросу об алтайском родстве // Лингвистическая реконструкция и история Древнего Востока. М., 1984.

Дыбо 1996 — *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.

Казакевич, Кузнецова, Хелимский 2002 — *Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 3. Русско-селькупский словарь. Разнопрофильные селькупские словари / Под ред. А. И. Кузнецовой. М., 2002.

Костеркина, Момде, Жданова 2001 — *Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю.* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб., 2001.

Майсак, Рахилина 2007 — Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М., 2007.

Норманская 2005 — *Норманская Ю. В.* Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М., 2005.

Норманская 2007 — *Норманская Ю. В.* Анализ некоторых механизмов заимствования лексики // Аспекты алтаистики II. М., 2007.

Норманская 2008 — *Норманская Ю. В.* Анализ некоторых условий появления многозначности на материале названий метеорологических явлений в тюркских и уральских языках // Аспекты алтаистики III. М., 2008.

Ожередов 2008 — *Ожередов Ю. И.* К проблеме разнообразия в погребальном обряде южной группы палеоселькупов «шиешгула» // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Западно-Сибирской археолого-географической конференции. Томск, 2008.

Рахилина 2007 — *Рахилина Е. В.* Типы метафорических употреблений глаголов плавания // Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь (с приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка). М., 1965.

Хелимский 2007 — Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского / Сост. Е. Хелимский. Hamburg, 2007.

Blank, Koch 1998 — *Blank A., Koch P.* La conceptualisation du corps humain et la lexicologie diachronique romane // Dupuy-Engelhardt H., Montibus M.-J. (eds.) La lexicalisation des structures conceptuelles. Actes du colloque international EUROSEM 1998. Reims, 2000.

Donner 1944 — *Donner K.* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik. Helsinki, 1944.

Helimski 1997 — *Helimski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis. Grundzüge der Grammatik. Sprachgeschichte. Szeged, 1997.

Helimski 2007 — База данных энецкого языка, составленная Е. А. Хелимским и выложенная в 2007 году на сайте www.helimski.com.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Joki 1944 — *Joki A. J.* (Hrsg.). Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Helsinki, 1944.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются причины семантических изменений, происходящих в значениях слов, на примере глаголов плавания в селькупском языке. Авторы статьи отмечают, что ключевым фактором, оказавшим влияние на формирование систем глаголов плавания как в селькупском, так и в других самодийских языках, оказался способ ведения хозяйства носителей самодийских языков. В статье представлен анализ системы глаголов плавания в селькупском языке, а также система глаголов плавания в прасамодийском языке, реконструированная в результате анализа глаголов плавания в нганасанском, энецком, ненецком, камасинском, маторском и селькупском языках.

ABSTRACT

The article considers the reasons for semantic change on the example of changes occurring in the meanings of the verbs of swimming in Selkup language. The authors of the article state that the key factor influencing the formation of the Samoyedic swimming verbs system is the method of traditional household management of the native Samoyeds. This article provides an analysis of the swimming verbs systems in Selkup and proto-Samoyedic languages. The latter was reconstructed as a result of analysis of the verbs of swimming in Nganasan, Enets, Nenets, Kamassian, Mator and Selkup languages.

Insubordination in Altaic

1. Introduction

The recently published “Etymological Dictionary of the Altaic Languages” [EDAL] by three members of the Moscow school, one of them Anna Dybo, represents, in our view, serious scholarship. Among the 2800 etymologies presented about 1500 etymologies have a Japanese member. As the quality of these etymologies is variable, [Robbeets 2005] assesses every individual Altaic etymology proposed for Japanese by EDAL or by other scholars in the past and finds a relatively stable body of core-evidence of 359 Japanese-Altaic etymologies. This number is significant in a way that it indicates that Japanese indeed is an Altaic language and that it makes Altaic more plausible in the light of the Japanese evidence.

However, the morphological evidence relating Japanese to Altaic is severely underrepresented vis-à-vis the lexical evidence. Since [EDAL] is an etymological dictionary and not a comparative grammar, the main focus is on lexical etymologies and only peripheral attention is paid to morphological evidence. But also in the majority of the other Altaic research over the last century the main emphasis is on lexical rather than on morphological comparison. By consequence, very few cognate morphemes stand the evaluation process in [Robbeets 2005]. And yet, in reference to well-established language families like Indo-European, we expect for synthetic languages, which mark the syntactic relations in the sentence through morphological marking at the word stem, lexical evidence to be confirmed by morphological evidence.

Although they disagree on the exact weight of shared morphology, supporters and critics of the Altaic hypothesis seem to agree on at least one point, namely that shared morphology could substantially help to strengthen the evidence. [Vovin 2005: 73] begins his temperamental critique of [EDAL] with the postulation that “The best way ... is to prove a suggested genetic relationship on the basis of *paradigmatic* morphology ...” and [Dybo, Starostin 2008: 125] agree that “... regular paradigmatic correspondences in morphology are necessarily indicative of genetic relationship”.

The present contribution is a historical comparison of verbal morphology across the Altaic languages, focussing on markers for participles, verbal nouns and finite verb forms and the correlations between them. It will be investigated whether these correlations can be genealogically motivated. The label “Altaic” is used in the Transeurasian sense, namely in reference to a vast group of geographically adjacent languages in-

cluding the Japonic languages, the Koreanic languages, the Tungusic languages, the Mongolic languages and the Turkic languages.

The term “Insubordination” in the title is applied to the conventionalized main clause use of what morphologically appears to be a nonfinite form. Insubordination is an unusual diachronic phenomenon because of the way the direction of change runs: from nonfinite clauses to finite clauses. From a Eurocentric and cross-linguistic viewpoint the opposite pathway is much more common. Although insubordination is often referred to as a shared structural feature of “Altaic” in the narrow sense (including Tungusic, Mongolic and Turkic), the present paper will broaden this perspective in two ways. First, exploring the interface between typology and genealogy, it will also search for phonological and functional correspondences of specific forms involved in the insubordination process. And second, it will study insubordination in a larger “Transeurasian” sense, including Japanese and Korean data.

The next section addresses some general typological issues relating to the recoverability of paradigmatic evidence in Altaic and to the pathway of insubordination. Section three discusses the evidence in the individual branches and proposes to set up a mini-paradigm for the historical development of participles to finite forms in the Altaic languages. Section four discusses the direction of the proposed development. The last section offers a conclusion.

2. Typological notions

2.1 The recoverability of paradigmatic evidence in Altaic

It has long been recognized that language change is cyclical, consisting of repetitive waves of grammaticalization and language renewal [Meillet 1921 (1912): 140—141; Hodge 1970; Givón 1979: 208—209; Croft 1990: 230; Hopper, Traugott 1993: 9; Heine, Kuteva 2005:116]. Grammaticalization refers to the linguistic changes through which a lexical item becomes a grammatical item, or through which a grammatical item becomes more grammatical. Renewal is the change whereby an existing mode of grammatical expression is replaced by a less grammaticalized mode, thereby initiating a new cycle of grammaticalization.

Important to the genealogical linguist is what happens at the extreme end of the history of a particular grammatical item. Is the worn-out grammatical form lost, completely disappeared from the language? Or is it fossilized, leaving traces in lexicalizations or ap-

pearing in certain inflectional endings? For linguistic families with a poor historical record, the historical comparativist will heavily rely on material resulting from the latter scenario.

When it comes to verbal morphology, it is possible to a certain extent to predict which categories will be lost completely and which will remain fossilized in the language. According to [Bybee 1985] there is a relation between the meaning of a verbal morpheme and its mode of expression. When the meaning of an affix directly and radically affects the meaning of the verb stem, it is expected to lexicalize easily.

Actional and diathetical markers have a high semantic relevance and are therefore expected to fossilize. In the process of cyclicity, when new productive verbal markers replace the older markers, the older ones remain traceable in lexicalized verb pairs. Proto-Germanic, for instance, had a **-j-* causative, that was added to the ablaut stem (e.g. **lag-*, **sat-*, **trank-*) of strong verbs (e.g. **lig-* 'lie', **sit-* 'sit', **trink-* 'drink'). Although the suffix has lost its productivity and has been replaced by periphrastic causative constructions in the Germanic languages, it still leaves a trace in lexicalized verb pairs such as in the umlaut in German *liegen* 'lie' → *legen* 'lay', *sitzen* 'sit' → *setzen* 'set', *trinken* 'drink' → *tränken* 'immerse' etc.

Morphemes that change the semantic category of the resulting word, such as elements that derive verbal nouns and participles (verbal adjectives) are semantically relevant because the syntactic category of a word is an inherent part of its semantic representation [Bybee 1985: 83]. Therefore, we may expect these forms to lexicalize rather easily. This happened, for instance, in the case of *friend* and *fiend* in which the proto-Germanic present participle **-nd* has lexicalized, reminiscent of the Gothic present participles *frijōnd* of *frijōn* 'love' and *fjand* of *fjan* 'hate'.

The situation is different for categories such as tense, mood and agreement. These markers do not alter the situation described by the verb. Therefore, they do not give rise to lexicalizations. The inflections will remain productive until they are replaced by new periphrastic constructions. In the passage from Latin to Romance languages the Latin future marker in Lat. *cantabimus* 'we will sing' was replaced by a periphrastic expression Lat. *cantare habemus* 'we have to sing' that developed into the French future marker Fr. *chanterons* 'we will sing', which in turn is now being replaced by *nous allons chanter*, literally 'we are going to sing'. The Latin inflectional future in *cantabimus* itself developed from a periphrastic construction with proto-Indo-European **bhumos* 'we are' (**kanta bhumos* 'we are singing'). After replacement the markers tend to disappear completely from the language.

It is therefore fair to say that we expect fossilizations with derivational morphology such as with ac-

tional and diathetical markers or with participial forms or deverbal noun formants that change the semantic category of a word. But, as time elapses we expect that inflectional evidence for categories such as tense, mood and person-number agreement gets completely lost. This expectation can explain the lack of *paradigmatic* morphological evidence for the genealogical unity of the Trans Eurasian languages.

A verbal paradigm is a group of inflectionally related verbs with a common stem, that results from such grammatical categories as tense, mood and person-number agreement. With enough elapse of time, cyclic grammaticalization will erase evidence from categories as tense, mood and person-number agreement and thus lead to the collapse of entire verbal paradigms. Starting from Bybee's [Bybee 1985] observation we do not expect paradigms in Altaic in contrast with the situation in Indo-European, because of the time difference. The unity of Indo-European is usually estimated at a time-depth of ca. 4000 BC, while the split of the Trans-Eurasian languages probably occurred at least one millennium earlier [EDAL: 235]. And, whereas the unity is at least one millennium earlier, the written sources for the Trans-Eurasian languages occur roughly more than one millennium later than those for Indo-European.¹ Summing up, although we expect common verbal morphology in support of the Altaic unity, we do not expect *paradigmatic* verbal morphology.

2.2. The pathway of insubordination

The next section presents data showing the development of participial suffixes to deverbal noun suffixes to finite verb forms in the Altaic languages. This development is called "Insubordination" following [Evans 2008: 367]: "I will apply the term 'insubordination' to the conventionalized main clause use of what, on prima facie grounds, appear to be formally subordinate clauses." Participles and verbal nouns are nonfinite verb forms that prototypically function as arguments or as nominal attributes respectively. Finite forms can be defined through their syntactic function: they prototypically function as the only predicate of an independent clause and through their morphological marking: they typically carry the maximum marking for such categories as tense and agreement permitted in the language. [Nedjalkov 1995: 97; Trask 1993: 103—104; Nikolaeva 2008: 1—7].

Finiteness, like any other semantic value, is subject to diachronic change. Insubordination is an important diachronic phenomenon because of the un-

¹ The written sources that reflect verbal morphology in a rather unambiguous way for the Trans-Eurasian languages are Old Japanese (ca. 700 AD), Late Middle Korean (ca. 1400 AD), Manchu (ca. 1600 AD), Middle Mongolian (ca. 1200 AD), and Old Turkic (ca. 700 AD).

usual way the direction of change runs: from a subordinate clause to main clause. [Evans 2008: 429]. The prevailing direction is the reverse development, namely from finite forms in main clauses to nonfinite forms in subordinate clauses. [Lehmann 1982: 16—20; Heine, Reh 1984: 15; Campbell 1991; Hopper, Traugott 1993: 176, 190; Harris, Campbell 1995: 25—27; Traugott, Heine 1991:6—7; Givón 2006]. While the latter change is undeniably extremely common cross-linguistically, the former pathway is sufficiently observed to highlight that the finite-nonfinite cline is not necessarily a unidirectional development [Ledgeway 2008; Evans 2008].

Clauses in which morphologically nonfinite forms function as independent verbs, such as the infinitives in Dutch used to express commands, e.g. *Shud-den voor gebruik!* (shake-INF before use) ‘(To) Shake before use’ are more widely attested than is commonly believed. Cases where participles replace main verbs are found, for instance, in Lithuanian [Comrie 1981: 153—154] in Estonian [Campbell 1991: 285—290] and in some Daghestanian languages [Kalinina, Sumbatova 2008: 210, 224—225]. They occur where the speaker wishes not to assume responsibility for the truth of what he is saying, and as such they are particularly common in indirect speech and in fairy-tales. They can also function as the only predicate in habitual or generic statements and in sentences referring to well-known facts. The usage of participles as finite verb forms appear to provide an impersonal alternative to make the proposition expressed by the main clause less direct and less concrete. In addition to participles and infinitives, verbal nouns frequently replace finite forms. They often express the speakers reaction to the proposition, for instance, in independent exclamative clauses in a number of Daghestanian languages [Kalinina, Sumbatova 2008: 210, 224—225].

Insubordination combines plausible directionality with infrequency: while the direction of the process has been sufficiently observed cross-linguistically, the process is not widespread geographically. These characteristics turn the feature into a fruitful tool for testing genealogical continuity. If the feature turns out to be concentrated in a group of geographically adjacent languages, the probability of common retention will be considerably high. This follows from Croft’s [Croft 1990: 206—207] argumentation that: “Phenomena that are stable and infrequent will be relatively scarce in the world’s languages, but common in the genetic groups in which they occur.” In the present article we will use the concentration of the process of insubordination in the Altaic languages to make inferences about common ancestorship.

Although safe historical linguistics starts from the establishment of formal and semantic correspondences in lexicon and morphology, diachronic typology can certainly help to unravel the genetic code of

languages. First, in cases where comparative morphosyntax would reconstruct two variant functions as original to a certain grammatical item in the ancestral language, the contribution of diachronic typology is how these variants arose historically in the process of grammaticalization [Greenberg 1991: 303]. Furthermore, the typological observation that a linguistic process is unidirectional is significant for the historical comparativist because “it imposes a major constraint on possible language changes. In fact, it cuts out half of the logically possible language changes, and thus dramatically restricts the number of types of language change.” [Croft 1990: 228]. And finally, combining our observations about stability, frequency and concentration of certain typological features or processes of grammaticalization can give us an indication of genealogical continuity.

3. The case of Altaic

3.1. Japanese

The Ryukyu languages provide particularly valuable insights into the reconstruction of three participial endings pJ **-n*, **-rə* and pJ **-m*. An examination of Shodon (northern Ryukyu) markers of imperfective and perfective aspect reveals that they go back to periphrastic constructions with the proto-Japanese auxiliaries **wu-* ‘be’ and **a-* ‘exist’ respectively, followed by one of these endings. The following Shodon examples are taken from [Martin 1970: 128—131].

3.1.1 pJ **-n* participle

Shodon *-n* is the usual adnominal marker, incorporated in imperfective participles *-un* and perfective participles *-an*. The participle *-un* attaches to the infinitive base of the verb. The usage of an infinitive form of the verb supports the derivation of *-u-* from the auxiliary **wu-* ‘be’ (*yubyún* < **yonp-* ‘call’ + **-i* INF + **wu-* ‘be’ + **-n* PCP). The participle *-an* attaches to the perfect infinitive base of the verb. This supports the derivation of *-a-* from the existential auxiliary **a-* ‘exist’. (*yudán* < **yonp-* ‘call’ + **-i* INF + **-ta-* PERF + **-i* INF + **a-* ‘exist’ + **-n* PCP).

The Shodon participial forms *-un* and *-an* also be used as nominal forms preceding particles or particle sequences such as *n(y)a* ‘question’, *yo* ‘indeed’, *khara n* ‘because’, *ga nyi n* or *ga tu n* ‘so as to’. Shodon *-un* and *-an* can also function as finite predicates. Table 1 illustrates the use of the Shodon imperfective and perfective participial forms, which suggest insubordination of an original participle pJ **-n*.

There is no cognate for the incorporated Shodon participle in *-n* available in western Old Japanese, which suggest that the form may be very archaic and therefore practically worn-out in Mainland Japanese. A reflex of the participle pJ **-n* may be present, how-

Table 1. The use of the Shodon imperfective and perfective participial forms incorporating -n

	imperfective	perfective
adnominal use	<i>yuby-ún tyu</i> call.INF-PCP person 'the person who does / will call'	<i>yud-án tyu</i> call.PERF.INF-PCP person 'the person who called'
nominal use	<i>yuby-ún khara n</i> call.INF-PCP because 'because he does / will call ...'	<i>yud-án khara n</i> call.PERF.INF-PCP because 'because I called ...'
finite use	<i>Yuby-ún</i> call.INF-PCP 'He calls, he will call'	<i>Yud-án</i> call.PERF.INF-PCP 'He called'

Table 2. The use of the Shodon imperfective and perfective participial forms incorporating -r

	imperfective	perfective
nominal use	<i>yuby-ús sa ...</i> call.INF-PCP because 'Because I will call ...'	<i>yud-ás sa ...</i> call.PERF.INF-PCP because 'Because I called...'
finite use	<i>Yúp na! Yuby-úr!</i> call PROH call.INF-PCP 'Don't call! I WILL call!'	<i>Yud-ár</i> call.PERF.INF-PCP 'He called'

Table 3. The use of the western Old Japanese participle -u / -uru / -ru

adnominal use	<i>op-i₁-k-uru mo₂no₂</i> [MYS 5: 804] pursue-INF-come-PCP thing 'the things that pursue [us]'
nominal use	<i>wagimoko₁-ni mise-m-u-ga tame ni</i> [MYS 19: 4222] my.dear.girl-DAT show-TENT-PCP-GEN sake 'in order to show [it] to my dear girl'
finite use	<i>ide ika-ni kokodaku ko₁p-uru</i> [MYS 12: 2889] Oh why so.much love-PCP 'Oh, why do I love her this much?'

Table 4. The use of the Shodon imperfective and perfective participial forms incorporating -m

	imperfective	perfective
adnominal use	<i>yiby-úm timod dya</i> call.INF-PCP intention be 'I intend to call'	
nominal use	<i>yuby-úm tyi</i> call.INF-PCP indeed 'I hear that he calls /will call'	<i>yud-ám tyi</i> call.PERF.INF-PCP indeed 'I hear that he called'
finite use	<i>Yubyúm</i> call.INF-PCP 'He calls / He will call'	<i>Yud-ám</i> call.PERF.INF-PCP 'He called'

Table 5. The use of the western Old Japanese finite suffix -u

nominal use	<i>ki₁mi₁ imas-az-u s-i-te</i> lord come(HON)-NEG-NML do-INF-CONV '[my] lord does not come, and...'
finite use	<i>sawosika nak-yi-t-u</i> [MYS 25: 3678] male.deer cry-INF-PERF-FIN 'male deer cried in the autumn field'

ever, in the eastern Old Japanese tentative suffix *-unam-*.² Vovin [Vovin 2009: 818—819] notices that

“It is widely believed that an EOJ cognate of WOJ *-uram-* ~ *-ram-* is *-unam-*. This seems plausible at first glance, but there is one problem: the correspondence of EOJ *-n-* to WOJ *-r-* is attested only for this cognate and possibly also for the EOJ diminutive suffix *-na* versus WOJ *-ra* (see 4.2.2.4). This correspondence is not supported by any other examples. I think this might mean that EOJ *-unam-* and WOJ *-uram-* are in all likelihood only partially related (in their *-am-* part), but the initial parts of these two morphemes probably have different origins.”

The reconstruction of participial forms pJ **-n* and **-rə* supports the composite nature of the tentative suffixes: WOJ *-uram-* < pJ **wu-* ‘be’ + **-rə* PCP + *am-* TENT and EOJ *-unam-* < pJ **wu-* ‘be’ + **-n* PCP + *am-* TENT.

3.1.2. pJ **-rə* participle

Shodon *-r* is incorporated as a verbal noun suffix in imperfective constructions on *-ur* and perfective constructions on *-ar*. It can be noted that *r* changes automatically to *s* before *s*, for instance in the nominal use with *sa* ‘because’. The morphological analysis of *yubyúr* and *yudár* is the same as for *yubyún* and *yudán* above, except that these forms incorporate the participle pJ **-rə*.

The forms *-ur* and *-ar* can also function as finite predicates. Interestingly, the imperfective finite use is restricted to cases where there is either an interrogative word within the sentence, or where a prohibition is being defied. In the former case the interrogative word may be transposed from the end of the sentence, thus pointing to an adnominal origin. The latter case expresses the speakers reaction to the preceding proposition, which is a prototypical function of insubordinated nominal forms. Table 2 illustrates the use of the Shodon imperfective and perfective participial forms incorporating *-r*.

This suffix *-r* goes back to the same origin as the attributive suffix WOJ *-u* / *-uru* / *-ru* and EOJ *-u* / *-uru* / *-wo*. The standard use of this suffix is adnominal, but there are cases when this participle is used as a nominal or a finite form. Well-known examples of finite use are cases of the *kakari-musubi* phenomenon, a kind of agreement in which certain focus particles trigger the use of the participle as an independent verb in the main clause. [Wrona 2008: 205], however, argues that “Diachronically, however, *kakari-musubi* involves two interdependent morpho-syntactic ele-

ments, the particle and the predicate form. No triggering was originally involved.” Following this analysis, the insubordinated nonfinite form signals the evaluative nature of the proposition, whereas the focus particles specify the exact nature of the speakers reaction such as question, exclamation, confirmation, explanation etc. Table 3 illustrates a case where the participle is insubordinated in absence of *kakari-musubi* particles. The examples in the table are taken from [Vovin 2009: 611—626] and [Wrona 2008: 206].

As for the eastern Old Japanese participle, following [Vovin 2009: 627], “The functions are the same as in WOJ.”. Controversy marks the literature on the morphological analysis of the allomorph EOJ *-wo* [Vovin 2009: 627; Russell 2006 contra Frellesvig 2008: 190], but it may be historically derived by medial *-r-* loss after short vowels [Whitman 1985: 48—49] followed by midvowel raising [Whitman, Frellesvig 2008]: pJ **wu-* ‘be’ + **-rə* PCP > **uə* > EOJ *wo* > WOJ *u*.

In view of the Ryukyuan data, the Mainland participle OJ *-uru* and its allomorphs are likely to go back to an existential auxiliary that followed the infinitive form *-i*. The reconstruction of a participle pJ **-rə* is similar to the analysis of the participial form on pJ **-n* above and the finite form on pJ **-m* below.

3.1.3. pJ **-m* participle

Shodon *-m* is incorporated as a participle in imperfective constructions on *-um*, where it precedes the two postadnominal nouns *hatí* / *hát* ‘expectation’ and *timooryi* / *timor* ‘intention’. In table 4 *timor* changes to *timod* before *dya* ‘it is’. Imperfective *-um* and perfective *-am* are used as verbal nouns preceding a number of particles and particle sequences such as *bam* ‘but’, *mun* ‘although’, *tyi* ‘I hear that; they say that; indeed’, *tyi yo* or *tyo* ‘indeed’, *tyi ba* or *tyis ka* or *tyin na* ‘I hear that’ and *tyid do* ‘they do say indeed that’. The endings *-um* ~ *-un* ~ *-ur* and *-am* ~ *-an* ~ *-ar* are in free variation as finite forms, but the endings that incorporate *-m* are preferred. Table 4 illustrates the use of the Shodon imperfective and perfective participial forms incorporating *-m*, which suggest insubordination of an original participle pJ **-m*.

The participle pJ **-m* is probably at the origin of the finite predicative suffixes WOJ and EOJ *-u*. Although *-u* is mainly used as a finite form, there are a few relic examples of nominal use following the negative suffix *-(a)z-*. In western Old Japanese the negative noun *-(a)zu* occurs before the infinitive *ni* of the defective copula *n-* and before the converb *sité* of the verb *se-* ‘to do’ [Vovin 2009: 599], whereas in Eastern Old Japanese there are only two occurrences in front of the converb *sité* [Vovin 2009: 762]. Table 5 illustrates the nominal and finite use of the western Old Japanese suffix *-u*.

² A text example taken from [Vovin 2009: 819] is following.

wanu-ni koIp-unam-wo [MYS XIV: 3476]
I-DAT long.for-TENT2-ATTR
[You] will probably long for me

We are in agreement with Vovin's [Vovin 2009: 609] derivation of the OJ finite suffix *-u* from an original periphrastic construction with pJ **-um*:

“pJ **yik-i-um* (go-INF-FIN) > WOJ *yuk-u* (go-FIN)
> Shuri *'ich-uN* (go-FIN)”

In our opinion, pJ **-um* can be further analyzed as a compound of the existential auxiliary **wu-* and the participle pJ **-m*.

Other evidence for a nominalizer pJ **-m* may come from the accent class 2.5 of disyllabic nouns with a unique low-falling pitch, which is limited to the Kansai dialects. [Polivanov 1924: 126] was the first to link the origins of this accent class with the loss of a final consonant pJ **-m*. [Vovin 1994: 250; 2008] identifies the lost consonant as the nominalizer pre-pJ **-m* in verbal adjectives denoting colors, such as in OJ *awo-* B ‘be blue/green (adj.)’ and derived *awo* 2.5 ‘blue/green (n.)’ (< **awo-* ‘be blue/green’ + **-m*.) We propose that the nominalizer pJ **-m* and the finite suffix pJ **-m* are connected through insubordination.

3.2. Korean

3.2.1. pK **-n* participle

The Korean participle K *-(u)n*, MK *-(u/o)n* functions as an imperfective modifier following adjectives and copula, while it serves as a perfective modifier following verbs.³ In Middle Korean, *-(o/u)n* was in essence time neutral (Ramsey p.c.): It combined with the tense and aspect morphemes MK *-(i)no-* processive, MK *-te* retrospective, MK *-ke* effective to form the corresponding modifiers MK *-non*, *-ten* and *-ken*.

There are a few instances where the participles are used before the Middle Korean genitive suffix MK *·uy* / *·oy* in a nominal function. These examples are explained as a case of weakening and vanishing of the clitic noun MK *·i* ‘one, person, thing, fact’ [Martin 1992: 924]. They illustrate how adnominal use can gradually grammaticalize into nominal use by the phonological weakening and loss of nominal heads. Contemporary Korean has examples of insubordination in the logophoric domain such as *To:n-i iss-nun?* (money-NOM be.present-PROC.PCP) ‘He has money [you said]?’ [Martin 1992:722], in which the speech of an individual distinct from the speaker is reported on. Examples of finite use of the participle in Middle Korean, however, all include the clitic noun MK *·i* in finite position. Table 6 illustrates the use of the Middle Korean participle *-(u/o)n*. The examples are taken from [Martin 1992: 719, 722, 924; 2002: 380].

³ After a consonant-final stem an epenthetic vowel is inserted. The MK ending has the shapes *-un* or *-on*. The choice of the shape is determined by vowel harmony with the vowel of the preceding syllable.

3.2.2. pK **-l* participle

The contemporary Korean participle K *-(u)l* is usually called “prospective” because reference to the future is the most common meaning today. In Middle Korean, however, MK *-(u/o)l* is the default imperfective participle, in essence time neutral [Martin 2002: 376]. The postadnominal *cek* ‘time (when)’ in the first example in table 6, for instance, calls for the participle regardless of the time. As a direct nominalization the participle precedes case suffixes, such as the Middle Korean genitive marker *s* in the example. Development towards finite use is found in the subjunctive attentive ending K *-(u)la*, MK *-(u/o) la*. This suffix is likely to be morphologically segmentable into the imperfective participle and the vocative particle *a* (< *-(u/o) l-a*) [Martin 1992: 851; 2002: 378—379]. The vocative particle *a* follows nouns (e.g. K *palk-un tal-a* (shine-PCP moon-VOC) ‘Oh shining moon!’) and it also occurs in finite assumptive constructions with the nominalizer K *-(u)m* (e.g. *Kitali-m-a* (wait-NML-VOC) ‘I’ll be expecting you.’). Table 6 illustrates the use of the Middle Korean participle *-(u/o)l*. The examples are taken from [Martin 2002: 376; 1992: 851, 873].

3.2.3 pK **-m* verbal noun

The suffix MK *-(u/o)m*, K *-(u)m* is restricted to nominal use. In the documentary style of written contemporary Korean it is used in main clauses, providing the impersonal alternative, prototypical for insubordination. Table 7 illustrates the use of the Middle Korean participle *-(u/o)m*. The examples are taken from [Martin 1992: 887].

3.3. Tungusic

3.3.1. pTg **-n* and *-rA* participles

Manchu has an imperfective participle *-ra* / *-re* / *-ro* that has an adnominal, a nominal and an independent function as illustrated in Table 8. The examples are taken from [Gorelova 2002: 485, 256, 257].

In the other Tungusic languages participles reflecting pTg **-ri*: have replaced the ones on **-ra* in the adnominal and nominal functions. The participle pTg **-ri*: is likely to be a secondary derivation from the participle pTg **-rA* and the nominalizer pTg **-i* < **-ra-i*. The participles reflecting pTg **-rA* are maintained however in the finite paradigms throughout all Tungusic languages. Manchu has no conjugational paradigm reflecting finite participles because unlike the other Tungusic languages it has no grammatical category of person. Table 9 illustrates the common division into conjugational classes in Even [Benzing 1955 a: 1079—1080; Benzing 1955 b: 90; Malchukov 1995: 16; Menges 1968: 122—123].

Table 6. The use of the Middle Korean participle -(u/o)n

	imperfective	perfective
adnominal use	<i>wu-nu-n swo-li</i> (1447 Sek 19: 14b) cry-PROC-PCP sound 'the sound of crying'	<i>anc-on ce k-uy</i> (1463 Pep 5: 193b) sit.down-PCP time-DAT 'when seated'
nominal use	<i>PPYENG ho-n-oy nek s-i</i> illness do-PCP-GEN spirit-NOM place-DAT <i>kwo-t-ay two-la-w-a</i> (1447 Sek 9: 31b) come.back-INF 'The spirit of the ill one came back on the spot'	
finite adnominal use	<i>manhi tut-tolwok etwuk SIN-thi a</i> frequently hear-PROJ more believe-SUSP NEG <i>ni ho-no-n i</i> (1482 Nam 1: 36 b) do-PROC-PCP fact 'The more I hear the less I believe'	

Table 7. The use of the Middle Korean participle -(u/o)l

adnominal use	<i>wo-l ce k-uy kilh-i ki-two-ta</i> (1481 Twusi 17: 17a) come-PCP time-DAT way-NOM be.long-EMO-FIN 'The way is long when coming [here]'
nominal use	<i>se twoy tu li-l-s HHWA-PPYENG-ul nwo-khwo</i> (1459 Wel 10: 119 a) three measure contain-PCP-GEN vase-ACC place-CONV 'Placing a vase with a capacity of three cupfuls'
finite use	<i>QILQ-SIM-u lwo kwoyGwoy ho-la</i> (1464 Kumkang 12a) wholehearted-ADV silence do-SUBJ 'Be utterly quiet.'

Table 8. The use of the Middle Korean participle -(u/o)m

nominal use	<i>... kes-ul meki-m-i mastang thi ani ho-n i</i> (1608 Twu-cip 2: 4b) thing-ACC feed-NML-NOM proper do.SUSP NEG do-PCP fact 'It is unsuitable to feed them things [such as watermelon or pear or orange]'
finite use	<i>K Onul-un swuep-i eps-um</i> today-TOP class-NOM not.exist-NML 'No class today.'

Table 9. The use of the Manchu participle -ra / -re / -ro

adnominal use	<i>bargiyata-ra niyalma</i> protect-PCP people 'people who protect [him]'
nominal use	<i>mama-de ala-ra-de, mama hendu-me...</i> old.woman-DAT tell-PCP-DAT old.woman say-CONV 'When [he] has told [it] to the old woman, the old woman says: "...''
finite use	<i>si nene-me isinji-ci uthai sin-de bu-re</i> you be.first-CONV come-CONV at.once you-DAT give-PCP 'If you come first, I shall give [it] to you straight away'

Table 10. Conjugational classes in Even

	<i>ma:-</i> 'kill'	< pTg * <i>wa:-</i>	<i>ŋen</i> ₍₂₎ - 'go'	<i>gö:n</i> ₍₁₎ - 'say'	<i>bi-</i> 'be'	<i>ga-</i> 'take'
SG 1	<i>ma:ram</i>	* <i>wa:-rA-n-bi</i>	<i>ŋenrem</i>	<i>gö:nem</i>	<i>bisem</i>	<i>gadam</i>
2	<i>ma:nri</i>	* <i>wa:-rA-n-si</i>	<i>ŋenenri</i>	<i>gö:nenri</i>	<i>bisenri</i>	<i>gadanri</i>
3	<i>ma:n</i>	* <i>wa:-rA-ni</i>	<i>ŋenren</i>	<i>gö:nni</i>	<i>bisni</i>	<i>gadni</i>
PL 1	<i>ma:rap</i>	* <i>wa:-rA-p(ti)</i>	<i>ŋenrep</i>	<i>gö:nep</i>	<i>bisep</i>	<i>gadap</i>
1 excl.	<i>ma:ru:</i>	* <i>wa:-rA-bu</i>	<i>ŋenru</i>	<i>gö:nu</i>	<i>bisu</i>	<i>gadu</i>
2	<i>ma:s</i>	* <i>wa:-rA-su</i>	<i>ŋenes</i>	<i>gö:nes</i>	<i>bises</i>	<i>gadas</i>
3	<i>ma:r</i>	* <i>wa:-rA</i>	<i>ŋenre</i>	<i>gö:n</i>	<i>bis</i>	<i>gad</i>

In Even, as in the other Tungusic languages, the vast majority of verbs (such as *ma-* ‘kill’ and *ɲen-* ‘go’) take the participle *-rA* as a conjugational basis to which person endings are added. The endings have developed from the the personal pronouns in the nominative in pTg **bi* 1 SG, **si* 2 SG, **ni* 3SG, **büe* 1PL EX, **miti* 1PL IN, **süe* 2PL, **ti* 3PL. In the first and second person singular, however, we find an additional element pTg **-n-*. This element is assumed to be a relic of an older participial form, that is incorporated in certain inflectional endings [Menges 1943: 239, 241—43; 1968: 80; Benzing 1955: 1080]. This kind of incorporation can be compared to what happened in the case of the Latin inceptive suffix *-sc-*, which leaves a trace in Italian *fini-sco* ‘I finish’, but not in *fini-amo* ‘we finish’ and in French (*nous*) *fini-ss-ons* ‘we finish’, but not in (*je*) *fini-s* ‘I finish’ [Greenberg 1991: 311].

A limited number of (often stative) verbs such as *bi-* ‘be’ take a different base on *-sA* and only some (often telic) verbs such as *ga-* ‘take’ have a base on *-dA*. These markers *-sA* and *-dA* may reflect original aspectual markers and are not of interest for the present argument. Of interest, however, is the different behaviour of stem final nasal verbs: *-n₍₁₎* final verbs like *gö:n₍₁₎-* ‘say’ form their base without participle *-rA* while *-n₍₂₎* final verbs like *ɲen₍₂₎-* ‘go’ take the usual participle *-rA*. This may be taken as an indication that *-n₍₁₎* in *gö:n₍₁₎-* ‘say’ is originally not part of the verb stem, but reflects the older participial form pTg **-n-*. Additional internal support for the morphological origin of stem final *-n₍₁₎* comes from the fact that *-n₍₁₎* is dropped before the majority of aspectual, diathetical and actional suffixes, whereas *-n₍₂₎* is maintained as a part of the stem in this position. (e.g. in Even with *-ke:c-* intensive: *gö:ke:c-* ‘repeat over and over again’, with *-(e)m-* optative: *gö:m-* ‘want to say’, with *-(e)l-* inchoative: *gö:l-* ‘start to speak’, with *-me:c-* reciprocal: *gö:me:c-* ‘speak to each other’ etc.). Verb pairs in which a derivational element *-n₍₁₎* is described as a suffix with unclear function [Benzing 1955 b: 46] such as *dul-* ‘become warm (of wetter)’ and *dul.an-* ‘become warm’ may incorporate the participial base on pTg **-n-* as well. (compare 3 SG *dulran* ‘it becomes warm’ vs. *dulnan* ‘id.’).

Apart from relics in the finite paradigms of the Tungusic languages, the participle pTg **-n* leaves traces of nonfinite use. Even uses an optative construction on *-(e)men o-* ‘to get the urge to’ in e.g. Even *kol-aman o-* ‘to get the urge to drink’ which is derivable from the optative *-(e)m-*, a participial form on *-n* and the auxiliary *o-* ‘become’. It also derives some deverbal nouns on *-n*, e.g. Even *taɲu-* ‘be counted’ → *taɲun* ‘number’ [Benzing 1955 b: 39]. Evenki has a number of deverbal nouns on *-n* as well, such as Evk. *ɲene-* ‘go’ → *ɲene-n* ‘motion, moving ahead, walk’ [Poppe 1972: 45—46]. Manchu *-n* is the

most common derivative suffix to form nouns from verbs, e.g. *edu-* ‘blow’ → *edun* ‘wind’, *yabu-* ‘answer, respond’ → *yabun* ‘answer’, *taci-* ‘teach’ → *tacin* ‘science, skill’ [Gorelova 2002: 194—195]. The converb of simultaneity pTg **-na* which has reflexes in Even, Evenki, Negidal, Udehe [Benzing 1955 a: 1091] appears to reflect a nominal form of the verb since it can be followed by a diminutive suffix pTg **-ka:n* (e.g. Neg. *na-xan*, Even *-ni:-ka:n*).

3.3.2. pTg **-mA* participle

In a number of Tungusic languages we find traces of a participial form on pTg **-mA*, lexicalized in deverbal adjectives such as in Evenki *omngo-* ‘forget’ → *omngo-mo* ‘forgetful, absent-minded’, *tuksa-* ‘run’ → *tuksa-ma* ‘running’ [Nedjalkov 1997: 305] and *girku-* ‘walk’ → *girkuma* ‘pedestrian’ [Poppe 1955: 262]. The derivation of colour adjectives with secondary nominal function such as *bagdama* ‘white (adj. and n.)’ from *bagda-* ‘become white, freeze’, reminiscent of the color derivations in Japanese above, illustrates the faint boundary between the adnominal and nominal use of the participial form. Udehe also derives some adjectives from verbs with a suffix *-mA*, such as *xui-* ‘boil’ → *xuli-me* ‘boiling’, *zegde-* ‘burn’ → *zegdeli-me* ‘burning’, *kua-* ‘cut, make a framework’ → *kua-ma* ‘log (adj.)’ [Nikolaeva 1999: 113].

The nominal use of the participial form is preserved in the converbs of simultaneity Ma. *-me* Even *-mi*, Evk. *-mi*, Na. *-mi* and Ud. *-mi*.⁴ The Tungusic languages distinguish between those converbs that conjugate for person and number and those that do not. Some of the converbs without agreement have distinct singular and plural forms in a number of Tungusic languages. The *-mi* converb lacks agreement, but has distinct singular and plural forms, for instance, in Nanai *-mi* SG vs. *-mari / -meri* PL, Ud. *-mi* vs. *-mei* PL, Olč *-mi* SG vs. *-mari / -meri* PL, Oroč *-mi* vs. *-mai* PL. This number distinction reflects contraction of an original nominal form pTg **-mA* with the possessive-reflexive suffixes pTg **-wi* SG vs. pTg **-wari* PL [Benzing 1955 a: 1090; Menges 1968: 212]. The observation that Ma. *-me* does not alter according to vowel harmony can be explained by the fact that morphological contraction of the vowel harmonic variants pTg **-ma* and **-me* with the possessive-reflexive suffix pTg **-wi* would yield **-mai* and **-mei* respectively, but that phonological contraction to Ma. *-me* would erase the original distinction. Jurchen preserves the alternants **-mai* and **-mei*.

Insubordination of the participial form is partially observable in Manchu and Udehe. Although contro-

⁴ In the northern Tungusic languages, Even and Evenki, the *-mi* converb can also indicate immediately anteriority to a primary event, depending on the telicity / atelicity of the verb in the converbial form.

versy marks the literature about the exact derivation of the imperfective finite suffix Ma. *-mbi*, most authors agree that it derives from a nonfinite form followed by the predicative copula Ma. *bi* [Benzing 1955: 1077; Menges 1943: 242 : < *-*n* (participle) *bi*; Zakharov 1879: 173; Avrorin 1949; Sinor 1968; Gorelova 2002: 289: < *-*me* (converb) *bi*; Gorelova 1995: 156: < *-*ma* (participle) *bi*]. The most plausible account in the light of the present study seems to be the latter, namely that the finite form is formed by the participial form *-*ma* in its nominal use, followed by the predicative copula Ma. *bi*. The arguments are that (1) Ma. *bi* is an obligatory structural component of the predicate, especially in the nominal type of predication, (2) the imperfective finite in *-mbi* has a parallel in the perfective finite in *-habi* which is derivable from the perfective participle Ma. *-ha / -he / -ho* and *bi* and (3) two distinct imperfective finite forms in *-mi* and *-mə*, that seem to derive from pTg *-*ma* *bi* and *-*ma* respectively, are present in the Sibe dialect of Manchu [Norman 1974: 168—169].

In support of the derivation of the finite form from the *-mi* converb, however, it has been noted that Udehe makes uses of an insubordinated converb in *-mi* as an independent finite form. In combination with the copula *bi-* ‘be’ it forms a finite predicate in the progressive aspect. In the present the copula is usually omitted, although this is not necessarily so. Whether the Tungusic finite forms ultimately derive from pTg *-*ma* (participle) *bi* or from *-*mi* (converb) *bi* (< *-*ma-wi* *bi*), it can be argued that a nonfinite nominal form is taking part in the insubordination. Table 11 gives some reflexes of the use of the proto-Tungusic participle *-*ma* in Udehe. The examples are taken from [Nikolaeva 1999: 129, 164].

3.4. Mongolic

3.4.1. pMo *-*n* participle

The use of a suffix *-n*, with the epenthetic vowel *-u-* / *-ü-* if the stem ends in a consonant, is common to form participles and deverbal nouns in Mongolic [Poppe 1954: 49; 1955: 262; 1972: 45—46; Street 1957: 26], such as WMo. *gene-* ‘to commit mistakes through carelessness, to be negligent’ → *genen* ‘silly, careless, naive’, WMo. *singge-* ‘be absorbed’ → *singgen* ‘fluid’, WMo. *nayad-* ‘to play’ → *nayadun* ‘play, game’. The converb of manner on *-n* is by its origin a verbal noun [Poppe 1954: 96]. This can be observed from the fact that it builds a plural form, replacing the ending *-n* by WMo. *-d* and MMo. *-t* and that in epic songs in Khalkha the *-n* converb can occur with a diminutive suffix in *-χaη*. In Middle Mongolian the plural of this deverbal noun suffix is used as a finite form [Poppe 1955: 262—264; Weiers 1966: 151—153]. In Mogol we find traces of the insubordinated use of the singular in *-*n* in the finite paradigm, e.g. *irambi* <

**ire-* ‘come’ + *-*n* PCP **bi* 1SG ‘I come’, *irantši* < **ire-* ‘come’ + *-*n* PCP + **ci* 2SG ‘you come’ etc. Table 12 gives some reflexes of the use of the proto-Mongolic participle *-*n* in Middle Mongolian. The examples are taken from the Secret History (SH).

3.4.2. pMo *-*r* participle

The use of a suffix is *-r*, with the epenthetic vowel *-u-* / *-ü-* if the stem ends in a consonant, is common to form deverbal nouns in Mongolic, such as WMo. *amu-* ‘rest’ → *amur* ‘rest, peace’ and *irüge-* ‘bless’ → *irüger* ‘prayer, blessing’ [Poppe 1954: 49; Street 1957: 58]. We find the suffix lexicalized in adnominal constructions such as WMo. *siba-* ‘plaster, apply mud’ → *sibar bayising* ‘adobe house’, WMo. *qayi-* ‘cut, chop (tr.)’ → *qayir cilayu* ‘coarse gravel, pebbles’ and in deverbal adjectives such as *čilege-* ‘tire, exhaust, render weak’ → *čilger* ‘slender (adj.)’, *öndiyi-* ‘raise oneself, rise slightly’ → *öndür* ‘high, tall (adj.)’. The local adverbs in WMo. *-ra* are originally dative forms in *-*a* of nominalizations *-*r* [Poppe 1954: 59]. The final converb on *-ra* and the preparative converb on *-run* are also derivable from verbal nouns in *-*r* with the dative in *-*a* and the genitive in *-*un* respectively [Poppe 1954: 98, 180]. I am not aware of examples of finite use of the suffix. Table 13 gives reflexes of the use of the proto-Mongolic participle *-*r* in Written Mongolian. The examples are taken from [Lessing 1960] and [Sárközi 2004: 47].

3.4.3. pMo *-*ma* participle

The suffix *-*ma* is lexicalized as a participial form and as a deverbal noun in a small number of words in Mongolic. Relics of its adnominal function are present in some deverbal adjectives such as WMo. *yayiqqa-* ‘be astonished’ → *yayiqama* ‘wonderful, astonishing’ [Poppe 1954: 48] and in participial constructions such as *jayilu-* ‘rinse, wash out (tr.)’ → *jayiluma usu* ‘brook’. [Poppe 1955: 262] finds reflexes in Khalkha and Ordos, such as Ordos *andu:ra-* ‘err’ → *andu:rama* ‘misleading’. [Poppe 1955: 262] finds that in “Middle Mongolian and in some spoken languages forms in *-ma* still serve as substantive nouns”, e.g. Monguor *daqa-* ‘to follow’ → *daqama* ‘menses’, *guru-* ‘plait’ → *gurma* ‘plaited hair’. Much more common, however, is the deverbal noun suffix on *-m* [Poppe 1954: 47; 1955: 261; Street 1957: 58], such as in WMo. *toqo-* ‘to saddle’ → *toqom* ‘saddle cloth’ and WMo. *bari-* ‘seize’ → *barim* ‘grip’. Since *-m* seems to be connected to the former marker by phonological erosion of the vowel, since it does not appear in adnominal function and since it has a higher productivity, we may take it to reflect a further grammaticalized variant of the participle pMo *-*ma*. It is likely however that this process was already on its way in the Transeurasian ancestral language.

Table 11. Reflexes of the use of the proto-Tungusic participle *-n in Even

adnominal use	<i>kol-ama-n od-ni</i> drink-OPT-PCP become-3SG 'He becomes the urge to drink'
nominal use	<i>taŋu-n</i> be.counted-PCP 'number'
finite use	<i>hokna-m</i> be.happy.PCP-1SG 'I am happy'

Table 12. Reflexes of the use of the proto-Tungusic participle *-mA in Udehe

adnominal use	<i>xui-li-me</i> boil-INCH-PCP 'boiling'
nominal use	<i>Nuani ŋele-mi susa-gi-e-ni</i> He get.frightened.CONV escape-REP-PAST-3SG 'Being frightened, he escaped.'
finite use	<i>Wakca-mi (bi:-ni)</i> hunt-CONV (be-3SG) 'He is hunting'

Table 13. Reflexes of the use of the proto-Mongolic participle *-n in Middle Mongolian

adnominal use	<i>undur-un oron</i> [SH 187] become high-PCP trone 'high trone'
nominal use	<i>nis-ün ire-bei</i> fly-CONV come-PST 'he arrived flying'
finite use	<i>bi ulus irgen ulu temece-t</i> [SH 64] I land people NEG strive.for-PL.NML 'I do not strive for land and people'

Table 14. Reflexes of the use of the proto-Mongolic participle *-r in Written Mongolian

adnominal use	<i>qayi-r cilayu</i> chop-PCP stone 'coarse gravel'
nominal use	<i>eke-yügen eri-re od-bai</i> mother-ACC search-CONV go-PST 'He went to find her mother'

Table 15. Reflexes of the use of the proto-Mongolic participle *-mA in the Mongolic languages

adnominal use	<i>WMo. jayiluma usu</i> rinse-PCP water 'brook'
nominal use	<i>WMo. bari-m</i> seize-NML 'grip'
finite use	<i>MMo. yabu-m</i> walk-NML 'he goes, he will go'

The suggested pathway of grammaticalization is confirmed by the fact that, contrary to *-ma*, *-m* can serve in finite position [Poppe 1954: 346; 1955: 261; Weiers 1966: 143—150; Sárközi 2004: 42—43]. In Middle Mongolian *-m* marks narrative present forms, e.g. MMo. *yabu-m* (walk-NML) ‘he goes, he will go’. The use in narratives is reminiscent of the cases of insubordination of nominal forms cross-linguistically, where the speaker wishes not to assume responsibility for the truth of what he is saying. The deverbal noun suffix *-m* is also incorporated in the Written Mongolian suffix *-nam* (praesens imperfecti), consisting of the participle **-n* and **am*, the extinct narrative present of the verb *a-* ‘be’, e.g. WMo. *yabunam* < **yabun am* ‘is going’. Table 14 summarizes the reflexes of the use of the proto-Mongolic participle **-mA* in the Mongolic languages.

3.5. Turkic

3.5.1. *pTk *-n participle*

In Old Turkic we find a participial suffix *-(X)n* that derives deverbal adjectives such as OTk. *yak-* ‘be near, to approach’ → *yakin* ‘near’, OTk. *kalī-* ‘rise in the air’ → *kalīn* ‘thick, massive, dense’ and OTk. *yīg-* ‘heap up’ → *yīgīn* ‘heaped up’ [Ramstedt 1952: 94; Erdal 1991: 302—304]. The suffix further derives deverbal nouns such as OTk. *yaši-* ‘flash’ → *yašīn* ‘lightning’, OTk. *āk-* ‘sow’ → *ākin* ‘sown land, the crop growing on it’ and OTk. *sa-* ‘count’ → *san* ‘number, set of things counted’ [Poppe 1972: 45—46; Ramstedt 1952: 94; Erdal 1991: 301—302; 304—307]. In support of the relative archaicism of the participle vis-à-vis the participles mentioned below, we can refer to Erdal’s [Erdal 2004: 301] remark that “The *-(X)n* bases are all underived”. Although we do not find examples of independent use of the participial form in Old Turkic, Chuvash preserves examples of insubordination of the cognate perfective participle.

Chuvash preserves evidence for an old participial form in *-(A)n* incorporated in a few fixed phrases, as *yux-an šiv* ‘river, lit. flowing water’, *věš-en kayāk* ‘fowl, bird; lit. flying bird’ and *šüre-n šul* ‘well-trodden path, lit. going road’ [Krüger 1961: 152]. It is also preserved in the negative present participial form *-mAn*, e.g. *kuš kur-man šin* (eye see-NEG.PCP person) ‘a blind man’, which is derivable from the negative *-m-* [Krüger 1961: 142—143] and *-An*. It is likely that the Chuvash perfective participle *-nĀ* which is still widely productive is a secondary derivation from this form. Phonological support comes from the observation that the final lax vowel in Chuvash is secondarily added as in many other Chuvash words, such as Chuv. *külĕ* ‘lake’ (cf. OTk. *köl* ‘large body of water, pool, lake’), Chuv. *uDă* ‘straw’ (cf. OTk. *ot* ‘grass, vegetation’), Chuv. *yiDă* ‘dog’ (cf. OTk. *it* ‘dog’). The addition of the final lax vowel probably made the

insertion of a binding vowel after consonant stems superfluous, so *věš-en* (fly-PCP) became *věš-nĕ*.

The development towards perfective use is reminiscent of the observation made for the Korean participle in *-n*. Additional evidence comes from the fact that the present participle *-(A)n* and the perfective participle *-nĀ* share the same negative participle, namely *-man*, e.g. *pěl-men sămaχ* (know-NEG.PCP word) ‘an unknown word; a word one didn’t know’ [Krüger 1961: 154].

Traces of the nominal use of Chuvash *-(A)n* can be found in the negative participle that can be followed by case suffixes such as the ablative in the example in table 16. Like other nouns Chuv. *-nĀ* may take the past morpheme *-ččĕ* and the verbal noun in *-ni* is derivable as *-nĀ* followed by the possessive of the 3sg *-i* [Krüger 1961: 153—154]. In finite use we find Chuv. *-nĀ* and the negative counterpart *-man* incorporating the simplex morpheme as illustrated below. Table 16 illustrates the reflexes of the use of the proto-Turkic participle **-n* in Old Turkic and Chuvash. The examples are taken from [Erdal 1991: 304] for Old Turkic and from [Krüger 1961: 150—155] for Chuvash.

3.5.2 *pTk *-(A)r participle*

In Old Turkic the participle *-(A)r*, which is known under the label “aorist”, is still productive in its adnominal use, but it is used more often as a finite predicate [Erdal 2004: 282, 284]. It is formed with *-Ar* after most simple consonant stems, *-Ur* or *-Ir* after diathetic consonant stems and *-yUr* or *-r* after vowel stems. In Runic Old Turkic we find a number of monosyllabic verb stems that exceptionally form their participle on *-Ur* or *-Ir*, such as *käl-* ‘come’ → *kälir* and *bar-* ‘go’ → *barir*. [Ramstedt 1952: 86; Johanson 1975: 111—112; Erdal 1979] support the viewpoint that deleted stem or (diathetical) suffix final vowels are recoverable in the participial forms.

[Poppe 1964: 12—13] refers to a reflex of nominal use in e.g. Tk. *kes-* ‘cut’ → *kes-er* ‘adze’. The other examples are taken from [Erdal 2004: 284—285, 325].

The aorist has been thought to be present in all Turkic languages except Chuvash. This exception would be remarkable, given the key role of Chuvash in the discussions on the Transeurasian hypothesis. [Johanson 1975] has shown, however, that the aorist has actually been preserved in Chuvash, surviving as a so-called finite “future” in *-Ā*.

[Johanson 1975: 120—123] demonstrates that there is a clear functional match between both forms. He describes the functions in Chuvash as “unbestimmtes Futur” and “praesens generale”. The first function, which [Krüger 1961: 143] identifies as a more general future “when the speaker is less convinced that an action will definitely take place” is reminiscent of the avoidance of speaker responsibility, which is typically involved in insubordination proc-

esses. The second function is observed in habitual and generic expressions and illustrated in table 17 below.

The phonology of the Chuvash participial form in $-Ā$ raises two issues. First we need to explain where the final lax vowel $-Ā$ comes from and then we have to determine a possible environment for $-r$ loss. The development of the final lax vowel probably went along the same line as that for the participle $-(A)n$ to $-nĀ$ in e.g. *věš-en* (fly-PCP) to *věš-ně*, above. As in many Chuvash words a secondary lax vowel was added, which made the preceding binding vowel in consonant stems superfluous.

As for the $-r$ loss, there are a number of Chuvash verbs that lose stem-final $-r$ when they cluster with t -, m - or n - initial suffixes (e.g. *tār-* ‘stand’ → *tā-tā-m* (stand-PST-1SG), *tā-nā* (stand-PF.PCP), *tā-ma* (stand-NML)). Since consonant clusters involving t , m , n provide an environment for r -loss, we can posit the following phonological development for verbs like Chuv. *šit-* ‘reach’:

pTk **yet-ār* (overtake-PCP) > pChuv **šit-ār* (reach-PCP) > (lax vowel addition) **šit-ārě* > (binding vowel deletion) **šit-rě* > (cluster $-r$ -loss) *šit-ě*

Taking into consideration the phonological instability of $-r$, it is easy to see how the $-r$ loss could have spread to all consonant and vowel final verbs by analogy.

[Johanson 1975:130—137] takes the lax vowels in the Chuvash form and the correspondence between Chuv $-Ā$ and OTk $-U$ as an indication that the original aorist form was $*(A)yUr$ instead of $*(A)r$ in Turkic, but on the present account there is no need for such a reconstruction. The Chuvash data rather indicate that the simplex allomorph OTk $-(A)r$ reflects the original morpheme, while the allomorph OTk $-yUr$ that is restricted to vowel stems, is probably a phonotactic alternant.

The Chuvash finite form in $-Ā$ leaves traces of earlier nonfinite use, for instance in the potential participle $-i$ (negative $-mi$) and in the conditional $-ĀttĀm$.

[Johanson 1975: 124—127] derives the potential participle as a compound of the participle $*-Ā$ and the third person possessive $-i$, a derivation which is paralleled in the analysis of the verbal noun in $-ni$ above. He posits [Johanson 1975: 127] “Wir nehmen also an, daß das Partizipialsuffix $-i$ aus ”Futur” + “Possessivsuffix” besteht und sehen in den Funktionen dieses Partizips eine zusätzliche Bestätigung der Annahme, daß die Komponente “Futur” mit dem gesamttürkischen Aorist genetisch identisch ist.” [Krüger 1961: 60] derives the conditional $-ĀttĀm$ from the grammaticalization of a verb ‘to stand’ and remarks that the “conditional has a short $-Ā$ before the ending”. From a functional perspective the $-Ā$ is a converbial form, reminiscent of the converb in $*-nĀ$.

Traces of attributive use of Chuv. $-Ā$ are petrified in the adjective marker $-lĀ$ [Krüger 1961: 130—131].

This suffix that derives adjectives from nouns incorporates the denominal verb marker $-lĀ-$ followed by the participle $-Ā$. This can be inferred from triplets such as Chuv. *yat* ‘name’ → *yatla-* ‘give a name’ → *yatlā* ‘named, having the name’ or *ilem* ‘beauty’ → *ilemle-* ‘make beautiful’ → *ilemlě* ‘beautiful’. The deverbal derivation is further supported by the semantic contrast between the example in table 17 ‘salted water, water to which salt was added’ and expressions for ‘naturally salt water’ such as *tāvar külli* ‘a salt-lake, lake salty by nature’.

We do not exclude the possibility that relics of the participle pTk $*(a)r$ without secondary added vowel and resulting $-r$ loss are preserved in the so-called Chuvash “past” in $-(A)r$, e.g. *vula-r-ām* (read-PST-1SG) ‘I have read’. [Krüger 1961: 145] describes its function as “a clearly past action, not relative to any other past, being more like a perfect tense: I have seen, have written.” He adds that “Some persons speculate that these formations like the preterite arose from an original noun, in this case, in $-r$, to which reduced personal pronouns were added, ...”. The negative article *mar* ‘no, not’ that occurs before verbs and as a postposition in the negative imperative in the 1SG and 1PL may also preserve a trace of the primary form $-(A)r$.

The secondary addition of a final lax vowels in Chuvash may have given rise to $-r$ and $-Ā$ allomorphs for the participial form. As the process of insubordination was taking place, the allomorphs developed into two functionally distinct morphemes, $-r$ indicating perfect finite and $-Ā$ indicating general present and indefinite future finite. The functional shift can well be explained by the ambiguity of deverbal nouns with respect to relative tense: a nominal form of the verb ‘write’ can be interpreted as both ‘my writing’ or ‘my written thing’ and when taking up mainclausehood it can develop into either the interpretation ‘I write’ or ‘I have written’. Table 17 illustrates the use and reflexes of pTk $*(A)r$ in Old Turkic and Chuvash. The examples are taken from [Erdal 2004: 285, 325; Johanson 1975: 123, 125] and [Krüger 1961: 131].

3.5.3. pTk $*-mA$ participle

In Old Turkic we find two lexicalized suffixes for the derivation of adnominal and nominal forms from verbs: OTk $-mA$ and OTk $-(X)m$ [Erdal 1991: 290—300, 316—320]. The first suffix derives deverbal adjectives such as OTk. *ärksin-* ‘have power or authority over (tr.)’ → *ärksinmä* ‘dominant’ and is petrified in participial constructions such as OTk. *kutur-* ‘be excessive, exceed, overhang’ → *kutur-ma börk* ‘a cap which has two flaps, in front and behind’ and OTk. *id-* ‘send, allow to go, release (tr.)’ → *id-ma yilki* ‘animal which is allowed to go free’. It also derives deverbal nouns such as OTk. *yäl-* ‘trot or amble’ → *yälmä* ‘reconnoitring patrol’, OTk. *tut-* ‘hold, grasp, seize’ → *tut-ma* ‘chest or coffer’ and OTk. *yar-*

‘split (open)’ → *yarma* ‘crack’. According to Erdal this formative is added mainly to simple verb stems and only to a small number of derived ones, whereas the suffix OTk $-(X)m$ is much more common following derived bases. OTk $-(X)m$ appears rarely in attributive constructions, such as in *īsīr-* ‘bite (tr.)’ → *īsīrīm kiši* ‘a man who clenches his teeth and scowls’ and *yil-* ‘catch on to something’ → *yilīm yī* ‘creeper plant’. However, the number of $-(X)m$ derivatives in nominal function is high and the semantic relationship between the base and the derivate is more straightforward than for $-mA$ derivations, e.g. OTk *yil-* ‘catch on to something’ → *yilīm* ‘glue’, OTk *ōr-* ‘plait’ → *ōrīm* ‘something knitted’, OTk *yar-* ‘split (open)’ → *yarīm* ‘half’ and OTk *tut-* ‘hold, grasp, seize’ → *tutum* ‘handful’.

The relative poverty in expansions for verbal derivatives on $-mA$ taken together with the semantic divergence of the $-mA$ derivatives and the low number of adnominal examples of $-(X)m$ derivatives, may indicate that the participle on $-mA$ reflects an older form than the suffix $-(X)m$. In view of the form-function relationship of both suffixes, we think that they represent different chronological layers in the grammaticalization process, reminiscent of the situation in Mongolic described above. Further support for the secondary nature of $-(X)m$ derivatives comes from the observation that Chuvash only preserves $-mA$ as the standard deverbal noun [Krüger 1961: 156—157]. Table 17 summarizes the reflexes of the participle proto-Turkic $*-mA$ in Old Turkic and Chuvash. The examples are taken from [Erdal 1991: 290—300, 316—320; Krüger 1961: 156—157].

4. The direction of the development

4.1. From nonfinite to finite form

The above case study of finite and nonfinite forms presents three formally different morphemes ($-n$, $-m(V)$ and $-r(V)$) in five distinct linguistic groups (Japonic, Korean, Tungusic, Mongolic and Turkic) that share three uses (adnominal, nominal, finite). Given the fact that the three uses appear together in nearly fifteen paradigms, it is reasonable to claim that we are not dealing with merely homophonous suffixes, but rather with polysemy reflecting a historical connection between the three uses. Indications that the direction of the diachronic change is from nonfinite to finite form and not the other way around comes from the following observations.

(1) In some cases the change from nonfinite to finite is attested in the written record. This is for instance the case with the nominal suffix MK $-(u/o)m$, K $-(u)m$ that developed main clause use in contemporary Korean documentary style only.

(2) All finite forms have corresponding nonfinite uses, but not vice versa. MK $-(u/o)n$, WMo. $-(U)r$,

WMo. $-mA$, OTk. $-mA$, OTk $-(X)m$ and Chuv. $-mA$ are restricted to nonfinite use.

(3) In many cases the finite forms show the kind of semantic specialization such as avoidance of speakers responsibility, habitual or generic statements, impersonal alternative to a proposition or speakers reaction, that is prototypically observed in insubordination. This is among others the case for OJ $(-ur)u$, K $-(u)la$, MK $-(u/o)la$, K $-(u)m$, MMo. $-m$, Chuvash $-A$ and OTk $-(A)r$.

(4) The nonfinite forms are often petrified, while the finite counterparts still enjoy a certain degree of productivity at the language stage in which they are observed. Except for Manchu the reflexes of pTg $*-rA$, for instance, are maintained in the finite paradigms of the Tungusic languages. The nonfinite forms, however, are restricted to a small number of lexicalizations. A similar observation is that the reflex of pJ $*-m$ in Mainland Japanese has petrified in nonfinite uses, but still productive in finite use. The fact that nonfinite use is occasionally restricted to the negative verb, as in the case of OJ $-u$, can also be taken as an indication of its relative archaicism. Trans Eurasian languages mark the negative on the verb. Following [Bybee 2002: 269] “[L]ow-frequency verbs, such as *weep/wept*, *leap/leapt*, *creeep/creept*, are regularizing, while highfrequency verbs with the same pattern show no such tendency: that is, *keep/kept*, *sleep/slept*, *leave/left* show no evidence of regularizing.” we expect that verbs with high frequency, such as the negative verbs in Trans Eurasian, tend to preserve traces of archaic morphology.

(5) Grammaticalization involves phonological weakening. The observation that the finite use of pMo $*mA$ is restricted to the reduced form WMo $-m$ may indicate the direction of the grammaticalization process.

4.2. From adnominal to nominal

On the basis of the previous observations we can argue for insubordination, but why do we assume that the direction of the change in the nonfinite forms went from adnominal to nominal use? [Johanson 2006: 76] makes an observation on Turkic participles that suggests the other direction: “...participles are commonly taken to be of adjectival nature. ... However, the primary affiliation of those participles might also be analysed the other way around. ... it should be noted that participles ... lack several typically adjectival properties. In particular, they cannot be used adverbially as adjectives commonly do.” However, in the case of the forms discussed above, we find indications for the development of adnominal to nominal use.

Against Johanson’s objection that unlike adjectives, Turkic participles do not occur in adverbial functions, we can observe some traces of converbial use in the reflexes of pTk $*(A)r$ in Chuvash and Old

Table 16. Reflexes of the use of the proto-Turkic participle **-n* in Old Turkic and Chuvash

	Old Turkic	Chuvash	
adnominal use	<i>yġ-in tuprak</i> heap.up-PCP earth 'a heap of earth'	<i>šüre-n šul</i> go-PCP road 'well-trodden path'	<i>kur-nă šin</i> see-PCP person 'seen person/ person who saw'
nominal use	<i>sa-n</i> count-PCP 'set of things counted'	<i>pĕl-men-ten an ıyt</i> know-NEG.PCP PROH ask(IMP) 'don't ask a man who doesn't know'	<i>kĕneke vula-ni usăllă</i> book read-NML useful book reading is useful
finite use	—	<i>šemyi-sem pĕri te sis-men.</i> family-PL one even notice-NEG.PCP 'Not one of the family members noticed'	<i>šin kur-nă</i> person see-PCP 'the person saw'

Table 17. The use and reflexes of the pTk participle **(A)r* in Old Turkic and Chuvash

	Old Turkic	Chuvash
adnominal use	<i>ak-ġp kăl-ir sogġk suv</i> flow-CONV come-PCP cold water 'cold water flowing forth (or coming up)'	<i>tăvarlă šiv</i> salted water 'water to which salt was added'
nominal use	Tk. <i>kes-er</i> cut-PCP 'adze'	<i>kur-i kuš-a kur-mi tu</i> see-PCP eye-ACC see-NEG.PCP make(IMP) 'Make the seeing eye blind.'
finite use	<i>Ölüm-tă oz-upan ögir-ă</i> death-ABL escape-CONV rejoice-CONV <i>savin-ü yori-r</i> be.happy-CONV go.on-PCP 'Having been saved from death it happily goes on with its life'	<i>vyrăs ĉun-ĕ ĉas kan-mĕ</i> Russian heart-POSS3SG soon calm.down-NEG.PCP.3SG 'The Russian heart does not calm down easily'

Table 18. Reflexes of the participle proto-Turkic **-mA* in Old Turkic and Chuvash

	Old Turkic	Chuvash	
adnominal use	<i>örmă saĉ</i> plait-PCP hair 'plaited hair'	<i>ġsr-ġm kiši</i> bite-PCP person 'a man who clenches his teeth and scowls'	—
nominal use	<i>yălmă</i> trot-PCP 'reconnoitring patrol'	<i>ör-ġm</i> plait-PCP 'something knitted'	<i>yurla-ma</i> sing-NML '(the act of) singing'

Table 19. Form-function matches of participial forms across the Altaic languages

Japonic	Koreanic	Tungusic	Mongolic	Turkic	Altaic
pJ <i>*-n</i> adnominal nominal finite	pK <i>*-n</i> adnominal nominal finite	pTg <i>*-n</i> adnominal nominal finite	pMo <i>*-n</i> adnominal nominal finite	pTk <i>*-n</i> adnominal nominal finite	pA <i>*-n</i> adnominal nominal finite
pJ <i>*-m</i> adnominal nominal finite	pK <i>*-m</i> - nominal finite	pTg <i>*-mA</i> adnominal nominal finite	pMo <i>*-mA</i> adnominal nominal finite	pTk <i>*-mA</i> adnominal nominal - -	pA <i>*-mA</i> adnominal nominal - -
pJ <i>*-rə</i> adnominal nominal finite	pK <i>*-l</i> adnominal nominal finite	pTg <i>*-rA</i> adnominal nominal finite	pMo <i>*-r</i> adnominal nominal -	pTk <i>*-(A)r</i> adnominal nominal finite	pA <i>*-rA</i> adnominal (nominal) -

Turkic. The Old Turkic conditional converb *-sAr* can be derived as a participial form on **(A)r* [Johanson 1995: 336]. If its base is not an original verb root pTk **sa-* ‘think, reckon (as), count (on), desire’, it may well be an original perfect pTk **-sA*.⁵ The Chuvash negative article *mar* ‘no, not’ that occurs before verbs is a relic of converbial use.

Other indications that the direction of the change went from adnominal use to nominal use for the forms dealt with above, come from the following observations.

(1) The meaning of the insubordinated clause in most cases suggests that it grammaticalized over a nominal form into a finite form. This is the case for the evaluative meaning of OJ *-(ur)u*, the use in narratives of MMo *-m* and impersonal or indirect alternatives to the proposition such as K *-(u)la*, MK *-(u/o) la* and K *-(u)m*. The finite uses of Old Turkic *-(A)r* and Chuvash *-Ā*, however, would suggest that the grammaticalization process went over the participial form.

(2) Phonological reduction goes hand in hand with grammaticalization. It appears in the nominal use of WMo *-m*, whereas it lacks in the adnominal use where we find WMo. *-mA*. Similarly, OTk *-(X)m* appears rarely in attributive constructions, while its is frequent in nominal ones.

(3) Forms that are older reflect a higher degree of petrification. Lexicalizations of adnominal forms generally reflect a broader semantic latitude than those of nominal forms. This is a.o. observed in the meanings of lexicalizations with WMo. *-mA* and OTk *-mA* and *-(X)m*. Traces of the adnominal use of Chuv. *-Ā* are petrified in the adjective marker *-Ā*, thus restricted to derived *-Ā-* verbs only, while the relics of the nominal use apply more generally to all verbs.

(4) Most adnominal forms have nominal uses, but not vice-versa. The Shodon forms incorporating *-r*, the Shodon *-(ā)m* perfective, the reflex of pJ **-m* in OJ *-u*, MK *-(u/o)m*, K *-(u)m* and Chuvash *-mA* all lack adnominal use.

(5) Participles or verbal adjectives, like other adjectives can easily assume secondary nominal tasks and serve as heads of noun phrases. [Johanson 2006: 57] shows that Turkic adjectives can develop nominal functions by way of a markerless nominalization process: all adjectives can become nouns, not all nouns can be used adjectively. The tendency for adjectives to develop a secondary nominal use is observed across the Transeurasian languages: J *aka-*

⁵ The reconstruction pTk **sa-* ‘think, reckon (as), count (on), desire’ is based upon reflexes in Karakhanid *sa-* ‘count, reckon (as)’ and verbs meaning ‘count’ such as MTK *sa- ~ say-*, Tk. *say-*, Az. *say-*, Tkm. *sāy-*, Chuvash *su-*, Yakut *ā-*, Kazakh *say-*, Gagauz *say-* [Clauson 1972: 782-783]. In Old Turkic we find derivations with the inchoative formant such as OTk *sak-* ‘think’ and further with the reflexive formant such as OTk *sakin-* ‘think about, desire, think anxiously about’.

‘(be) red’ and *aka* ‘redness’, K *kanan* ‘poor’ and ‘poverty’, Evk. *gugda* ‘high’ and ‘height’, Khal. *ulān* ‘red’ and ‘redness, the red one’, OTk. *kizil* ‘red’, but MTK. *kizil* ‘red’ and ‘a kind of red bird’. These adjectives occur in a modifier position, but they can sporadically function as a head and take nominal morphology. This confirms the direction of the development proposed for the participles under investigation.

5. Conclusion

The present paper compares insubordination, the main clause use of morphologically nonfinite forms, between the Japonic languages, the Koreanic languages, the Tungusic languages, the Mongolic languages and the Turkic languages. We find comparative evidence for this diachronic process not only as a shared structural feature, but also as a reflection of a systemic set of form-function matches. This observation may be diagnostic of genealogical continuity.

The typological strength of the argument lies in the fact that the process of insubordination is geographically concentrated in a group of adjacent Altaic languages, although the process is rather infrequent in the world’s languages. Following [Croft 1990: 206—207] such phenomena are common to genealogical units.

The historical-comparative strength of the argument lies in the form-function matches and in the system formed by three basic participles that succeed each other chronologically in what appear to be different cycles of insubordination. The data suggests that the most archaic participle is pA **-n*. In the process of grammaticalization to verbal noun suffix and finite form, it was replaced by a new participial form pA **-mA* that gradually developed along the same pathway. A third cycle of insubordination was started by the introduction of the participial form on pA **-r*, which is still productive as an adnominal, but is independently developing in finite direction in the individual branches.

The individual branches preserve evidence for the relative chronology of the markers. For Japanese, there is no cognate for the incorporated Shodon participle in *-n* available in western Old Japanese, which suggest that the form may be very archaic and therefore practically worn-out in Mainland Japanese. In nonfinite uses in Mainland Japanese the reflex of pJ **-m* has completely petrified, whereas the reflex of pJ **-r* is still highly productive as an adnominal form.

The Korean data suggest that it was the competition with the imperfective adnominal pK **-l* that pushed the earlier imperfective adnominal **-n* to specialize as a perfective adnominal.

The finite **-rA* paradigm is still fully productive in Tungusic, while only Sibe preserves evidence for the finite use of pTg **-mA*, not followed by the predica-

tive copula **bi*. The element pTg *-*n*- is highly petrified, incorporated only in certain inflectional endings.

As for Mongolic, traces of the finite use of the singular *-*n* are restricted to Moghol only, whereas in Middle Mongolian only the plural alternant survived. MMo and WMo -*m*, on the other hand, is still productive in finite use, whereas WMo. -(*u*- / -*ü*)*r* has not yet developed finite use.

In support of the relative archaicism of pTk *-*n* we can refer to the fact that OTk. -(*X*)*n* bases are all underived. The reflexes of pTk *-*r* are still productive in adnominal use, while those of pTk *-*mA* are restricted to lexicalizations.

Table 17 summarizes the systematic form-function matches of imperfective participial forms across the Altaic languages.

It is arguable that we are dealing with a mini-paradigm in which imperfective participles yield present-future finite forms and we expect to find a mirror-image for the recruitment of past finite forms from imperfective participles. However, our “paradigmatic” evidence is substantially different from the verbal paradigms shared by the Indo-European languages. The different nature of the morphological evidence is a consequence of the typological and the chronological differences between both language families. It cannot be used as an argument contra genealogical affiliation: it is rather an argument pro since it confirms our expectations based on structural and temporal considerations. The time difference between the written record and the estimated date for the original unity lead to the expectation that traces of common verbal morphology will occur in derivational rather than inflectional morphology. The Structural differences such as Indo-European fusion in contrast with Altaic agglutination, the lack of person agreement in Altaic or its secondary development from independent personal pronouns and the relative frequency of insubordination in Altaic have an impact on the nature of the evidence as well: we expect less shared irregularities as the result of fusion of form or function, the absence of verbal paradigms that reflect person agreement and the backward projection of finite verbal categories such as tense and mood to nonfinite participles.

In sum, one possible answer to such authoritarian Altaic stances such as the one expressed in [Vovin 2005: 122] that [EDAL] is “another etymological dictionary of a non-existing language family” is: “Insubordination in Altaic” in both the linguistic and general sense.

Abbreviations

Grammatical terms

ABL ablative	CAUS causative
ACC accusative	COND conditional
ADV adverbilizer	CONV converb

COP copula	PCP participle
DAT dative	PERF perfect
EMO emotive	PF perfective
EX exclusive	PST past
FIN finite	PL plural
GEN genitive	POSS possessive
HON honorific	PROH prohibitive
IMP imperfective	PROJ projective
IN inclusive	PST past
INCH inchoative	Q question marker
INT interrogative	SG singular
INF infinitive	SUBJ subjunctive
NEG negative	SUSP suspensive
NML nominalizer	TENT tentative
NOM nominative	TOP topic
OPT optative	VOC vocative

Languages and sources

Az.	Azerbaijani
Chuv.	Chuvash
EOJ	East Old Japanese
Evk.	Evenki
J	(contemporary standard) Japanese
K	(contemporary standard) Korean
Khal.	Khalkha
Kumkang	<i>Kumkang kyeng enhay</i> (1464)
Lat.	Latin
Ma.	Manchu
MK	Middle Korean
MMo.	Middle Mongolian
MTk.	Middle Turkic
MYS	<i>Man'yōshū</i>
Na.	Nanai
Nam.	<i>Nammyeng-chen kyeysong enhay</i> (1482)
Neg.	Negidal
OJ	Old Japanese
OTk.	Old Turkic
pA	proto-Altaic
Pep.	<i>Pep-hwa</i> (1463)
pETk	proto-East Turkic
pJ	proto-Japanese
pK	proto-Korean
pWTK	proto-West Turkic
pMo	proto-Mongolic
pTg	proto-Tungusic
pTk	proto-Turkic
Sek.	<i>Sekpo sangcel</i> (1447)
SH	Secret History of the Mongols (<i>Mongyol-un niyuca tobciyan</i>)
Tk.	Turkish
Tkm.	Turkmenian
Twu-cip	<i>Twuchang cip'yo enhay</i> (1608)
Twusi	<i>Twusi enhay</i> (1481)
Ud.	Udehe
Wel.	<i>Wel'in sekpo</i> (1459)
WMo.	Written Mongolian
WOJ	West Old Japanese

References

- Avrorin 1961 — *Avrorin V. A.* Grammatika Nanajsko-gazyka. Tom 2. Morfologija glagol'nych i narečnych častej reči, meždometij, služebnych slov i častic. Moscow, 1961.
- Benzing 1955a — *Benzing J.* Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse 11.949—1099. Wiesbaden, 1955 a
- Benzing 1955b — *Benzing J.* Lamutische Grammatik, mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar. Wiesbaden, 1955.
- Benzing 1959 — *Benzing J.* Das Tschuwaschische // Deny J., Grönbech K., Scheel H., Togan Z. V. (eds.) *Philologiae Turcicae Fundamenta. Tomus Primus.* Wiesbaden, 1959. P. 695—751.
- Bybee 1985 — *Bybee J. L.* Morphology: A study of the relation between meaning and form // *Typological studies in language* 9. Amsterdam, 1985.
- Bybee 2002 — *Bybee J. L.* Word frequency and context of use in the lexical diffusion of phonetically conditioned sound change // *Language Variation and Change* 14, 2002. P. 261—290.
- Campbell 1991 — *Campbell L.* Some grammaticalization changes in Estonian and their implications // Traugott E., Heine B. (eds.) *Approaches to grammaticalization. Volume I. Focus on theoretical and methodological issues.* Amsterdam, 1991. P. 285—299.
- Clark 1998 — *Clark L.* Chuvash // Johanson L., Csató É. Á. (eds.) *The Turkic Languages.* New York, 1998. P. 434—452.
- Croft 1990 — *Croft W.* *Typology and universals.* Cambridge, 1990.
- Dybo, Starostin 2008 — *Dybo A., Starostin G.* In defense of the comparative method, or the end of the Vovin controversy // *Aspects of comparative linguistics* 3, 2008. P. 119—258.
- Erdal 1979 — *Erdal M.* Die Konverb- und Aoristen-dungen im Alttürkischen // *Ural-Altäische Jahrbücher* 51, 1979. P. 104—126.
- Erdal 1991 — *Erdal M.* Old Turkic Word Formation. A Functional Approach to the Lexicon. Vol.1—2 // *Turcologica* 7. Wiesbaden, 1991.
- Erdal 2004 — *Erdal M.* *A Grammar of Old Turkic.* Leiden, 2004.
- Evans 2008 — *Evans N.* Insubordination and its uses // Nikolaeva, Irina (ed.) *Finiteness. Theoretical and empirical foundations.* Oxford, 2008. P. 366—431.
- Frellesvig 2008 — *Frellesvig B.* On reconstruction of proto-Japanese and pre-Old Japanese verb inflection // Frellesvig B., Whitman J. (eds.) *Proto-Japanese. Issues and prospects.* (Current Issues in Linguistic Theory 294.) Amsterdam, 2008.
- Frellesvig, Whitman 2008 — *Frellesvig B., Whitman J.* Evidence for seven vowels in proto-Japanese // Frellesvig B., Whitman J. (eds.) *Proto-Japanese. Issues and prospects.* (Current Issues in Linguistic Theory 294.) Amsterdam, 2008. P. 15—41.
- Givón 1979 — *Givón T.* *On understanding grammar.* London, 1979.
- Givón 2006 — *Givón T.* Toward a diachronic typology of relative clauses. *Proceedings of the 12th Biennial Rice University Symposium on Language* // <http://www.ruf.rice.edu/~eivs/sympo/program.html>
- Gorelova 1998 — *Gorelova L. M.* Compound sentences in the Manchu-Tungus languages (on the basis of Evenki and Manchu data) // Gimm M., Stary G., Weiers M. (eds.) *Beiträge zur Geschichte, Sprache und Kultur der Mandschuren und Sibe.* Wiesbaden, 1998. P. 49—56.
- Gorelova 2002 — *Gorelova L. M.* *Manchu grammar.* Leiden, 2002.
- Greenberg 1991 — *Greenberg J. H.* The last stages of grammatical elements: contractive and expansive desemantization // Traugott E., Heine B. (eds.) *Approaches to grammaticalization. Volume I. Focus on theoretical and methodological issues.* Amsterdam, 1991. P. 301—314.
- Harris, Campbell 1995 — *Harris A.C., Campbell L.* *Historical syntax in cross-linguistic perspective.* Cambridge, 1995.
- Heine 2003 — *Heine B.* Grammaticalization // Joseph B. D., Janda R. D. (eds.) *The handbook of historical linguistics.* Oxford, 2003.
- Heine, Reh 1984 — *Heine B., Reh M.* *Grammaticalization and reanalysis in African languages.* Hamburg, 1984.
- Heine, Kuteva 2005 — *Heine B., Kuteva T.* *Language contact and grammatical change.* Cambridge, 2005.
- Hodge 1970 — *Hodge C.* The linguistic cycle. *Language Sciences* 13, 1—7, 1970.
- Hopper, Traugott 1993 — *Hopper P., Traugott E.* *Grammaticalization* (second edition). Cambridge, 1993.
- Johanson 1975 — *Johanson L.* Das tschuwaschische Aoristthema. *Orientalia Suenica* 24, 106—158, 1975.
- Johanson 1995 — *Johanson L.* On Turkic converb clauses // Haspelmath M., König E. (eds.) *Converbs in cross-Linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial verb forms — adverbial participles, gerunds —* (Empirical Approaches to Language Typology 13.) Berlin, 1995. P. 313—348.
- Johanson 2006 — *Johanson L.* Adjectives and nouns in South Siberian Turkic // Erdal M., Nevskaya I. (eds.) *Exploring the eastern frontiers of Turkic in South Siberia.* (Turcologica 60) Wiesbaden, 2006. P. 57—78.
- Kalinina, Sumbatova 2008 — *Kalinina E., Sumbatova N.* Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // Nikolaeva I. (ed.) *Finiteness. Theoretical and empirical foundations.* Oxford, 2008.
- Krüger 1961 — *Krüger J.* *Chuvash manual. Introduction, grammar, reader and vocabulary.* (Uralic and Altaic series 7.) The Hague, 1961.
- Ledgeway, Adam 2008 — *Ledgeway A.* Diachrony and finiteness: subordination in the dialects of southern Italy //

- Nikolaeva I. (ed.) *Finiteness. Theoretical and empirical foundations*. Oxford, 2008. P. 335—365.
- Lehmann, Christian 1982 — *Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalisation: A programmatic sketch*, vol 1. Cologne, 1982.
- Lessing 1960 — *Lessing, Ferdinand D. & al. (eds.) Mongolian-English Dictionary*. Los Angeles, 1960.
- Malchukov 1995 — *Malchukov A. L. Even (Languages of the world. Materials 12.)* München, 1995.
- Martin 1968 — *Martin S. E. Grammatical Elements Relating Korean to Japanese*. Proceedings of the VIIIth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences 2, 1968. P. 405—407.
- Martin 1970 — *Martin S. E. Shodon: a dialect of the northern Ryukyus* // *Journal of the American Oriental Society* 90, № 1, 1970. P. 97—139.
- Martin 2002 — *Martin S. E. Coming and going: deictic verbs in Korean and Japanese* // Lee S.-O., Iverson G. K. (eds.) *Pathways into Korean language and culture: essays in honor of Young-Key Kim-Renaud*. Seoul, 2002. P. 373—381.
- Martin 1992 — *Martin S. E. A Reference Grammar of Korean*. Tokyo, 1992.
- Martin 1995 — *Martin S. E. On the Prehistory of the Korean Grammar: Verb Forms* // *Korean Studies* 19, 1995. P. 139—150.
- Meillet 1921 (1912) — *Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale*. Paris: Champion, 1921.
- Menges 1943 — *Menges K. H. The Function and Origin of the Tungusic Tense in -ra, and Some Related Questions of Tungus Grammar* // *Language* 19, 1943. P. 237—51.
- Menges 1952 — *Menges K. H. Zu einigen Problemen der tungusischen Grammatik* // *UAJ* 24, 152. P. 112—129.
- Menges 1964 — *Menges K. H. Zur Verbal-Morphologie des Nanaj* // *UAJ* 35, 1964. P. 397—402.
- Menges 1968 — *Menges K. H. Die Tungusischen Sprachen*. Handbuch der Orientalistik 1. Der Nahe und der Mittlere Osten 5. Altaistik 3. Tungusologie. Leiden, 1968.
- Nedjalkov 1995 — *Nedjalkov I. Converbs in Evenki* // Haspelmath M., König E. (eds.) 1995 *Converbs in cross-Linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial verb forms — adverbial participles, gerunds* — (Empirical Approaches to Language Typology 13.) Berlin, 1995. P. 97—136.
- Nedjalkov 1997 — *Nedjalkov I. Evenki. Descriptive Grammar*. London, 1997.
- Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I. A Grammar of Udehe*. Ph.D. dissertation. Leiden, 1999.
- Nikolaeva 2008 — *Nikolaeva I. Introduction* // Nikolaeva I. (ed.) *Finiteness. Theoretical and empirical foundations*. Oxford, 2008. P. 1—19.
- Norman 1974 — *Norman J. A Sketch of Sibe Morphology* // *CAJ* 18, 1974. P. 159—173.
- Polivanov 1924 — *Polivanov E. D. K rabote o muzykal'noj akcentuacii v japonskom jazyke (v svjazi s malajskim)*. *Bjulleten' 1-go Sredne-Aziatskogo gosudarstvenno-gosudarstvennogo universiteta* 4, 124. P. 101—108.
- Poppe 1954 — *Poppe N. Grammar of Written Mongolian*. Wiesbaden, 1954.
- Poppe 1955 — *Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies* // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 110. Helsinki, 1955.
- Poppe 1964 — *Poppe N. Der altaische Sprachtyp. Handbuch der Orientalistik 5.2*. Wiesbaden, 1964. P. 1—16.
- Poppe 1965 — *Poppe N. Introduction to Altaic Linguistics*. Wiesbaden, 1965.
- Poppe 1972 — *Poppe N. Über einige Verbalstamm-bildungssuffixe in den altaischen Sprachen* // *Orientalia Suecana* 21, 1972. P. 119—141.
- Ramstedt 1950 — *Ramstedt G. J. Das deverbale Nomen auf -m in den altaischen Sprachen* // *MSFO* 98, 1950. P. 255—264.
- Ramstedt 1952 — *Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II, Formenlehre* // *MSFO* 104.2, 1952.
- Robbeets 2005 — *Robbeets M. Is Japanese Related to Korean, Tungusic, Mongolic and Turkic?* (Turcologica 64.) Wiesbaden, 2005.
- Russell 2006 — *Russell K. L. A reconstruction and morphophonemic analysis of proto-Japonic verbal morphology*. [Ph.D Dissertation]. Hawai, 2006.
- Sárközi 2004 — *Sárközi A. Classical Mongolian*. München, 2004.
- EDAL — *Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Leiden, 2003.
- Street 1957 — *Street J. The Language of the Secret History of the Mongols*. New Haven, 1957.
- Trask 1993 — *Trask R. L. A dictionary of grammatical terms in linguistics*. London, 1993.
- Traugott, Heine 1991 — *Traugott E., Heine B. Introduction* // Traugott E., Heine B. (eds.) *Approaches to grammaticalization. Volume I. Focus on theoretical and methodological issues*. Amsterdam, 1991. P. 1—14.
- Sunik 1962 — *Sunik O. P. Glagol v tunguso-man'čžurskich jazykach*. Moscow, 1962.
- Vovin 1995 — *Vovin A. Origin of register in Japanese and the Altaic theory*. *Japanese/Korean Linguistics* 6, 1995. P. 113—133.
- Vovin 2005 — *Vovin A. The end of the Altaic controversy* // *CAJ* 49.1, 2005. P. 71—132.
- Vovin 2009 — *Vovin A. A descriptive and comparative grammar of Western Old Japanese. Part 2: Adjectives, verbs, adverbs, conjunctions, particles, postpositions* // *Languages of Asia* 8. Folkestone, 2009.
- Weiers 1966 — *Weiers M. 1966. Untersuchungen zu einer historischen Grammatik des präklassischen Schriftmongolisch*. Ph.D dissertation. Bonn, 1966.
- Wrona 2008 — *Wrona, J. The Nominal and Adnominal forms in Old Japanese: Consequences for a reconstruction of pre-Old Japanese syntax* // Frellesvig, B. & Whitman, J. (eds.) *Proto-Japanese. Issues and prospects*. (Current Issues in Linguistic Theory 294.) Amsterdam, 2008. P. 193—215.

ABSTRACT

The present article discusses historical development of participles to verbal nouns to finite verb forms in the Altaic languages. The label Altaic is used in the expanded sense, i.e. in reference to a group of languages including Japonic, Koreanic, Tungusic, Mongolic and Turkic languages. The term “insubordination” is applied to the conventionalized finite use of what morphologically appears to be a nonfinite form. The article presents comparative evidence for this diachronic process not only as a shared structural feature, but also as a systemic set of form-function matches. This evidence is taken as diagnostic of genealogical continuity.

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье обсуждается историческое развитие *причастия > отглагольные имена > финитные глагольные формы* в алтайских языках. Термин «алтайские» используется для обозначения языковой семьи, включающей японский, корейский, тунгусо-маньчжурские, монгольские и тюркские языки. Термин «неподчинение» (insubordination) используется в смысле конвенционального употребления формально нефинитной формы в качестве финитной. В статье представлены сравнительно-исторические свидетельства указанного диахронического процесса не только в качестве общей структурной особенности, но и как системной группы формально-функциональных соответствий. Автор считает, что такого рода свидетельства являются доказательством генеалогической общности.

Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке¹

Историческая лексикология монгольских языков, в частности, лексикология среднемонгольского языка (далее ср.-монг.) как наиболее раннего письменно засвидетельствованного хронологического этапа их развития до сих пор остается одной из наименее изученных областей исследования. Лишь в самое последнее время стали появляться работы, посвященные системному изучению отдельных тематических групп ср.-монг. лексики. Прежде всего, здесь следует назвать ряд статей финского ученого Ф. Рыбацкого [см., напр.: Rybatzki 2003; 2004; 2005] и его монографию «Личные имена и титулы в среднемонгольских документах», вышедшую в Хельсинки в 2006 г. [Rybatzki 2006]. Однако такой важный пласт лексики, как термины родства и свойства, остается по существу незатронутым вниманием исследователей. Нет ни одной работы, где специально рассматривались бы термины родства и свойства как в ср.-монг. языке вообще, так и в каком-либо из его отдельных памятников. Стремление восполнить этот пробел и побудило нас обратиться к теме настоящей статьи. Актуальность данной темы возрастает еще и потому, что ввиду ощущаемой многими специалистами потребности в словаре среднемонгольского языка системное исследование терминологии родства и свойства способно дать определенный материал, который может с полным основанием быть включенным в рамки такого словаря.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что поставленная задача решалась на основе анализа всех известных и доступных нам ср.-монг. памятников. За последние 15—20 лет был сделан целый ряд новых ценных находок таких памятников (главным образом, текстов квадратного письма), опубликовано несколько известных ранее, но практически недоступных лексикографических источников из разных архивохранилищ (китайско-монгольские словари XV—XVII вв.), наконец, появились новые публикации отдельных важнейших памятников (таких как «Тайная история монголов», «Мукаддима ал-Адаб», Лейденская рукопись 1343 г.), которые помимо прочего внесли значительный вклад в изучение их лексического состава. Все эти кате-

гории памятников — как новые находки, так и уже известные памятники в их новейших публикациях — были привлечены нами в качестве источников языкового материала. В соответствии с традиционной для монголоведения классификацией они подразделяются на две диалектные группы — восточносреднемонгольскую и западносреднемонгольскую. Эта классификация первоначально была основана, по-видимому, исключительно на географической дистрибуции соответствующих памятников, но позднее нашла убедительные подтверждения в области исторической фонетики, морфологии, синтаксиса и лексикологии монгольских языков [см.: Санжеев 1953: 22—26; Poppe 1965: 21—24; Кузьменков 1993: 324; Šongqor 1996: 34—35; Озава 1998; Garudi 2001: 44—55]². Хотя ср.-монг. диалектология находится еще практически в зачаточном состоянии, а основные ее проблемы требуют глубокого и тщательного исследования, мы нашли целесообразным принять эту классификацию за основу, тем более что наш собственный материал только подтверждает ее эвристическую ценность. Ниже, в табл. 1, все использованные ср.-монг. памятники распределены по двум диалектным группам и снабжены аббревиатурами, под которыми они будут упоминаться в дальнейшем изложении.

По своей жанровой принадлежности перечисленные источники делятся на две основные группы: лексикографические и нарративные. Особую группу составляют ср.-монг. лексические заимствования в других языках, в частности, в новоперсидском, где имеется значительный пласт заимствований из среднемонгольской терминологии родства и свойства.

Как можно видеть из табл. 2, основную часть источников составляют лексикографические памятники. Как правило, это разного рода монгольско-иноязычные и иноязычно-монгольские словари, в которых среднемонгольский языковой материал приведен в транскрипции иными системами письма (китайской, арабской или армянской) и снабжен глоссами. При работе с источниками этой жанровой категории мы старались максимально точно следовать смыслу глосс, которыми передавалось значение ср.-монг. терминов родства и свойства в том или ином памятнике. Практически это был единственный надежный путь установить

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Словарь тюркских лексических заимствований в среднемонгольском языке», проект № 08-04-92307а/Г.

Рыкин Павел Олегович: кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела языков народов РФ Института лингвистических исследований РАН.

² В отдельных работах выделяются три и даже четыре ср.-монг. диалекта, но такое деление является избыточным и не верифицируется фактическим материалом.

Таблица 1. Источники языкового материала

Памятники восточномонгольских диалектов	Памятники западномонгольских диалектов
<p>ТИМ — <i>Тайная история монголов</i> (сер. XIII в.) [Панкратов 1962; Rachewiltz 1972; 2004].</p> <p>BLk — китайско-монгольский словарь <i>Бэйлу као</i> из сочинения Мао Юаньши <i>У бэй чжи</i> (1621 г.). [Manduqu 1995: 599—691]. По-видимому, одна из копий Үу.</p> <p>HyG — китайско-монгольский словарь <i>Хуаи иуй</i> Хо Юаньцзе и Машаихэй (1389 г.): глоссарий [Manduqu 1995: 151—275; Kuribayashi 2003: 3—63; Жанчив, Бямбацэнд 2003: 23—47].</p> <p>HyT — китайско-монгольский словарь <i>Хуаи иуй</i> Хо Юаньцзе и Машаихэй (1389 г.): тексты [Manduqu 1998; Kuribayashi 2003: 64—116; Жанчив, Бямбацэнд 2003: 49—78].</p> <p>Ph — монгольские тексты на квадратном письме (XIII–XIV вв.) [Жанчив 2002; Төмөртоого 2002а; Хугцзилэгту, Сажула 2004].</p> <p>Yb — китайско-монгольский словарь <i>Ибу</i> из сочинения Го Цзаоцина <i>Лулун сайлюе</i> (1610 г.) [Manduqu 1995: 379—598].</p> <p>Yu — китайско-монгольский словарь <i>Иуй</i> из сочинения Ван Минхэ <i>Дэнтань бицзю</i> (1598 г.) [Manduqu 1995: 277—377].</p> <p>ZYu — китайско-монгольский словарь <i>Чжюань иуй</i> (иначе <i>Мэнгу иуй</i>) из сочинения Чэнь Юаньляна <i>Шилинь гуанцзи</i> (1264 или 1330 г.) [Ligeti 1990; Kara 1990; Manduqu 1995: 35—149].</p>	<p>ИМ — арабско-монгольский словарь <i>Kitāb Ḥilīyat al-Insān wa Ḥalbat al-Lisān</i> Джамал ад-Дина Ибн ал-Муханны (нач. XIV в.) [Мелиоранский 1904; Поппе 1938: 432—451; Weiers 1972; Төмөртоого 2002б].</p> <p>МА — арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь <i>Мукаддимат ал-Адаб</i> (XIV в.) [Поппе 1938; Төмөртоого 2002б; Muqaddimat al-Adab 2008; Saitō 2008].</p> <p>МП — монгольский язык в персидских средневековых памятниках [TMEN].</p> <p>AL — монгольско-персидский и арабско-монгольский словарь <i>Kitāb Madjmu' Tarǧumān Turki wa 'Adjamī wa Muǧalī wa Fārsī</i> Халила б. Мухаммада б. Йусуфа ал-Кунави (1343 г.) [Porre 1927—1928; Төмөртоого 2002б; Saitō 2006].</p> <p>KG — армянско-монгольский глоссарий из сочинения Киракоса Гандзакеци <i>История Армении</i> (1241 г.) [Ligeti 1965].</p> <p>RH — арабско-персидско-тюркско-греческо-армянско-монгольский словарь <i>Rasūlid Hexaglot</i> ал-Малик ал-Афдала ал-'Аббаса б. 'Али (между 1363 и 1377 гг.) [Golden 2000].</p> <p>VdI — арабско-персидско-турецко-монгольский словарь <i>Шамиль ул-Лугат</i> (кон. XV–нач. XVI в.) [Ligeti 1962; 1963]. По мнению А. К. Боровкова, сокращенный список одной из редакций МА [Боровков 1965].</p>

Таблица 2. Жанровая классификация памятников среднемонгольского языка

Лексикографические	Нарративные	Прочие
KG, ZYu, ИМ, AL, RH, HyG, MA, VdI, Yu, Yb, BLk	ТИМ, Ph, HyT	МП

Таблица 3. Морфологическая классификация терминов родства и свойства в среднемонгольском языке

Элементарные	Сложные	Составные	Описательные
<i>boroqai, yolintuṣu[q], elinčük, ebüge(n), emege(n), ečige, eke, ebin, abaqa, naqaṣu, aqa, de'ü, egeči, döyi, üye, ke'üken, kö'ü(n), nu'u(n), öki(n), yin, (h)ači, je'e, berigen, aġin, baġa, qadum, ere, *küirü, jütür, eme, gergei, beri, qadun, *iörgün, güregen, qaya, quda</i>	<i>ečē ečē, aya ečē, aqai egeči, dewü ečē, aya eke, naqaṣu egeči, abu'a berigen, qadum ečige, qadum eke, abulin eme, berigen eme, de'ü beri, küirigen aqai, küirigen dö'ü, ḡadun dö'ü, qadum egeči, qadum de'ün</i>	<i>yeke ečege, yeke eke</i>	<i>yeke ečge ekün, yeke ekeyin eke, ečgeyin dei, ekeyin ökin digü, *küini kü'ün, ečgein eme</i>

значение лексической единицы при отсутствии дистрибутивного контекста. Что касается нарративных источников, мы старались опираться не только на смысл иноязычных глосс (там, где они имеются, т. е. в ТИМ и HyT), но и на общий контекст употребления соответствующих форм в их языке, т. е. использовать дистрибутивный метод изучения лексики. В большинстве случаев данные, полученные дистрибутивным методом и методом анализа глосс взаимно верифицировали друг друга, но имеются и отдельные исключения, когда один метод давал результаты, несколько отличные

от тех, к которым приводил другой. В таких случаях мы всегда отдавали предпочтение результатам дистрибутивного анализа как наиболее надежного и достоверного инструмента изучения лексической семантики.

В результате анализа всех категорий ср.-монг. памятников нами были выделены 35 терминов родства и 26 терминов свойства, которые по своей морфологической структуре можно подразделить на четыре категории: *элементарные* (самостоятельные слова, неразложимые на значимые компоненты), *сложные* (термины родства, модифици-

рованные другими терминами родства в форме основы), *составные* (представляющие собой основу в сочетании с каким-либо детерминативом, который сам по себе не является термином родства) и *описательные* (образованные комбинацией нескольких элементарных или составных терминов родства, в которой модифицирующий элемент оформлен генитивом). См. ниже, табл. 3. Наиболее обширную категорию составляют элементарные термины (22 из 35 терминов родства и 15 из 26 терминов свойства), которые являются первичными и в диахроническом (поскольку большинство из них входит в базовый лексический фонд языка) и в структурном (поскольку именно на их основе построены три прочих категории терминов) смысле.

В соответствии с принятыми в этнолингвистике и структурной семантике способами представления значений терминов родства план содержания каждого из перечисленных терминов был подвергнут компонентному анализу, причем в двух его разновидностях. Первую составил традиционный для отечественной антропологии родства «код Левина» [см.: Левин 1970], который позволяет представить значение каждого термина в виде комбинации нескольких буквенных символов и стрелок, отображающих все основные типы отношений родства и свойства: Э — эго; Р — родитель; Д — дитя; С — супруг; м — мужского пола; ж — женского пола; ↑ — старший; ↓ — младший. Кроме того, мы использовали еще один вариант метаязыка компонентного анализа, который в последнее время широко используется в исследованиях терминов родства на материале самых разных языков. Этот вариант оперирует системой нескольких переменных, или дифференциальных признаков (ДП), каждой из которых соответствует свой набор значений. Для ср.-монг. СТР³ оказались релевантными 10 переменных: бинарные признаки «характер родственной связи», «пол альтера», «пол коннектора», «пол эго», «латеральность альтера», «относительный возраст альтера», «линейность альтера» и «относительный возраст коннектора» и градуальные признаки «генеалогическое поколение» (значения от +4 до -2) и «генеалогическое расстояние (ранг)» (значения от 0 до 6):

1. Характер родственной связи

- 1.1. — кровные родственники
- 1.2. — свойственники

2. Генеалогическое поколение

- 2.1. — 0 поколение
- 2.2. — +1 поколение
- 2.3. — +2 поколение
- 2.4. — +3 поколение

- 2.5. — +4 поколение
- 2.6. — -1 поколение
- 2.7. — -2 поколение

3. Генеалогическое расстояние (ранг)

- 3.0. — 0 ранг
- 3.1. — 1 ранг
- 3.2. — 2 ранг
- 3.3. — 3 ранг
- 3.4. — 4 ранг
- 3.5. — 5 ранг
- 3.6. — 6 ранг

4. Пол альтера

- 4.1. — мужской
- 4.2. — женский

5. Пол коннектора

- 5.1. — мужской
- 5.2. — женский

6. Пол эго

- 6.1. — мужской
- 6.2. — женский

7. Латеральность альтера

- 7.1. — патрилateralный
- 7.2. — матрилateralный

8. Относительный возраст альтера

- 8.1. — старший
- 8.2. — младший

9. Линейность альтера

- 9.1. — линейный
- 9.2. — коллатеральный

10. Относительный возраст коннектора

- 10.1. — старший
- 10.2. — младший

Результаты компонентного анализа обоих типов были сведены в две таблицы: одну для терминов родства, другую для терминов свойства. При этом в таблицы заносились и подвергались компонентному анализу не просто лексические единицы, а их сочетания с определенными значениями, т. е. лексико-семантические варианты (ЛСВ). Это было обусловлено полисемией терминов, благодаря которой одна и та же форма могла выражать сразу несколько значений, относящихся к сфере родства. Каждый из ЛСВ одного и того же термина родства или свойства для наглядности помечен нами в таблице числовым индексом (напр., *abaqa 1* 'младший брат отца', *abaqa 2* 'брат отца', и т. п.). Структура обеих таблиц идентична: в первой графе указаны наиболее частотные формы терминов, засвидетельствованные в языке памятников, во второй — их менее употребительные фонетические варианты, а также кореферентные именные группы, в состав которых они входят (напр., *diyü*

³ СТР здесь и далее — система терминов родства.

keün для *de'ü 1*, *kö'ün šibawun* для *kö'ü(n) 1*). В третьей, четвертой и пятой графах приводятся, соответственно, русские переводы терминов, их экстенционалы (записанные символами «кода Леви-

на») и интенционалы (записанные на метаязыке переменных и их значений). Наконец, шестая графа содержит список памятников, в которых встречается тот или иной ЛСВ. См. ниже, табл. 4 и 5.

Таблица 4. Компонентный анализ терминов родства в среднемонгольском языке

Форма	Варианты	Перевод	Экстенционал	Интенционал										Памятники
				1.1	2.5	3.4	4.1	5.1	–	7.1	–	9.1	–	
<i>boroqai</i>	<i>borqai, boroḡai</i>	прапрадед по отцу	РмРРРм	1.1	2.5	3.4	4.1	5.1	–	7.1	–	9.1	–	ТИМ, МП, HyG, Yb
<i>γolinmüčü[q]</i>	–	прапрадед по отцу	РмРРРм	1.1	2.5	3.4	4.1	5.1	–	7.1	–	9.1	–	Yy, BLk
<i>elinčük</i>	<i>elenčik, elinčik, elinmüčü[k]</i>	прадед по отцу	РмРРм	1.1	2.4	3.3	4.1	5.1	–	7.1	–	9.1	–	ТИМ, МП, HyG, Yy, Yb, BLk
<i>ebüge(n)</i>	<i>öbüge(n)</i>	дед по отцу	РмРм	1.1	2.3	3.2	4.1	5.1	–	7.1	–	9.1	–	ТИМ, ZYy, МП, HyG, Yy, Yb, BLk
<i>yeke ečege</i>	–	дед по отцу	РмРм	1.1	2.3	3.2	4.1	5.1	–	7.1	–	9.1	–	AL
<i>ečē ečē</i>	<i>ačā ačā</i>	дед по отцу	РмРм	1.1	2.3	3.2	4.1	5.1	–	7.1	–	9.1	–	ИМ
<i>emege(n)</i>	<i>emügen, ömege eke</i>	бабка по отцу	РжРм	1.1	2.3	3.2	4.2	5.1	–	7.1	–	9.1	–	ТИМ, ZYy, HyG, Yy, Yb, BLk
<i>yeke eke</i>	–	бабка по отцу	РжРм	1.1	2.3	3.2	4.2	5.1	–	7.1	–	9.1	–	МА
<i>yeke ečge ekün</i>	–	дед по матери	РмРж	1.1	2.3	3.2	4.1	5.2	–	7.2	–	9.1	–	AL
<i>yeke ekeyin eke</i>	–	бабка по матери	РжРж	1.1	2.3	3.2	4.2	5.2	–	7.2	–	9.1	–	AL
<i>ečige</i>	<i>ečge, ečke, ečike, ečē, ečje, öčje</i>	отец	Рм	1.1	2.2	3.1	4.1	–	–	7.1	–	9.1	–	ТИМ, KG, ZYy, МП, ИМ, AL, RH, HyG, HyT, MA, VdI, Yy, Yb, BLk
<i>eke</i>	<i>ege, öke</i>	мать	Рж	1.1	2.2	3.1	4.2	–	–	7.2	–	9.1	–	ТИМ, KG, ZYy, МП, ИМ, AL, RH, HyG, HyT, MA, VdI, Yy, Yb, BLk
<i>ebin</i>	–	дядя, старший брат отца	↑ДмРРм	1.1	2.2	3.3	4.1	5.1	–	7.1	8.1	9.2	–	ТИМ, ZYy, HyG, Yy, Yb, BLk
<i>abaqa 1</i>	<i>abaḡa, abuxa, abu'a</i>	дядя, младший брат отца	↓ДмРРм	1.1	2.2	3.3	4.1	5.1	–	7.1	8.2	9.2	–	ТИМ, ZYy, HyG, Yy, Yb, BLk
<i>abaqa 2</i>	<i>abaḡa</i>	дядя, брат отца	ДмРРм	1.1	2.2	3.3	4.1	5.1	–	7.1	–	9.2	–	RH, МП, МА
<i>ečgeyin deü</i>	–	дядя, брат отца ⁴	ДмРРм	1.1	2.2	3.3	4.1	5.1	–	7.1	–	9.2	–	AL
<i>аḡa ečē</i>	<i>аḡa ačā</i>	дядя, брат отца	ДмРРм	1.1	2.2	3.3	4.1	5.1	–	7.1	–	9.2	–	ИМ
<i>aḡai egeči</i>	<i>aḡai egeči</i>	тётка, сестра отца	ДжРРм	1.1	2.2	3.3	4.2	5.1	–	7.1	–	9.2	–	HyG, Yb
<i>dewü ečē</i>	<i>dü ečē</i>	тётка, сестра отца	ДжРРм	1.1	2.2	3.3	4.2	5.1	–	7.1	–	9.2	–	ИМ
<i>naḡači</i>	<i>naḡači, naḡaḡi</i>	дядя, брат матери	ДмРРж	1.1	2.2	3.3	4.1	5.2	–	7.2	–	9.2	–	ТИМ, ZYy, МП, RH, HyG, MA, Yy, Yb, BLk

⁴ Исходя из значений составных частей этого описательного термина, скорее можно предполагать у него значение 'младший брат отца', однако в AL он четко противопоставлен термину *abaqa* как обозначение дяди по отцу названию брата матери.

<i>aγa eke</i>	–	дядя, брат матери	ДмРРЖ	1.1	2.2	3.3	4.1	5.2	–	7.2	–	9.2	–	ИМ
<i>abaqa 3</i>	–	дядя, брат матери	ДмРРЖ	1.1	2.2	3.3	4.1	5.2	–	7.2	–	9.2	–	AL
<i>naqaču egeči</i>	<i>naqaču egeči</i>	тётка, сестра матери	ДжРРЖ	1.1	2.2	3.3	4.2	5.2	–	7.2	–	9.2	–	HyG, Yb
<i>ekeyin ökin digü</i>	–	тётка, сестра матери	ДжРРЖ	1.1	2.2	3.3	4.2	5.2	–	7.2	–	9.2	–	AL
<i>aqa 1</i>	<i>aγa, aγa, aγai</i>	мужской родственник старше эго, младше эго родителей	↑ДмР, ↓ДмРР, ↑ДмДРР, ↑ДмДДРРР ... ↑ДмД ⁿ Р ⁿ⁺¹	1.1	–	–	4.1	–	–	–	–	–	–	ТИМ, ZYy, Ph, МП, ИМ, AL, RH, HyG, MA, Yy, Yb, BLk
<i>de'ü 1</i>	<i>dein, dewü, de'ü, diyü keün, dū, deü'ü</i>	мужской родственник младше эго, старше эго детей	↓ДмР, Дм↑ДмР, ↓ДмДРР, ↓ДмДДРРР ... ↓ДмД ⁿ Р ⁿ⁺¹	1.1	–	–	4.1	–	–	–	–	–	–	ТИМ, ZYy, Ph, ИМ, AL, RH, HyG, HyT, MA, Yy, Yb, BLk
<i>aγa</i>	–	брат	ДмР	1.1	2.1	3.2	4.1	–	–	–	–	9.2	–	KG
<i>egeči 1</i>	<i>ekeči, ekeji, ökeči</i>	старшая сестра	↑ДжР	1.1	2.1	3.2	4.2	–	–	–	8.1	9.2	–	ТИМ, ZYy, AL, HyG, MA, Yy, Yb, BLk
<i>döyi</i>	<i>düi</i>	младшая сестра	↓ДжР	1.1	2.1	3.2	4.2	–	–	–	8.2	9.2	–	ТИМ, ZYy, HyG, Yb
<i>de'ü 2</i>	<i>de'ü, dū, diyü ökin, ökin deü'ü</i>	младшая сестра	↓ДжР	1.1	2.1	3.2	4.2	–	–	–	8.2	9.2	–	AL, MA, Yy, Yb, BLk
<i>egeči 2</i>	<i>ekeči</i>	сестра	ДжР	1.1	2.1	3.2	4.2	–	–	–	–	9.2	–	KG, RH
<i>de'ü 3</i>	<i>dū, ökin de'ü</i>	сестра	ДжР	1.1	2.1	3.2	4.2	–	–	–	–	9.2	–	ИМ, AL
<i>üye 1</i>	–	двоюродный брат по отцу	ДмДРРМ	1.1	2.1	3.4	4.1	5.1	–	7.1	–	9.2	–	ZYy
<i>ke'üken 1</i>	<i>kö'üken, küken</i>	ребенок	Д	1.1	2.6	3.1	–	–	–	–	–	9.1	–	ТИМ, RH, HyG, HyT, MA, Yb
<i>kö'ü(n) 1</i>	<i>kü'ün, köbe'ün, kö'ün šibawun</i>	ребенок	Д	1.1	2.6	3.1	–	–	–	–	–	9.1	–	ТИМ, HyT, MA, Yy, BLk
<i>nu'u(n)</i>	–	ребенок	Д	1.1	2.6	3.1	–	–	–	–	–	9.1	–	ZYy, HyG, Yb
<i>ke'üken 2</i>	<i>kö'üken, küken</i>	сын	Дм	1.1	2.6	3.1	4.1	–	–	–	–	9.1	–	ТИМ, AL, MA
<i>kö'ü(n) 2</i>	<i>ke'ün, küün, kü'ün, kewün, keü'ü, köbe- wün, köbe'ün, kübe'ün</i>	сын	Дм	1.1	2.6	3.1	4.1	–	–	–	–	9.1	–	ТИМ, Ph, ИМ, AL, RH, HyG, HyT, МП, Vdl, Yy, Yb, BLk
<i>öki(n)</i>	<i>ökün, ökin küken, *ökin kö'üken⁵, *ökin kö'ün⁶, öken kögen</i>	дочь	Дж	1.1	2.6	3.1	4.2	–	–	–	–	9.1	–	ТИМ, ZYy, ИМ, AL, RH, HyG, HyT, MA, Vdl, Yy, Yb, BLk
<i>yin</i>	–	ребенок брата	ДДмР	1.1	2.6	3.3	–	5.1	–	–	–	9.2	–	ZYy, HyG, Yb
<i>je'e 1</i>	<i>jeje, jē keü'ü</i>	ребенок сестры	ДДжР	1.1	2.6	3.3	–	5.2	–	–	–	9.2	–	HyG, Yy, Yb, BLk
<i>(h)ači</i>	<i>ači keü, hači kö'ün</i>	внук по сыну	ДмДм	1.1	2.7	3.2	4.1	5.1	–	–	–	9.1	–	HyG, HyT, ZYy, Yy, Yb, BLk
<i>*küni kü'ün⁷</i>	–	внук по сыну	ДмДм	1.1	2.7	3.2	4.1	5.1	–	–	–	9.1	–	MA
<i>je'e 2</i>	<i>jē</i>	ребенок дочери	ДДж	1.1	2.7	3.2	–	5.2	–	–	–	9.1	–	ТИМ, Yb

⁵ Встречается только в форме мн. ч. *ökin kö'üket* в [HyT 3:18a4].

⁶ Встречается только в форме мн. ч. *ökin kö'üt* в [HyT 3:18b1-2].

⁷ Встречается в форме мн. ч. *küni kü'üt* в [MA 2316].

Таблица 5. Компонентный анализ терминов свойства в среднемонгольском языке

Форма	Варианты	Перевод	Экстенционал	Интенционал										Памятники
				1.2	2.2	3.1	4.2	5.1	–	–	–	–	–	
<i>berigen 1</i>	<i>berigen eke</i>	жена отца	СЖРМ	1.2	2.2	3.1	4.2	5.1	–	–	–	–	–	ИМ, МП
<i>ečgein eme</i> ⁸	–	жена отца	СЖРМ	1.2	2.2	3.1	4.2	5.1	–	–	–	–	–	AL
<i>abu'a berigen</i>	<i>abuča berigen</i>	тётка, жена брата отца	СЖДМРРМ	1.2	2.2	3.3	4.2	5.1	–	–	–	–	–	Yy, Yb, BLk
<i>aĵin</i>	–	тётка, жена брата отца	СЖДМРРМ	1.2	2.2	3.3	4.2	5.1	–	–	–	–	–	ZYy
<i>baĵa 1</i>	–	дядя, муж сестры матери	СмДжРРж	1.2	2.2	3.3	4.1	5.2	–	–	–	–	–	HyG, Yb
<i>qadum ečige</i>	<i>qadun ečige, ħadun ečige, ħadun ečike, ħatun eĵige, qadam ečge</i>	тесть, отец жены	РмСж	1.2	2.2	3.1	4.1	5.2	6.1	–	–	–	–	ZYy, AL, RH, HyG, MA, Yy, Yb, BLk
<i>qadum 1</i>	–	тесть, отец жены	РмСж	1.2	2.2	3.1	4.1	5.2	6.1	–	–	–	–	ИМ
<i>qadum eke</i>	<i>qadun eke, ħadun eke, ħatun eke</i>	теща, мать жены	РжСж	1.2	2.2	3.1	4.2	5.2	6.1	–	–	–	–	ИМ, RH, HyG, Yy, Yb, BLk
<i>aqa 2</i>	–	мужской родственник мужа старше него, младше его родителей	↑ДмРСм, ↓ДмРРСм, ↑ДмДРРСм, ↑ДмДДРРСм ... ↑ДмД ⁿ Р ⁿ⁺¹ См	1.2	–	–	4.1	–	6.2	–	–	–	–	ТИМ
<i>ere</i>	–	муж	См	1.2	2.1	3.0	4.1	–	6.2	–	–	–	–	ТИМ, МА
<i>*küürü</i> ⁹	–	муж	См	1.2	2.1	3.0	4.1	–	6.2	–	–	–	–	Yb
<i>abulin eme</i>	–	первая, старшая жена	↑Сж	1.2	2.1	3.0	4.2	–	6.1	–	8.1	–	–	ТИМ
<i>ĵitür</i>	–	младшая жена	↓Сж	1.2	2.1	3.0	4.2	–	6.1	–	8.2	–	–	RH
<i>eme</i>	<i>eme kö'ü(n), emen</i>	жена	Сж	1.2	2.1	3.0	4.2	–	6.1	–	–	–	–	ТИМ, ZYy, ИМ, AL, MA, Yy, BLk
<i>gergei</i>	–	жена	Сж	1.2	2.1	3.0	4.2	–	6.1	–	–	–	–	ТИМ, HyG, Yb
<i>beri 1</i>	–	жена	Сж	1.2	2.1	3.0	4.2	–	6.1	–	–	–	–	Yb
<i>qadun</i>	<i>qatun, qatun eme, *qatun haran</i> ¹⁰ , <i>ħatun</i>	жена, супруга (гонор.)	Сж	1.2	2.1	3.0	4.2	–	6.1	–	–	–	–	ТИМ, HyG, HyT, МП
<i>aqa 3</i>	<i>aġa</i>	жена, супруга (гонор.)	Сж	1.2	2.1	3.0	4.2	–	6.1	–	–	–	–	Yy, BLk
<i>*törgün</i> ¹¹	–	родня по жене	РмСж, РжСж, ДРСж, Р ⁿ РмСж, Д ⁿ Р ⁿ Сж ...	1.2	–	–	–	–	6.1	–	–	–	–	ТИМ
<i>qadum 2</i>	–	родня по жене	РмСж, РжСж, ДРСж, Р ⁿ РмСж, Д ⁿ Р ⁿ Сж ...	1.2	–	–	–	–	6.1	–	–	–	–	МА
<i>berigen 2</i>	<i>bergen</i>	невестка, жена старшего брата	Сж↑ДмР	1.2	2.1	3.2	4.2	5.1	–	–	–	–	10.1	ТИМ, ZYy, HyG, MA, МП, Yy, Yb, BLk

⁸ Симметричный данному термин *ekein ere* 'муж матери' [AL] ввиду отсутствия у средневековых монголов полиандрии следует толковать в значении 'отчим.' Поэтому мы не включаем его в таблицу и относим к категории терминов искусственного родства.

⁹ Реконструкция носит гипотетический характер; в других монг. языках термин не засвидетельствован.

¹⁰ Употребляется только в форме мн. ч. *qatun haran* в [HyT 3:18a2].

¹¹ Встречается только в форме мн. ч. *törgüt* [ТИМ § 61].

<i>berigen eme</i>	–	вдова старшего брата, ставшая женой эго по обычаю левирата	Сж↑ДмР > Сж	1.2	2.1	–	4.2	–	6.1	–	–	–	–	ТИМ
<i>beri 2</i>	–	невестка, жена младшего брата	Сж↓ДмР	1.2	2.1	3.2	4.2	5.1	–	–	–	–	10.2	HyG, MA
<i>de'ü beri</i>	–	невестка, жена младшего брата	Сж↓ДмР	1.2	2.1	3.2	4.2	5.1	–	–	–	–	10.2	Yb
<i>kürigen aχai</i>	–	зять, муж старшей сестры	См↑ДжР	1.2	2.1	3.2	4.1	5.2	–	–	–	–	10.1	Yy, Yb, BLk
<i>kürigen dö'ü</i>	–	зять, муж младшей сестры	См↓ДжР	1.2	2.1	3.2	4.1	5.2	–	–	–	–	10.2	Yy, Yb, BLk
<i>baĵa 2</i>	–	зять, муж сестры	СмДжР	1.2	2.1	3.2	4.1	5.2	–	–	–	–	–	RH
<i>güregen 1</i>	–	зять, муж сестры	СмДжР	1.2	2.1	3.2	4.1	5.2	–	–	–	–	–	ТИМ
<i>de'ü 4</i>	–	мужской родственник мужа младшего, старшего детей	↓ДмРСм, Дм↑ДмРСм, ↓ДмДРРСм, ↓ДмДДРРСм ↓ДмД ⁿ Р ⁿ⁺¹ См	1.2	–	–	4.1	–	6.2	–	–	–	–	ТИМ
<i>üye 2</i>	–	двоюродный брат мужа по отцу	ДмДРРмСм	1.2	2.1	3.4	4.1	5.1	6.2	–	–	–	–	ТИМ
<i>qaya</i>	–	троюродный брат мужа	ДмДДРРРмСм	1.2	2.1	3.6	4.1	5.1	6.2	–	–	–	–	ТИМ
<i>χadun dö'ü</i>	–	шурин, младший брат жены	↓ДмРСж	1.2	2.1	3.2	4.1	5.2	6.1	–	8.2	–	–	ZYy
<i>qadum egeçi</i>	–	свояченица, старшая сестра жены	↑ДжРСж	1.2	2.1	3.2	4.2	5.2	6.1	–	8.1	–	–	MA
<i>qadum de'ün</i>	–	свояченица, младшая сестра жены	↓ДжРСж	1.2	2.1	3.2	4.2	5.2	6.1	–	8.2	–	–	MA
<i>baĵa 3</i>	–	свояк, муж сестры жены	СмДжРСж	1.2	2.1	3.2	4.1	5.2	6.1	–	–	–	–	MA
<i>quda</i>	<i>γuda</i>	сват, отец супруга ребенка	РмСД	1.2	2.1	3.2	4.1	–	6.1	–	–	–	–	ТИМ, HyG, МП, Yb
<i>beri 3</i>	–	сноха, жена сына	СжДм	1.2	2.6	3.1	4.2	5.1	–	–	–	–	–	ТИМ, ZYy, AL, RH, HyG, МП, Yy, BLk
<i>güregen 2</i>	<i>güregen gü'ün, gürigen, küri-gen, küregen, küreken, kürgen</i>	зять, муж дочери	СмДж	1.2	2.6	3.1	4.1	5.2	–	–	–	–	–	ТИМ, ZYy, ИМ, AL, RH, HyG, МП, Vdl, Yy, Yb, BLk

Если соотнести данные обеих таблиц с уже упомянутым диалектным членением ср.-монг. памятников, мы получим следующую картину:

Таблица 6. Диалектная классификация ЛСВ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке

Общеср.-монг.	Вост. ср.-монг.	Зап. ср.-монг.
<i>boroqai</i>	<i>γolinmuču[q]</i>	<i>abaqa 2</i>
<i>elinčük</i>	<i>emege(n)</i>	<i>abaqa 3</i>
<i>ebüge(n)</i>	<i>ebin</i>	<i>aya</i>
<i>ečige</i>	<i>abaqa 1</i>	<i>egeči 2</i>
<i>eke</i>	<i>döyi</i>	<i>de'ü 3</i>
<i>naqaču</i>	<i>iiye</i>	<i>qadum 1</i>
<i>aqa 1</i>	<i>nu'u(n)</i>	<i>berigen 1</i>
<i>de'ü 1</i>	<i>yin</i>	<i>jitür</i>
<i>de'ü 2</i>	<i>je'e 1</i>	<i>qadum 2</i>
<i>egeči 1</i>	<i>je'e 2</i>	<i>baја 2</i>
<i>ke'üken 1</i>	<i>(h)ači</i>	<i>baја 3</i>
<i>ke'üken 2</i>	<i>aјin</i>	<i>yeke ečege</i>
<i>kö'ü(n) 1</i>	<i>baја 1</i>	<i>ečē ečē</i>
<i>kö'ü(n) 2</i>	<i>aqa 2</i>	<i>yeke eke</i>
<i>öki(n)</i>	<i>*küirü</i>	<i>yeke ečge ekīn</i>
<i>ere</i>	<i>gergei</i>	<i>yeke ekeyin eke</i>
<i>eme</i>	<i>beri 1</i>	<i>ečgeyin deü</i>
<i>qadum</i>	<i>aqa 3</i>	<i>ečgein eme</i>
<i>berigen 2</i>	<i>*törgün</i>	<i>aya ečē</i>
<i>beri 2</i>	<i>güregen 1</i>	<i>dewü ečē</i>
<i>quda</i>	<i>de'ü 4</i>	<i>aya eke</i>
<i>beri 3</i>	<i>iiye 2</i>	<i>ekeyin ökin</i>
<i>güregen 2</i>	<i>qaya</i>	<i>digü</i>
<i>qadum ečige</i>	<i>aqai egeči</i>	<i>*küini kü'ün</i>
<i>qadum eke</i>	<i>naqaču egeči</i>	<i>qadum egeči</i>
	<i>abu'a berigen</i>	<i>qadum de'ün</i>
	<i>abulin eme</i>	
	<i>berigen eme</i>	
	<i>de'ü beri</i>	
	<i>kürigen aχai</i>	
	<i>kürigen dö'ü</i>	
	<i>χadun dö'ü</i>	

Мы видим, что из 25 общеср.-монг. форм 23 являются элементарными и только 2 (термины свойства *qadum ečige* и *qadum eke*) сложными, из 32 вост. ср.-монг. форм 23 элементарных и 9 сложных, тогда как из 25 зап. ср.-монг. элементарными являются только 11, а остальные представляют собой сложные (6), составные (2) и описательные (6) термины. Особенно любопытно то, что все без исключения составные и описательные термины, которые в антропологии родства считаются показателями отсутствия в языке специального терминологического выражения соответствующих родственных отношений [Бикбулатов 1981: 20], встречаются только в зап. ср.-монг. диалектах. В вост. ср.-монг. им соответствуют элементарные и сложные термины, а для описательных обозначений деда и бабушки по матери эквивалентов не обнаруживается вообще. Это может свидетельствовать о том, что система терминов

родства и свойства в зап. ср.-монг. диалектах носит вторичный характер и обнаруживает признаки разложения, которые проявляются, в частности, в замене элементарных и сложных терминов составными и описательными. Отсюда напрашивается вывод о большем архаизме вост. ср.-монг. диалектов и представленной в них СТР по сравнению с зап. ср.-монг. — вывод, который, насколько мне известно, никем ранее не делался, но который подтверждается целым рядом данных по исторической фонетике, морфологии и синтаксису монгольских языков, в разрозненном виде встречающихся в лингвистических работах¹².

Обращает на себя внимание, что многие из форм, включенных в табл. 4 и 5, являются полностью синонимичными, т. е. имеют одинаковые экстенсионалы и интенсионалы. Часть этих случаев также можно объяснить диалектными различиями, которые привели к возникновению своего рода дополнительной дистрибуции форм. См. ниже, табл. 7:

Таблица 7. Диалектно обусловленная синонимия терминов родства и свойства в ср.-монг. языке

Значение	Вост. ср.-монг. диалекты	Зап. ср.-монг. диалекты
‘бабка по отцу’	<i>emege(n)</i>	<i>yeke eke</i>
‘тётка, сестра отца’	<i>aqai egeči</i>	<i>dewü ečē</i>
‘тётка, сестра матери’	<i>naqaču egeči</i>	<i>ekeyin ökin digü</i>
‘внук по сыну’	<i>(h)ači</i>	<i>*küini kü'ün</i>
‘родня по жене’	<i>*törgün</i>	<i>qadum 2</i>
‘зять, муж сестры’	<i>güregen 1</i>	<i>baја 2</i>

Однако в большинстве случаев синонимичные формы встречаются в рамках какой-либо одной диалектной группы памятников или даже в одном отдельно взятом памятнике. Особо следует отметить наименования родственников -1 поколения, которые обнаруживают свободное варьирование в обеих диалектных группах. См. ниже, табл. 8. Объяснить эти случаи гораздо сложнее; они могут быть обусловлены индивидуальными особенностями языка конкретных памятников или же отражать различия в способе употребления (вокативном или референтивном) соответствующих терминов родства носителями языка.

Следует отметить, что в целом ср.-монг. терминология родства и свойства достаточно точно отображает особенности социальной структуры средневековых монголов. Так, из 25 ЛСВ терминов родства, для которых релевантен признак «латеральность альтера», 17 обозначают патриллатеральных родственников и только 8 — матриллатеральных.

¹² Данные по соотносительному уровню развития среднемонгольских диалектов будут приведены и проанализированы в другой статье автора этих строк.

Таблица 8. Внутридиалектное варьирование терминов родства и свойства в ср.-монг. языке

Значение	Вост. ср.-монг. диалекты	Зап. ср.-монг. диалекты
‘прапрадед по отцу’	<i>boroqai</i> (ТИМ, HyG, Yb) ~ <i>γolinmuču[q]</i> (Yy, BLk)	<i>boroqai</i>
‘дед по отцу’	<i>ebüge(n)</i>	<i>ebüge(n)</i> (МП) ~ <i>yeke ečege</i> (AL) ~ <i>ečē ečē</i> (ИМ)
‘дядя, брат отца’	–	<i>abaqa 2</i> (RH, МП, МА) ~ <i>ečgeyin deü</i> (AL) ~ <i>aya ečē</i> (ИМ)
‘дядя, брат матери’	<i>naqaču</i>	<i>naqaču</i> (RH, МП, МА) ~ <i>aya eke</i> (ИМ) ~ <i>abaqa 3</i> (AL)
‘младшая сестра’	<i>döyi</i> (ТИМ, ZYy, HyG, Yb) ~ <i>de’ü 2</i> (Yy, Yb, BLk)	<i>de’ü 2</i>
‘сестра’	–	<i>egeči 2</i> (KG, RH) ~ <i>de’ü 3</i> (ИМ, AL)
‘ребенок эго’	<i>ke’üken 1</i> (ТИМ, HyG, HyT, Yb) ~ <i>kö’ü(n) 1</i> (ТИМ, HyT, Yy, BLk) ~ <i>nu’u(n)</i> (ZYy, HyG, Yb)	<i>ke’üken 1</i> (RH, МА) ~ <i>kö’ü(n) 1</i> (МА)
‘сын’	<i>ke’üken 2</i> (ТИМ) ~ <i>kö’ü(n) 2</i> (ТИМ, Ph, HyG, HyT, Yy, Yb, BLk)	<i>ke’üken 2</i> (AL, МА) ~ <i>kö’ü(n) 2</i> (ИМ, AL, RH, МП, Vdl)
‘жена отца’	–	<i>berigen 1</i> (ИМ, МП) ~ <i>ečgein eme</i> (AL)
‘тётка, жена брата отца’	<i>abu’a berigen</i> (Yy, Yb, BLk) ~ <i>aĵin</i> (ZYy)	–
‘тесть, отец жены’	<i>qadum ečige</i>	<i>qadum ečige</i> (AL, RH, МА) ~ <i>qadum 1</i> (МА)
‘муж’	<i>ere</i> (ТИМ) ~ <i>*küürü</i> (Yb)	<i>ere</i>
‘жена’	<i>eme</i> (ТИМ, ZYy, Yy, BLk) ~ <i>gergei</i> (ТИМ, HyG, Yb) ~ <i>beri 1</i> (Yb)	<i>eme</i>
‘жена, супруга’ (<i>гонор.</i>)	<i>qadun</i> (ТИМ, HyG, HyT) ~ <i>aqa 3</i> (Yy, BLk)	<i>qadun</i>
‘невестка, жена младшего брата’	<i>beri 2</i> (HyG) ~ <i>de’ü beri</i> (Yb)	<i>beri 2</i>

ральных. Это вполне объяснимо, если учесть, что в средневековом монгольском обществе господствовал патрилинейный счет происхождения и патрилинейный тип наследования, которые обуславливали потребность в большей терминологической дифференциации различных категорий патрилатерального родства по сравнению с матрилатеральным. Напротив, в терминологии свойства бросается в глаза очевидная диспропорция в распределении форм, противопоставленных по признаку «пол эго»: имеются 18 специальных терминов для Эм при всего лишь 6 для Эж. Иными словами, мужчина терминологически выделял в три раза больше категорий родственников своей жены, чем женщина — категорий родственников своего мужа. При этом для обозначения родственников мужа используются формы, заимствованные из терминологии родства (*aqa 2*, *de’ü 4*, *üye 2*), тогда как родственники жены обозначаются специальными терминами, которые не имеют параллелей среди терминов кровного родства. Особенно примечательно то, что при наличии всего двух терминов для См, лишь один из которых является общепотребительным, мы имеем целых 7 обозначений Сж, два из которых представляют собой к тому же особые гонорифичные формы. Наконец, родственники жены в целом обозначаются двумя специальными собирательными формами, но термина со

значением *‘родня по мужу’ в ср.-монг. памятниках не засвидетельствовано вообще. Все это вместе прекрасно объясняется статусным неравенством участников брачных отношений у средневековых монголов, при котором родственники женщины как «податели жены» наделялись высоким социальным и символическим статусом, а родственники мужа, напротив, занимали по отношению к ним приниженное положение. Такое неравенство было обусловлено обычаем односторонних предпочтительных браков между двумя унилинейными десцентными группами, который существовал еще в эпоху Чингисхана и отмечен во многих исторических источниках. В терминологии родства и свойства можно найти отражение обычаев левирата (термин *berigen eme*) и брака мужчины с вдовой его собственного отца (отождествление СжРм = Сж↑ДмР в семантике термина *berigen*), а также целый ряд других характерных черт системы родства и брака средневековых монголов (таких как скользящий счет поколений, генерационное скашивание и пр.), на которых мы здесь не будем останавливаться.

Нельзя не коснуться и такого важного для нашей темы вопроса, как полисемия терминов родства и свойства. В начале настоящей статьи уже говорилось о том, что в ср.-монг. памятниках она прослеживается достаточно отчетливо, свидетель-

ством чего могут служить данные табл. 4 и 5. Для удобства мы свели соответствующие данные воедино и дополнили их материалом по значениям, непосредственно не связанным со сферой родства, которые не вошли в обе таблицы. См. ниже, табл. 9:

Таблица 9. Полисемия терминов родства и свойства в среднемонгольском языке

Форма	Значения из сферы родства	Прочие значения
<i>elinčük</i>	‘прадед по отцу’	‘предок’
<i>ebüge(n)</i>	‘дед по отцу’	‘старик’, ‘предок’
<i>emege(n)</i>	‘бабка по отцу’	‘старуха’
<i>ečige</i>	‘отец’	титул представителя знати
<i>eke</i>	‘мать’	титул знатной женщины
<i>ebin</i>	‘дядя, старший брат отца’	титул представителя знати
<i>abaqa</i>	‘дядя, младший брат отца’, ‘брат отца’, ‘брат матери’	–
<i>aqā</i>	‘мужской родственник старше эго, младше его родителей’, ‘мужской родственник мужа старше него, младше его родителей’, ‘жена, супруга’ (<i>гонор.</i>)	‘старший по возрасту’, ‘господин’, ‘вельможа’, ‘старейшина’, ‘начальник’, ‘военный командир’, ‘старший побратим’, титул представителя знати
<i>de'ü</i>	‘мужской родственник младше эго, старше его детей’, ‘младшая сестра’, ‘сестра’, ‘мужской родственник мужа младше эго, старше его детей’	‘младший по возрасту’, ‘подчиненный’, ‘солдат’, ‘младший побратим’
<i>egeči</i>	‘старшая сестра’, ‘сестра’	‘старшая по возрасту’, ‘госпожа’, ‘ханская наложница’, титул знатной женщины
<i>döyi</i>	‘младшая сестра’	‘младшая по возрасту’
<i>üye</i>	‘двоюродный брат по отцу’, ‘двоюродный брат мужа по отцу’	‘сустав, сочленение’
<i>ke'üken</i>	‘ребенок’, ‘сын’	‘маленький ребенок’, ‘мальчик’
<i>kö'ü(n)</i>	‘ребенок’, ‘сын’	‘младенец’, ‘мальчик’, ‘царевич’, ‘раб’, титул представителя знати
<i>öki(n)</i>	‘дочь’	‘девочка’, ‘девушка’, ‘царевна’
<i>e'e</i>	‘ребенок сестры’, ‘ребенок дочери’	–
<i>berigen</i>	‘жена отца’, ‘невестка, жена старшего брата’	‘невеста’

Форма	Значения из сферы родства	Прочие значения
<i>ba a</i>	‘дядя, муж сестры матери’, ‘зять, муж сестры’, ‘свояк, муж сестры жены’	–
<i>qadum</i>	‘тесть, отец жены’, ‘родня по жене’	–
<i>ere</i>	‘муж’	‘мужчина’, ‘самец’
<i>jitür</i>	‘младшая жена’	‘наложница’, ‘ревность’
<i>eme</i>	‘жена’	‘женщина’, ‘самка’
<i>beri</i>	‘жена’, ‘невестка, жена младшего брата’, ‘сноха, жена сына’	‘невеста’
<i>qadun</i>	‘жена, супруга’ (<i>гонор.</i>)	‘женщина, дама’ (<i>гонор.</i>), титул знатной женщины
<i>güregen</i>	‘зять, муж сестры’, ‘зять, муж дочери’	‘жених’, титул представителя знати
<i>quda</i>	‘сват, отец супруга ребенка’	титул представителя знати

Как можно видеть из табл. 9, у целой группы форм, все из которых относятся к категории элементарных терминов, фиксируется регулярная полисемия по типу ‘термин родства’ — ‘половозрастная группа’ и / или ‘социальный статус’. Исключений из этого правила всего два: значения ‘сустав, сочленение’ у слова *üye* и значение ‘ревность’ у слова *jitür*. Все остальные значения, отмеченные в третьей графе таблицы, соотносятся с определенными категориями пола, возраста и социального положения. Что примечательно, в этих значениях основы терминов родства и свойства употребляются гораздо чаще, чем в своих, казалось бы, основных значениях из сферы родства. Особенно это касается таких форм, как *ebüge(n)*, *emege(n)*, *ke'üken*, *kö'ün*, *öki(n)*, *aqā*, *de'ü*, *ere*, *eme*, *qadun*, для которых в этимологических исследованиях прямо постулируется вторичность, производность значений родства и свойства и, соответственно, первичность половозрастных и статусных значений. Учитывая сказанное, можно попытаться предложить реконструкцию такого типа общества, в рамках которого установленные семантические особенности терминов родства и свойства получают максимально адекватное осмысление. На мой взгляд, типом социальной организации, в полной мере объясняющим эти особенности, является система половозрастных институтов, или возрастных классов. Идея о том, что возрастные классы были первичной формой социальной организации у монголов и, возможно, носителей других алтайских языков, в последнее время обретает все большую популярность: можно отметить статьи А. А. Бурыкина [Бурыкин 2001] и мою [Рыкин 2005], где она развивается более подробно. Эта идея вполне укладывается в рамки тенденции рассматривать по-

ловозрастные институты как хронологически самый ранний этап в развитии человеческих обществ, которая наблюдается в современной социальной антропологии. Для монгольских народов в историческое время этот тип социальной организации представлял собой явный архаизм; по крайней мере, в исторических источниках он уже не фиксируется. Однако в фольклорных текстах встречаются упоминания о каких-то формах половозрастных институтов типа «мужских союзов» и аналогичных образований. Более глубокий и систематичный анализ таких данных, возможно, позволит несколько расширить наши знания о ранних формах социальной организации монголов, но этот анализ еще предстоит осуществить.

Конечно, изучение терминологии родства и свойства в ср.-монг. языке не исчерпывается проблемами, затронутыми в настоящей статье; в частности, мы намеренно оставили в стороне вопросы о типологической принадлежности системы родства и формах брака у средневековых монголов, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике. Однако эти вопросы заслуживают специального рассмотрения, которое лучше осуществить в рамках отдельной работы.

Библиография

- Бикбулатов 1981 — *Бикбулатов Н. В.* Башкирская система родства. М., 1981.
- Боровков 1965 — *Боровков А. К.* К истории словаря «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари // Вопросы языкознания. 1965. № 2. С. 98—101.
- Бурыкин 2001 — *Бурыкин А. А.* Проблемы семантической реконструкции терминов родства в алтайских языках и перспективы реконструкции общеалтайской системы терминов родства // Алгебра родства. СПб., 2001. Вып. 7. С. 136—172.
- Жанчив 2002 — *Жанчив Ё.* Дөрвөлжин үсгийн монгол дурсгал (Эх, үсгийн галиг, хөрвүүлэг, үгийн хэлхээ, номзүй) (= Монгольские памятники квадратной письменности [Тексты, транслитерация, перевод, глоссарий, библиография]). Улаанбаатар, 2002. (National University of Mongolia: Centre for Mongol Studies. Monumenta Mongolica; T. 3).
- Жанчив, Бямбацэнд 2003 — *Жанчив Ё., Бямбацэнд Ц.* Нангиад монгол «Хуа-и И-юй» толь «華夷譯語» (= Китайско-монгольский словарь *Хуаи юй*). Улаанбаатар, 2003.
- Кузьменков, 1993 — *Кузьменков Е. А.* Фонетическая реконструкция монгольского текста «Юань-чао би-ши» // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 294—327.
- Левин 1970 — *Левин Ю. И.* Об описании системы терминов родства // Советская этнография. 1970. № 4. С. 18—30.
- Мелиоранский 1904 — *Мелиоранский П.* Араб филолог о монгольском языке // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. 1904. Т. 15, вып. 2/3. С. 75—172.
- Озава 1998 — *Озава Ш.* Дундад зууны монгол хэлний нутгийн аялгууны тухай (= О диалектах среднемонгольского языка) // Монгол судлалын өгүүллүүд: Академич Ш. Бирагийн 70 насны ойд зориулсан боть. Essays on Mongol Studies: Commemorative Volume to the 70 year Birthday of Academician Sh. Bira / Эрхл. доктор Ц. Батбаяр, дэд доктор Ц. Ишдорж, Э. Пунцаг. Улаанбаатар, 1998. 49—51 г.
- Панкратов 1962 — Юань-чао би-ши (Секретная история монголов): 15 цзюаней / Изд. текста и предисл. Б. И. Панкратова. М., 1962. Т. 1: Текст.
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.;Л., 1938. Ч. 1—3. (Тр. / Ин-т востоковедения АН СССР; Т. 14).
- Рыкин 2005 — *Рыкин П. О.* Семантический анализ термина *ага* в среднемонгольском языке (к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства) // Алгебра родства. СПб., 2005. Вып. 9. С. 32—44.
- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. Т. 1.
- Төмөртоогоо 2002а — *Төмөртоогоо Д.* Монгол дөрвөлжин үсгийн дурасгалын судалгаа: Удирдхал, эх бичиг, үгсийн хэлхээ, ном зүй (= Исследование монгольских памятников квадратной письменности: Введение, тексты, индекс, библиография). Улаанбаатар, 2002. (Monuments in Mongolian Language: The International Association for Mongol Studies; Vol. 2).
- Төмөртоогоо 2002б — *Төмөртоогоо Д.* Араб үсгийн монгол дурасгалын судалгаа: Удирдхал, үгсийн харьцуулсан толь, ном зүй (= Исследование монгольских памятников арабской письменности: Введение, сравнительный индекс, библиография). Улаанбаатар, 2002. (Monuments in Mongolian Language: The International Association for Mongol Studies; Vol. 3).
- Хугэцилэту, Сажула, 2004 — *Хугэцилэту, Сажула.* Басыбацзы мэнгуюй вэньсянь хуйбянь (= Сборник памятников монгольского языка на квадратном письме). Хухэ-Хаотэ, 2004. (A Series of Books for Altaic Studies).
- Golden 2000 — *The King's Dictionary: The Rasūlid Hexaglot: Fourteenth Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol / Transl. by T. Halasi-Kun et al.; With introductory essays by P. B. Golden and Th. T. Allsen; Ed. with notes and commentary by P. B. Golden. Leiden; Boston; Köln, 2000. (Handbuch der Orientalistik; Abt. 8: Zentralasien. Bd. 4).*
- Garudi 2001 — *Garudi.* Dumdadu erten-ü mongyol kelen-ü sudulul (= Исследование среднемонгольского языка). Mükden, 2001.
- Kara 1990 — *Kara G. Zhiyuan yiyu: Index alphabétique des mots mongols // Acta Orientalia Hungarica. 1990. T. 44, fasc. 3. P. 279—344.*

- Kuribayashi 2003 — *Kuribayashi H.* Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti. Sendai, 2003. (CNEAS Monograph Series; № 10).
- Ligeti 1962 — *Ligeti L.* Un vocabulaire mongol d'Istanboul // *Acta Orientalia Hungarica*. 1962. T. 14, fasc. 1. P. 3—99.
- Ligeti 1963 — *Ligeti L.* Notes sur le vocabulaire mongol d'Istanboul // *Acta Orientalia Hungarica*. 1963. T. 16, fasc. 2. P. 107—174.
- Ligeti 1965 — *Ligeti L.* Le lexique mongol de Kirakos de Gandzak // *Acta Orientalia Hungarica*. 1965. T. 18, fasc. 3. P. 241—297.
- Ligeti 1990 — *Ligeti L.* Un vocabulaire sino-mongol des Yuan: Le Tche-yuan yi-yu / Éd. par G. Kara // *Acta Orientalia Hungarica*. T. 44, fasc. 3. P. 259—277.
- Manduqu 1995 — *Manduqu Ö.* Mongᠣᠯ I iui toli bičig (= Монгольские словари Июй). Begejng, 1995. (Mongᠣᠯ tulγur bičig-un čubural).
- Manduqu 1998 — *Manduqu Ö.* Quva i I iui, 華夷譯語 (= *Хуаи юй*). Qayilar, 1998.
- Muqaddimat al-Adab 2008 — *The Muqaddimat al-Adab: A Facsimile Reproduction of the Quadrilingual Manuscript (Arabic, Persian, Chagatay and Mongol)*. Tôkyô, 2008. (The Japan Society for the Promotion of Science: Grant-in-Aid for Scientific Research (B), № 17320061).
- Poppe 1927—1928 — *Poppe N.* Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // *Известия Академии наук СССР*. 1927. S. 1009—1040, 1251—1274; 1928. S. 55—80.
- Poppe 1965 — *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965. (Ural-Altäische Bibliothek).
- Rachewiltz 1972 — *Rachewiltz I. de.* Index To The Secret History of the Mongols. Bloomington, 1972. (Indiana University publications: Uralic and Altaic Series; Vol. 121).
- Rachewiltz 2004 — *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. with a Historical and Philological Commentary* by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1—2. (Brill's Inner Asian library; Vol. 7/1—2).
- Rybatzki 2003 — *Rybatzki V.* Names of the Months in Middle Mongol // *Altaica Budapestinensia MMII: Proceedings of the 45th Permanent International Altaistic Conference, Budapest, Hungary, June 23—28, 2002 / Ed. by A. Sárközi and A. Rákos*. Budapest, 2003. P. 256—290.
- Rybatzki 2004 — *Rybatzki V.* The personal names and titles of the «Forest-folk» // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 2004. Vol. 90. P. 109—186.
- Rybatzki 2005 — *Rybatzki V.* Personal Names and Titles of the Naiman in the Secret History of the Mongols // *The Black Master: Essays on Central Eurasia in Honor of Györgi Kara on his 70th Birthday / Ed. by S. Grivelet et al.* Wiesbaden, 2005. P. 103—114.
- Rybatzki 2006 — *Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki, 2006. (Publications of the Institute for Asian and African Studies; 8).
- Saitô 2006 — *Saitô Y.* The Mongolian Words in *Kitâb Majmû' Turjumân Turkî wa-'ajamî wa-Muğalî: Text and Index*. Kyôto, 2006.
- Saitô 2006 — [Saitô Y.]. The Mongolian words in the *Muqaddimat al-Adab: Romanized Text and Word Index (as of January 2008)*. Tôkyô, 2008. (The Japan Society for the Promotion of Science: Grant-in-Aid for Scientific Research (B), № 17320061, 2005—2007).
- Šongqor 1996 — *Šongqor.* Erten-ü mongᠣᠯ kelen-ü sudulul (= *Исследование древнемонгольского языка*). Köke qota, 1996.
- TMEN — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden, 1963—1975. Bd. 1—4.
- Weiers 1972 — *Weiers M.* Ein arabisch-mongolischer Wörterspiegel aus der Bibliotheca Corsini in Rom // *Zentralasiatische Studien*. 1972. Bd. 6. S. 7—61.

РЕЗЮМЕ

В статье представлены результаты структурного анализа системы терминов родства и свойства в среднемонгольском языке на основе всех известных лексикографических и нарративных источников XIII — начала XVII в. Значение каждого термина определяется на метаязыке компонентного анализа, характеризуются основные структурные черты выявленной системы, полученные результаты сопоставляются с историко-этнографическими данными о социальной структуре (в частности, о системе родства и брачных правилах) средневековых монголов в эпоху империи.

SUMMARY

The paper presents structural analysis of the system of kinship terms in Middle Mongolian. The analysis is based on all known lexicographic and narrative sources from XIII to beginning of XVII century. The meaning of each term is defined in the meta-language of componential analysis; main structural features of the system are discovered and defined, the results are compared with historical and ethnographical data on the Mongolian social structure of the imperial period (in particular kinship system and marriage rules).

О словах *күөх*, *танара*, *халлаан* в якутском языке

Якутский язык считается одним из самых необычных, в каком-то смысле экзотических тюркских языков. В значительной мере в силу этого и в результате стечения благоприятных, иногда и случайных факторов этот язык еще в дореволюционное время оказался глубоко и основательно изученным.

В настоящее время у нас имеются монографические исследования звукового строя якутского языка, в том числе книги по сравнительно-исторической фонетике, написаны превосходные работы по всем глагольным категориям, выявлены корни так называемых «слов неизвестного происхождения», частично исследованы в историческом плане именные основы. Продвинутой отраслью якутского языкознания является диалектология: имеются двухтомный диалектологический словарь, монографические описания всех диалектных зон якутского языка и некоторых отдельных говоров, издается двухтомный диалектологический атлас якутского языка, набирает силу историческая диалектология.

Усилиями поколений якутоведов, тюркологов выяснены многие исторические субстратные и другие привнесения. Основные фундаментальные закономерности якутского языка объясняются или сохранением древнетюркских черт, или их дальнейшим развитием. По признанию многих тюркологов, якутский язык является одним из наиболее рано отделившихся, но типичных тюркских языков.

Рассматриваемые ниже слова не раз уже были предметом обсуждения тюркологов. Современное якутоведение позволяет ввести дополнительные материалы и дать новую интерпретацию к некоторым из этих слов.

В истории якутского языка в значении ‘небо’ употреблялись три лексических единицы: *күөх*, *танара*, *халлаан*.

В древнеякутском языке, очевидно, было в ходу слово *күөх* — рефлекс пратюркского **gōk*. В значении ‘небо’ это слово было зафиксировано Ф. Страленбергом [Stralenberg 1730] в числе 59 якутских слов в разделе «Tabula Poliglotta» (Himmel *kuuk*). Слово, видимо, уже тогда было архаизмом. В этом значении оно нигде больше не зафиксировано, поэтому не удивительно, что в этимологическом словаре [ЭСТЯ 1980: 67] было указано, что значение *небо* в якутском языке не отмечено в ис-

точниках (отмечено ‘зеленый, синий или голубой цвет’). Но значение это, очевидно, не было случайным: оно еще сохранилось в известной якутской поговорке: *күөххэ көттө — көнүл барда* ‘улетел в небо — стал вольным’. Дифтонг *үө* в слове является закономерным якутским рефлексом первичного долгого **ō*, следы которого до настоящего времени сохраняются в туркменском (*gōk*), в диалектах узбекского (*kōk*) и в халаджском (*kīk*)¹ языках.

Күөх в качестве прилагательного цветообозначения отражает разнообразие части цветового спектра, проявляя, как определял Э. В. Севортян, общетюркскую черту этого слова. Тем не менее, значение слова в известной мере синкретично или входит в разряд слов с так называемым общим значением (по В. Г. Гаку и Н. В. Феоктистовой; «макро-синий», в терминологии А. Вежицкой): конкретные цветовые спектры проявляются в самых различных уточняющих сочетаниях. Например, *от күөбэ* ‘зелень травы’ или *мутукча күөбэ* ‘зелень хвой’ (т. е. зеленый, зеленый цвет); оттенки зеленого цвета: *чээлэй күөх* ‘яркозеленый’, *торбо күөх* ‘светло-зеленый’, *хампа күөх* ‘темно-зеленый’, *дьэнкир күөх* ‘светло-зеленый’ (букв. «прозрачно-зеленый») и др. Слово *күөх* в своем номинативном значении прежде всего ассоциируется с понятием зелени, молодой зеленой травой и ее радующим глаз скотовода цветом. Отсюда выражения *күөххэ үктэн* ‘благополучно пережить долгую зиму’, букв. «наступить на зелень», *күөх сах буолла* ‘настало зеленое время’ (т. е. «земля покрылась зеленью»), *көрдөөх күөхнүт көбөрдө* — ‘зелень празднично зазеленела’. *Күөх* с определениями употребляется для выражения различных сортов скошенной травы и сена, от *дабаххай күөх* ‘сено первой косы’ (букв. «смолистая зелень») до *үрүг күөх* — ‘бледная (букв. «белая») зелень’. На втором месте по употребительности стоят сочетания типа *халлаан күөбэ* ‘синева неба’, ‘голубизна неба’ (т. е. обозначения синего и голубого цветов).

Со словом *күөх* образованы многочисленные терминологизированные и фразеологические сочетания. Так, с доминантным словом *күөх* в современном толковом словаре якутского языка зафиксирована 41 фразеологическая единица. Среди них народная традиция сохраняет единицы как с положительными, так и отрицательными (пейоративными) смысловыми оттенками. Например: *күөх ис* ‘кулак-мироед’, букв. «зеленое нутро»; *күөх сүрэх* ‘бездельник, лодырь’, букв. «зеленое серд-

Петр Алексеевич Слепцов: доктор филологических наук, профессор Якутского государственного университета имени М. К. Аммосова, заслуженный деятель науки РС (Я) и РФ, главный научный сотрудник сектора лексикологии и лексикографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН, академик Академии наук Республики Саха (Якутия).

¹ Ср. также долготу в венгерском заимствовании из болгарского (*kék*).

це»; *күөх көппө* ‘лентяй, балбес’, букв. «зеленая пена»; *күөх сирэй* (бранное) ‘паршивец, негодяй’, букв. «зеленое лицо»; и т. п. Здесь возможна ассоциация с цветом гнили, плесени — имеется известное сочетание *көбөрө сытый* ‘гнить до синевы; развращаться’. Многие сочетания со словом *күөх* употребляются для обозначения масти скота и особенно лошадей (см. Пек. 1323). Якуты как скотоводы и коневоды питают особую привязанность к домашним животным. *Күөх* часто бывает определением к именам людей, образуя различные прозвища. Эти прозвища обычно воспринимаются положительно. Например, известно имя-прозвище красавицы-жены благородного разбойника Манчаары — *Күөх Кэтэриинэ* (обычно переводится как «Катерина-Зелень»).

Во втором издании книги Николаса-Корнелиссона Витзена «Noord en Oost Tartarye» [Witsen 1705] дан дословный перевод на якутский язык молитвы «Отче наш», откуда он был извлечен О. Н. Бётлингом [Бётлингк 1989: 53]. Строка *Отче наш иже еси на небесех* переведена *Айыыбыт биһиэнэ мэнэ таңара үрдүгэр*. Таким образом, в этом старинном источнике слово *таңара* употреблено в значении ‘небо, небеса’. В таком же значении слово употребляется в языке олонхо в его формульной части *былыттаах таңараҕа быктарбакка, күннээх таңараҕа көрдөрбөккө* ‘не высовывая облачному небу, не показывая солнечному небу’, — так берегли свою красавицу-дочь родители. Есть выражение *таңара сарыыта* ‘рассвет’ (букв. «небо светает», здесь *сараа-* = тюрк. **jary-* ‘быть светлым’ [Пек. 2094]). Слово зафиксировано в словарях О. Бётлингка и Э. К. Пекарского в двух значениях: ‘небо, небеса’ и ‘бог’, где первым значится значение ‘небо’. Однако с первой половины XIX в. во всех переводах «Отче наш» слово *тангара* в этом значении стало заменяться синонимом *халлаан* (ср. в «Катехизисе» 1819, 1821 гг., где эта же строка переведена: *Аҕабыт биһиэнэ эн бааргын халлаан үрдүгэр*). Архаизация значения ‘небо’ и исключительная активизация значения ‘бог, божество’ произошли, видимо, под сильным влиянием православия, которое усердно распространяли миссионеры. Хотя, скорее всего, первым значением слова было ‘небо, небеса’, однако значение ‘бог’, безусловно, появилось в древние времена: оно относится прежде всего к языческому богу, идолу. Ср. формы и значения, встретившиеся в тюркских языках: пратюркское **teγri* / **taŋri* ‘бог; небо’, чув. *tora* ‘бог’, як., долган. *taŋara* ‘бог’, тув. *dēr*, тоф. *dēre* ‘бог’, хак. *tigər*, шор. *teγri*, сюг. *teγer* ‘бог’, др.-тюрк. *teγri* ‘бог, небо’ (орхон., др.-уйг.), крх.-уйг. *teγri* ‘бог, небо’, чаг. *teγri* ‘бог’, ср.-кыпч. *teγri* ‘бог’, узб. *taŋri*, н.-уйг. *tāŋri* ‘бог’, тур., аз. *tanri* ‘бог’, туркм. *taŋri* ‘бог’, салар. *tanru* ‘бог’, караим. *taŋri*, *teγri* ‘бог’, кбалк. *teγri* ‘бог, небо’ (‘небо’ метафорически), та-

тар., башк. *tāŋre* ‘бог’, ккалп. *tāŋir* ‘бог’, кирг. *teγir* ‘бог, небо’ (‘небо’ — только в парных словах *kök teγir*, *asman teγir*), галт. *teγeri* ‘бог, небо’ (VEWT 474; TMN II 577; EDT 523–524; Федотов II 252; Stachowski 1993: 217). Тюркское слово заимствовано в монг. *teγeri* > эвенк. *tiγeri*, солон. *teγer* (см. Doerfer 1985: 236). Что же касается первичности варианта и этимологии слова, то, возможно, следует согласиться с доводами Б.И. Татаринцева [Татаринцев 1984: 78–81] о первичности переднерядной формы *teγir* < **teγ-* ‘возвышаться, подниматься’ + афф. причастия *-ir* (ср. другое производное от того же глагола *teγ-ig* ‘небо, воздушное пространство’ МК, см. EDT 514, 518). С другой стороны, совпадение по заднерядности огузских, чувашской и якутской форм, т. е. то, что заднерядность выступает на периферии тюркского мира, может указывать на архаичность именно такого фонетического облика слова. Алтайскую этимологию, учитывающую это совпадение, см. в [Дыбо 2007: 82–84]. Якутская форма определенно не может быть монголизмом, в силу того, что в монгольских языках засвидетельствован только переднерядный вариант (ср. бурят. *тэнгэри*).

В переводе молитвы, приводимом Н. Витзеном, интересно сочетание *мэнэ тангара*, где переводчик (судя по всему тексту перевода, переводчиком был русский человек, хорошо владевший якутским языком) добавил слово *мэнэ*, очевидно, в силу фразеологизованности этого сочетания. Ср.: *мэнэ* ‘вечный, непреходящий’ (Пек. 1558: = *bāŋgü* ДТС 94, 341). Это древнетюркское слово в якутском языке сохранилось еще в сочетании *өлбөт мэнэ уута* ‘живая вода, оживляющая мертвых’ (в сказках), северные якуты называют кладбище *мэнэ* («вечность, вечный покой»). Сочетание *мэнэ тангара* по структуре и семантике идентично др.-уйг. *meŋigü teγgri* [EDT 351; в манихейских и христианских текстах]. Таким образом, можно допустить, что в словосочетании *мэнэ тангара* сохранился отголосок философского осмысления неба (Вселенной) древними тюрками (оно всегда было, есть и будет — оно вечно).

Слово *халлаан* было зафиксировано в [Сравнительные словари, I: 5], но, конечно, могло существовать и раньше.

О. Бётлингк полагал, что слово *халлаан* ‘ясный, погожий, небо’ производно от *халын* ‘проясниться’ + *аан* (омертвелый аффикс, пратюркское **-aγan*, как и в основах *кураан* ‘сушь, засуха’, *дабаан* ‘подъем в гору’, *чуораан* ‘звонок; колокольчик’, *айдаан* ‘шум, крик’, *бадараан* ‘болото’ [Бётлингк 1989: 263]². В своем словаре О. Бётлингк дал более развернутые переводы:

² Интерпретация аффикса у О. Бётлингка не вполне точная. Среди приведенных им форм часть, действительно, являются отглагольными образованиями с не-

Халын ‘проясняться, становиться ясным, погожим (о небе)’; *халлаан халлан эрэр* ‘небо проясняется’.

Халлаан 1) ясный, безоблачный (о небе); *халлаан кун* ясный день; 2) небо, *халлаан убайар* небо горит (при появлении северного сияния) [Бётлингк 1989: 530, 531].

Тюркская этимология слова *халын* ‘проясняться’ неясна. О. Бётлингк справедливо считал слово имеющим омертвелый возвратный глагольный аффикс *-н*, с приведением довольно большого списка слов с этим аффиксом [Бётлингк 1989: 311].

Э. К. Пекарский точно так же считал *халлаан* образованным от глагола *халын* ‘проясняться’ + *аан* и сравнивал эту группу слов с маньчж. *галга*, *галгань* ‘чистое, ясное небо, ведро’ [ССТМЯ 1, 138]. Это же алтайское сопоставление представлено в [EDAL 478]. Вот толкование слов *халлаан* и *халын* в словаре Пекарского: *Халлаан*: 1) ‘светлый, чистый, ясный (о небе); ведрено, ясно’. *Халлаан кун*, *халлаан кунус* ‘ясный день’; 2) ‘небо (видимое), небеса; ясное (светлое, голубое) небо, ясная погода, ведро’ [Пек. 3265, 3266]. *Халын*, *халлар* ‘очищаться от облаков, проясняться (о небе)’, *халлаан халлан эрэр* ‘небо проясняется’ [Пек. 3276]. Т. е. *халлаан* трактуется как **qal-n-aуan* (с закономерным выпадением узкого гласного возвратного суффикса и последующей, также закономерной, ассимиляцией *-ln- > -ll-*). Той же версии придерживается и М. Стаховский [Stachowski 1993: 135].

В последнее время считается, что якутское *халлаан* связано с др.-тюрк. *qaliq* ‘небо’, которое образовано от глагольной основы **qali-* ‘подниматься, взлетать, подпрыгивать’ [VEWT 226, ЭСТЯ 1997, 224—226], посредством имяобразующего аффа. *-iq* со значением предмета, подверженного результату действия — ‘нечто поднятое вверх’ [СИГТЯ 2000: 61]. Якутский тюрколог Н. К. Антонов также возводил *халлаан* к др.-тюрк. *qaliq* ‘небо’ [Антонов 1971: 10]. Из-за больших семантических расхождений, а также по формально-морфологическим признакам (при такой этимологии трудно объяснить двойное *ll* в *халлаан*) мы предпочитаем вариант О. Бётлингка и Э. К. Пекарского.

Во всяком случае, якутское *халлаан* требует дополнительной этимологии. По семантике оно

продуктивным аффиксом от исчезнувших в якутском языке глагольных основ: *кураан* ‘сушь, засуха’ — от пратюркского **kurī-* ‘сохнуть’, *айдаан* ‘шум, крик’ — от пратюркского **ajt-* ‘говорить’, *бадараан* ‘болото’ — от пратюркского **bat-ar-* ‘погружать, топить’, см. [Попов 2003: 63, 108]. Но *дабаан* ‘подъем в гору’ — монголизм, ср. бурят. *дабаан* ‘горный перевал’, от *даба* ‘переваливать через гору’; а *чуораан* ‘звонок; колокольчик’ — по-видимому, от незафиксированного глагола по *чуор* ‘звонкий (о звуке), острый (о слухе)’, которое восходит к монг. *чоур* ‘флейта’, *чоуражи* ‘издавать резкие звуки’, *чоурай/цаурай* ‘эхо’ (БАМРС).

близко к тунгусо-маньчжурским формам. Вопрос может несколько проясниться при уточнении этимологии глагола *халын*.

Л и т е р а т у р а

Антонов 1971 — Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971.

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1–4. М., 2001.

Бётлингк, 1989 — Бётлингк О. Н. О языке якутов. Пер. с нем. В.И.Рассадин. Новосибирск, 1989 // *Boetlingk O. Ueber die Sprache der Jakuten*. SPb., 1851.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дыбо 2007 — Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Пратюркский период. М., 2007.

Пек. — Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М., 1958—1959. Т. I—III (фотомеханич. изд.).

Попов 2003 — Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. А-Дь, Новосибирск, 2003.

СИГТЯ 2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000.

Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей Особы. СПб., I — 1786, II — 1789.

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I—II. Л., 1975—1977.

Татаринцев 1984 — Татаринцев Б. И. О происхождении тюркского наименования неба (*tāyri* и его соответствия) // Советская тюркология. 1984, № 4.

Федотов — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.

ЭСТЯ 1980 — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «В», «Г» и «Д». М., 1980.

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадина. М., 1997.

Doerfer 1985 — Doerfer G. *Mongolo-Tungusica*. Wiesbaden, 1985.

EDAL — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden, 2003.

EDT — Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, 1972.

Stachowski 1993 — Stachowski M. *Dolganischer Wortschatz*. Kraków, 1993.

Stralenberg 1730 — Stralenberg F. *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*. 1730.

TMN — Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden, 1963. I; Wiesbaden, 1965. II; Wiesbaden, 1967. III.

VEWT — Räsänen M. *Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki, 1969.

Witsen 1705 — Witsen N. *Noord en Oost Tartarye*. Amsterdam, 1692 (2-е изд. — 1705).

Условные сокращения
названий языков

аз. — азербайджанский
 башк. — башкирский
 бурят. — бурятский
 галт. — горноалтайский
 долган. — долганский
 др.-тюрк. — древнетюркский
 др.-уйг. — древнеуйгурский
 караим. — караимский
 кбалк. — карачаево-балкарский
 кирг. — киргизский
 ккалп. — каракалпакский
 крх.-уйг. — караханидско-уйгурский
 маньчж. — маньчжурский
 монг. — монгольский
 н.-уйг. — новоуйгурский

орхон. — орхонский
 салар. — саларский
 солон. — солонский
 ср.-кыпч. — среднекыпчакский
 сюг. — сарыг-уйгурский
 татар. — татарский
 тоф. — тофаларский
 тув. — тувинский
 тур. — турецкий
 туркм. — туркменский
 узб. — узбекский
 хак. — хакасский
 чаг. — чагатайский
 чув. — чувашский
 шор. — шорский
 эвенк. — эвенкийский
 як. — якутский

РЕЗЮМЕ

В статье описаны три слова, которые в якутском языке используются как обозначения неба. Проанализированы их история, семантика и употребление. Критически рассмотрены предлагавшиеся этимологические гипотезы.

SUMMARY

Three Yakut words with the meaning 'sky' are studied in this article. Their history, semantics and usage are analyzed. Etymological hypotheses proposed by other authors are critically evaluated.

О наименованиях принадлежностей снаряжения упряжного коня в южно-удмуртских говорах

Термины, относящиеся ко многим отраслям, в удмуртском языкознании до сих пор остаются не собранными и не обработанными. Анализ диалектной лексики, связанной с наименованиями упряжи, позволяет ознакомиться с материальной культурой удмуртского народа, способствует выявлению времени и характера хозяйственно-культурных связей удмуртов с другими народами.

Наименования упряжи выбраны нами для исследования не случайно. Зачастую лишь лингвистические данные о происхождении тех или иных терминов могут быть надежным источником информации о происхождении ряда культурно-исторических реалий. Это касается и возникновения упряжного снаряжения у пермских народов. Является ли оно финно-пермским или даже финно-угорским наследием, или упряжное снаряжение появилось у пермских народов под влиянием контактов с тюркскими этносами? Представляется, что анализ этимологий лексики упряжного снаряжения может дать ответ на этот вопрос.

В настоящей статье рассматриваются этимологии названий принадлежностей снаряжения упряжного коня в южно-удмуртских говорах. Источником для написания работы послужили полевые материалы, собранные автором во время экспедиций в Алнашский и Киясовский районы Удмуртской Республики. Для снабжения названий необходимым толкованием полного предметного значения приведены данные из «Словаря современного русского литературного языка» [ССРЛЯ 1948—1965]. Источниками для выявления этимологий некоторых слов послужили: [КЭСК 1999], [Тараканов 1993], [UEW], [Sammallahti 1988].

Наименования исконного происхождения

Понятие ‘хомут’ (часть конской упряжи в виде отдельного приспособления, надеваемого на шею коня [ССРЛЯ 1965: 374]) передается лексемой общепермского происхождения *с'ийэс* (ШК, ЧК), *с'ийэт* (Л), *сийэс* (КП, СС, УТ, УВ), *сиэс* (КП, УТ, СС) (ср.: коми *сийёс* ‘гж.’ < Общеп. **s'ijes* [КЭСК 1999: 255]).

Понятие ‘сбруя, упряжь’ в южно-удмуртских говорах обозначается парным словом *сийэс-тирлык* (УТ) (*сийэс* ‘хомут’, *тирлык* ‘инструмент, орудие производства, инвентарь’, букв. ‘хомут-инвентарь’), в определенном контексте в этом зна-

чении иногда употребляется только лексема *тирлык* (УТ), *тирльк* (ЧК), которая заимствована из тат. *тирлек* ‘потник’ [Лексика 1997: 543]. Лексическим синонимом является словосочетание *вал кэткэт* (КП) (*вал* ‘лошадь’, *кэткэт* — сущ. от глаг. *кыткыны* ‘запрягать’, букв. ‘лошадь запряжка’).

Понятие ‘пряжка’ передается словосочетаниями *йэ бичы* (УТ), *йэ бичи* (КП), *йэ бьчи* (КП) (*йэ* ‘ремень’, *бичы*, *бичи*, *бьчи* ‘пряжка’, букв. ‘пряжка ремня’) (ср.: коми *тасма быч* ‘язычок пряжки ремня’ < Общеп. **bičz-* [КЭСК 1999: 45]).

Понятие ‘чересседельник’ (ремень, идущий через седелку от одной оглобли к другой и поддерживающий их [ССРЛЯ 1965: 880]) передается сложными словами *с'ургозы* (УТ), *с'ургозь* (ШК, ЧК, КП, СС), *с'өргозь* (СС) (компонент *с'ур* (диал. *с'өр*) употребляется также в сложном слове *сюрлы* ‘позвоночник’, коми *сюрса* ‘позвоночник, позвоночный столб, спинной хребет’ < Общеп. **s'šr* [КЭСК 1999: 275] + *гозы*, *гозь* ‘веревка’).

Подбрюшник (ремень, подвязываемый под брюхо лошади от одной оглобли к другой [ССРЛЯ 1960: 253]) обозначается следующими сложными словами: *көтулкыскон* (УТ), *көтулкъскон* (ШК, КП), *көтулкъскэт* (ЧК, СС, КП), *көтулскэт* (СС), *көтул* (УТ) (*көт* ‘брюхо’, *ул* ‘низ’, *кыскон*, *къскон*, *къскэт* — сущ. от глаг. *кыскыны* ‘подтянуть’, букв. ‘подтяжка низа брюха’, ‘низ брюха’).

В значении ‘клещи (клеши, клешни)’ (деревянные части хомута, стягиваемые под шеей лошади ремнем (супонью) [ССРЛЯ 1956: 1025]) употребляются сложные слова *учыспу* (УТ), *уцьспу* (ШК) (компонент *учыс* (диал. *уцьс*) общепермского происхождения, ср.: коми *утиыс* ‘рогатка, деревянный ошейник’ < Общеп. **učis* ‘рогатка, деревянный ошейник’ [КЭСК 1999: 299] + *пу* ‘дерево’) и словосочетание *сийэс пу* (КП, СС) (*сийэс* ‘хомут’, *пу* ‘дерево’, букв. ‘дерево хомута’).

Верхние концы клешней, связанные неподвижно сыромятным ремнем, называются *с'ийэслэн йьраз'ыз* (ШК) (*с'ийэс* ‘хомут’, *йьраз'* ‘изголовье’, -ыз — притяжательный суффикс 3-го лица, букв. ‘изголовье хомута’), *сийэслэн йьрыз* (УТ) (*сийэс* ‘хомут’, *йьр* ‘голова’, -ыз — притяжательный суффикс 3-го лица, букв. ‘голова хомута’), *сийэс йьл* (СС) (*сийэс* ‘хомут’, *йьл* ‘верхушка’, букв. ‘верхушка хомута’).

Хомутина (мягкая прокладка между клешнями и грудью лошади, предохраняющая тело животного от наминов; состоит из соломенного жгута, хорошо скрученного и обвитого лыком; жгут в средней части обивается войлоком и обшивается кожей

[СНОМП 2003: 97]) называется *с'улмос* (ШК, УТ, КП, СС) (*с'улм-* < *сюлэм* 'сердце, сердцевина' + *-ос* — словообразовательный суффикс), иногда употребляется в сочетании со словом *сийэс*: *сийэс с'улмос* (КП).

Понятие 'подхомутник' (войлочная прокладка под хомутом [ССРЛЯ 1960: 685]) передается словами общепермского происхождения *гын* (УТ), *гън* (СС) (ср.: коми *гын* 'войлок' < Общеп. *gün* 'войлок') и словосочетаниями *сийэс гын* (УТ), *сийэс гън* (КП) (*сийэс* 'хомут', *гын* 'войлок').

В значении 'супонь' (ремень для стягивания хомута при запряжке лошади [ССРЛЯ 1963: 1203]) функционируют сложные слова *мылаз'кыскон* (УТ), *мылас'кыскон* (УВ), *мълас'къскон* (ШК, ЧК, КП), *мълаз'къскэт* (КП), *мълас'къскэт* (КП, СС) (*мылаз'*, *мылас'*, *мълаз'*, *мълас'* 'грудь', *кыскон*, *къскон*, *къскэт* — сущ. от глаг. *кыскыны* 'подтянуть, стянуть', букв. 'подтяжка груди').

Гуж (кожаная или веревочная петля у хомута, служащая для скрепления оглобли с дугой [ССРЛЯ 1954: 473]) обозначается словосочетаниями: *у'чыс кал* (УТ, УВ), *у'чыс кал* (ШК, ЧК, КП, СС) (*у'чыс*, *у'чыс* 'клешни хомута', *кал* 'завязка, шнур'), *сийэс кал* (СС) (*сийэс* 'хомут', *кал* 'шнур, завязка').

Выемки на концах дуги, сделанные для того, чтобы гуж не скользил, называются *буко гърк* (КП) (*буко* 'дуга', *гърк* 'углубление, выемка').

В значении 'оглобля' (одна из двух жердей, укрепленных концами на передней оси экипажа и служащих для запряжки лошади [ССРЛЯ 1959: 609]) используются лексемы общепермского происхождения *вайыж* (УТ, Л), *вайъж* (ШК, ЧК, КП, СС), *вайъш* (ЧК) (ср.: коми *вож* 'оглобля' < Общеп. **wož-* [КЭСК 1999: 60]. В словаре указывается, что слово *вайыж*, вероятно, образовалось по контаминации из *vaj* 'развилина, ветка' и *waž* 'оглобля'; волокуши делались из целого дерева, в которых оглоблями служили толстые ответвления (развилины) дерева [КЭСК 1999: 60]).

Общая деталь при снаряжении верхового и упряжного коня — узда (часть сбруи (ремни с удилами и поводьями), надеваемая на голову упряжного животного [ССРЛЯ 1964: 392]). В этом значении бытует слово общепермского происхождения *с'эрмэт* (ЧК, Л, УТ, КП, СС) (ср.: коми *сермёд* 'тж.' < Общеп. **s'ermet* 'узда' [КЭСК 1999: 251]). Зафиксирован фонетический вариант *чэрмэт* (ШК). Конструкция конской узды подробно описана в книге В. Б. Ковалевской «Конь и всадник» (1977). «Оголовье состоит из соединенных между собой ремней, цель которых — так укрепить удила, чтобы лошадь не могла их сбросить во время движения или при остановке, а также чтобы они не натерли губы или язык» [Ковалевская 1977: 15]. В южно-удмуртских говорах нами были за-

фиксированы следующие формы: *къмъспъкэт* (ЧК) в значении 'поперечный ремень на лобной части узды' (*къмъс* 'лоб', *пъкэт* — сущ от глаг. *пыкыны* 'подпирать', букв. 'подпорка лба'), *нърпъкэт* (ЧК), *нър вамэнэс* (УТ) 'поперечный ремень, проходящий по переносице' (*нър* 'нос', *пъкэт* — сущ от глаг. *пыкыны* 'подпирать', букв. 'подпорка носа') (*нър* 'нос', *вамэн* 'поперечный, поперек' + *-эс* — словообразовательный суффикс).

В значении 'повод' (ремень, прикрепленный к удилам и служащий для управления лошастью [ССРЛЯ 1960: 115]) используется слово общепермского происхождения *зэз'* (ШК) (ср.: коми *резь* 'тж.' < Общеп. **rez'*, **rež'* 'поводок' [КЭСК 1999: 240]), иногда в сочетании со словом *с'эрмэт*: *с'эрмэт зэз'* (ЧК, КП), *с'эрмэт зэз'ы* (УТ) (*с'эрмэт* 'узда', *зэз'*, *зэз'ы* 'повод'). Лексическим синонимом является словосочетание *с'эрмэт кал* (СС) (*с'эрмэт* 'узда', *кал* 'завязка, шнур'). Это понятие передается также заимствованным словом *поводок* (КП) (< рус. *поводок*).

Удила (два металлических звена, прикрепленных к ремням узды и вдеваемых в рот лошади при ввездывании [ССРЛЯ 1964: 325–326]) называются *кортнэт* (ШК, ЧК, УТ, КП, СС) (*кортнэт* — сущ. от глаг. *кортнаны* 'обуздать').

В значении 'кольцо удил' зафиксировано словосочетание *с'эрмэтлэн кул'чойэз* (УТ) (*с'эрмэт* 'узда' + *-лэн* — суффикс родительного падежа, *кул'чо* 'кольцо' (< рус. *кольцо*) + *-йэз* — притяжательный суффикс 3-го лица, букв. 'кольцо узды').

Понятие 'подбородник' (ремешок узды под нижней губою лошади [ССРЛЯ 1960: 248]) передается словом *гурнэс* (УТ) (компонент *гур* употребляется также в сложном слове *гурул* 'подбородок'. Общеп. **gör-* 'горло' [КЭСК 1999: 78] + *-нэс* — словообразовательный суффикс) и словосочетанием *гурул йэ* (КП) (*гурул* 'подбородок', *йэ* 'ремень', букв. 'ремень подбородка').

Займствования из тюркских языков

В значении 'седелка' (часть конской упряжи — подушка под чересседельником [ССРЛЯ 1962: 562]) используется заимствованное из тюркских языков слово *эн'эрчак* (ШК, Л, ЧК, УТ, КП, СС) (< чув. *йёнерчэк*, тат. *ыңгырчак* 'тж.'). Зафиксирован фонетический вариант *эн'эрчаг* (КП). Железный остов седелки называется *эн'эрчак корт* (УТ, КП, СС) (*эн'эрчак* 'седелка', *корт* 'железо', букв. 'железо седелки').

Для обозначения подпруги (широкий ремень, затягиваемый под брюхом лошади и служащий для укрепления седелки [ССРЛЯ 1960: 542]) используются словосочетания *эн'эрчак кал* (ШК, ЧК, КП, СС) (*эн'эрчак* 'седелка', *кал* 'завязка, тесемка, шнур', букв. 'завязка седелки'), *эн'эрчак котул*

(УТ) (*эн'эрчак* 'седелка', *кѳт* 'брюхо', *ул* 'низ'). Ремень застегивается при помощи пряжки.

Понятие 'наглазник' (щиток на уздечке, мешающий пугливому животному смотреть вбок [ССРЛЯ 1958: 99]) передается лексемой *сурон* (ЧК, УТ). В данном случае наименование дано в зависимости от материала изготовления части узды, обычно это слово выступает в значении 'кожа' (в этом значении заимствовано из чув.: см. [Федотов 2, 30]).

В значении 'потник' (войлок, подкладываемый под седелку [ССРЛЯ 1960: 1617]) употребляются словосочетания *эн'эрчак гын* (УТ), *эн'эрчак гын* (КП, СС) (*эн'эрчак* 'седелка', *гын*, *гын* 'войлок', букв. 'войлок седелки').

Понятие 'дуга' (часть конской упряжи из тонкого согнутого ствола дерева, служащая для прикрепления оглобля к хомуту [ССРЛЯ 1954: 1150]) передается словом тюркского происхождения *буко* (ШК, Л, ЧК, УТ, КП, СС) (< чув. *нёкё* 'тж.').

Понятие 'возжи' (веревка (или длинный ремень), прикрепляемая с обеих сторон к узде и служащая для управления запряженной лошастью [ССРЛЯ 1951: 528]) передается заимствованными из тюркских языков лексемами *тэл'буго* [ЧК, УТ, КП, СС), *тэл'бид'о* (ШК, КП) (< тат., башк. *дилбегэ* 'тж.').

К снаряжению коня относится и подкова (изогнутая по форме копыта металлическая пластинка, прибиваемая к копыту снизу (для предохранения его от повреждений и скольжения [ССРЛЯ 1960: 397]). В этом значении используется слово тюркского происхождения *дага* (УТ, КП, СС) (< тат., башк. *дага* 'тж.'). Подковные гвозди называются *дага кор'йчоғ* (УТ, СС) (*дага* 'подкова', *кор'йчоғ* 'гвоздь').

Заимствования из русского языка

Пряжка также описывается русским заимствованием *пр'а-шка* (ЧК) (< рус. *пряжка*).

Лексическим синонимом удмуртского обозначения подбрюшника является заимствованное слово *подбр'у-ин'ик* (УТ) (< рус. *подбрюшник*).

В середине дуги располагалось кольцо — *кул'чо* (К, УТ, КП), *буко кул'чо* (ЧК, КП) (*буко* 'дуга', *кул'чо* 'кольцо' < рус. *кольцо*). На них вешают иногда колокольчики: *гырлы* (УТ), *гырль* (ШК, КП).

Тяж (ремень или веревка, натянутые от верхнего конца оглобли к оси переднего колеса для выравнивания хода экипажа [ССРЛЯ 1963: 1240]) обозначается заимствованиями из русского языка *чаж* (УТ, КП, СС), *чаж* (УТ, СС) (< рус. *тяж*).

В значении 'шляя' (часть упряжи в виде ремня, прикрепленного двумя концами к хомуту и огибающего все туловище лошади [ССРЛЯ 1965: 1472]) употребляются заимствованные из русского

языка лексемы *шл'эяа* (КП, УТ), *шл'а* (ШК), *шыл'а* (УТ), *шьл'а* (СС, ЧК, КП), *ш'л'а* (ЧК, КП), *шл'а* (КП) (< рус. *шляя*).

Таким образом, анализ слов и словосочетаний показывает, что основная часть наименований снаряжения упряжного коня в южно-удмуртских говорах имеют исконно пермское происхождение. Практически без изменения значения сохранились в этих говорах рефлексy общеperмских слов **s'ijes* 'хомут', **bičs-* 'пряжка', **učis* 'рогатка, деревянный ошейник', **waž* 'оглобля', **s'ermet* 'узда', **rez'*, **rež'* 'поводок' [КЭСК 1999].

Два из этих терминов имеют надежную финно-пермскую этимологию и, видимо, в праязыке описывали детали конской упряжи: Общеп. **waž* 'оглобля' < ФП **ajša* 'оглобля', [UEW] (> морд. *ažija* (Е), *ažjä* (М) 'оглобля'), это слово заимствовано из индоиранских языков, ср. ПИИ **aiša-* 'оглобля', Общеп. **s'ermet* 'узда' < ФП **šermVtti* 'узда' [Sammallahti 1988] (> мар. *šórmyč* (Л.), *sérmyc* (Г) 'узда').

Представляется, что наличие этих терминов позволяет согласиться с гипотезой В. В. Напольских [Напольских 2007] об использовании на финно-пермском уровне (рубеж III—II тыс. до н.э. — вторая половина II тыс. до н.э.) гужевого транспорта и скота для пахоты.

Это предположение позволяет сделать вывод об исконном характере упряжного коневодства у удмуртов, истоки которого уходят в III—II тыс. до н.э. Возможно, оно формировалось под влиянием контактов с какими-то из индоиранских племен (ср. в [UEW, Напольских 2007] гипотезы о заимствовании названий 'оглобли', 'свиньи', 'быка', 'овца' из индоиранских языков).

Большинство других терминов образованы с помощью сложения рефлексов общеperмских слов. В качестве словообразующего компонента часто выступают слова, указывающие на материал изготовления, предназначение или на часть тела лошади, на которую приходится часть сбруи. Также в образовании сложной лексики часто участвуют такие слова, как *гозы* 'веревка', *кал* 'завязка, шнур'.

Наряду с лексемами исконного происхождения выделяются слова, заимствованные из тюркских и русского языков. Некоторая часть названий конской сбруи образована способом сложения исконной и иноязычной основ. Интересно отметить, что тюркские заимствования в этой лексической группе в южно-удмуртских говорах появились сравнительно недавно. По крайней мере, по [КЭСК 1999] ни одно из наименований принадлежностей снаряжения упряжного коня, заимствованное в южно-удмуртских говорах из тюркских языков, не имеет параллелей в коми диалектах. Таким образом, в результате анализа можно сделать вывод, что несомненное тюркское влияние на технологии сна-

ряжения упряжного коня у удмуртов было сравнительно поздним, уже после распада пермской языковой общности.

Условные сокращения

Названия языков: башк. — башкирский язык; об-щеп. — общепермский праязык; рус. — русский язык; тат. — татарский язык; чув. — чувашский язык.

Названия населенных пунктов: КП — д. Карамас-Пельга Киясовского р-на; Л — д. Лялино Алнашского р-на; СС — д. Старая Салья Киясовского р-на; УВ — Удмуртский Вишур Алнашского р-на; УТ — Удмуртский Тоймобаш Алнашского р-на; ЧК — д. Чем-Куюк Алнашского р-на; ШК — д. Шадрасак-Кибья Алнашского р-на.

Список литературы

Ковалевская 1977 — Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977.

КЭСК 1999 — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

Лексика 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 1997.

Напольских 2007 — Напольских В. В. К реконструкции лингвистической карты центра европейской России // Древности, 2007, №4.

СНОМП 2003 — Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология. Справочник. СПб., 2003.

ССРЛЯ 1948—1965 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. Москва; Ленинград, 1948—1965.

Тараканов 1993 — Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993.

Федотов 1996 — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары, 1996.

UEW — Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1988.

Sammallahti 1988 — Sammallahti P. Historical Phonology of the Uralic Languages. // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988.

РЕЗЮМЕ

Анализ наименований снаряжения упряжного коня в южно-удмуртских говорах показывает, что основная часть слов и словосочетаний имеет исконно пермское происхождение. Практически без изменения значения сохранились в этих говорах рефлексy общепермских слов *s'ijes 'хомут', *būčэ- 'пряжка', *učis 'рогатка, деревянный ошейник', *waž 'оглобля', *s'ermet 'узда', *rež', *rež' 'поводок'. Два из этих терминов имеют надежную финно-пермскую этимологию. Это позволяет сделать вывод об исконном характере упряжного коневодства у удмуртов, истоки которого уходят в III—II тыс. до н.э.

SUMMARY

The analysis of harness tack vocabulary in southern dialects of Udmurt language shows, that a great number of words are indigenous. The reflexes of Perm words *s'ijes 'collar', *būčэ 'buckle', *učis 'wooden collar', *waž 'shaft', *s'ermet 'bridle', *rež', *rež' 'lead' are preserved practically without changes in the dialects. Two terms have Finno-Permian etymology. So, we can suggest that horse-breeding by Udmurts was indigenous and was developed in III—II century B. C.

Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий¹

В современном языкознании используется целый ряд транскрипционных систем, т. е. специальных способов записи человеческой речи для научно-лингвистических целей: транскрипция морфофонематическая, транскрипция словофонематическая, транскрипция узкая, транскрипция фонематическая (фонологическая), транскрипция фонетическая, транскрипция широкая [Ахманова 1966: 478—479]. Кроме того, различают классификации с основной артикуляторной ориентацией [Наделяев 1960], с артикуляторно-акустической [Ладефогед 1999] или только с акустической [Якобсон, Фант, Халле 1962]. «Одни из них связаны с традицией в какой-то области лингвистики, другие — с национальными и локальными традициями» [Кодзасов, Кривнова 2001: 319].

В данной статье сопоставляются две в основном артикуляторно ориентированные транскрипционные системы, с помощью которых можно выполнить как фонематическую, так и фонетическую запись речи. Одна из них — Международный фонетический алфавит (МФА), другая — Универсальная унифицированная фонетическая транскрипция (УУФТ) В. М. Наделяева.

МФА считается стандартом в современной западной лингвистике. Его распространением и развитием занимается Международная фонетическая ассоциация (МФА) (аббревиатуры для обозначения транскрипционной системы и ее коллективно-автора совпадают как в английском первоисточнике (IPA — International Phonetic Association / Alphabeth), так и в русском эквиваленте. По мнению С. В. Кодзасова и О. Ф. Кривновой, МФА прилагает большие усилия к тому, чтобы ее транскрипционная система вытеснила другие и стала

единственным общепринятым стандартом [Кодзасов, Кривнова 2001: 319].

УУФТ была разработана В. М. Наделяевым как унифицированная фонетическая транскрипция для языков народов СССР. В настоящее время УУФТ активно используется и развивается фонетистами Сибири (См. список исследований по языкам народов Сибири и сопредельных регионов, выполненных с использованием транскрипционной системы УУФТ, в статье [Селютина 2006: 20—36]).

Из истории создания МФА и УУФТ

МФА возникла еще в позапрошлом веке (Поль Пасси, Дэниэл Джонз) и с самого начала ставила своей целью унифицировать запись звучащей речи для всех языков мира на основе некоторой универсальной системы обозначений. В 1999 г. МФА опубликовала учебник для пользователей этой системы транскрипции [Handbook 1999].

УУФТ В. М. Наделяева построена на принципах, заложенных Л. В. Щербой [Щерба 1937]. Все особенности данной системы изложены в «Проекте Универсальной унифицированной фонетической транскрипции» [Наделяев 1960]. История появления УУФТ следующая: по решению Всесоюзного совещания по терминологии (май, 1959) при Институте языкознания АН СССР была организована специальная комиссия по разработке унифицированной фонетической транскрипции для языков народов СССР, которой было поручено исследовать все трудности согласования системы транскрипции, связанные с многообразием и различием языков народов СССР и с наличием разных традиций у иранистов, тюркологов, финноугроведов, кавказоведов, специалистов по языкам народов Севера и русских диалектологов. В результате этой работы было предложено выработать унифицированный проект транскрипции, что было крайне необходимо и для читателей публикаций, содержащих транскрибированный текст, и для упорядочения редакционно-издательской обработки лингвистических текстов, и для облегчения их полиграфического воплощения [Наделяев 1960: 3].

Графическая база и структура МФА и УУФТ

Для МФА и УУФТ графической базой является латиница (в МФА иногда используются заглавные буквы, в УУФТ это исключено — все буквы прописные). Но, поскольку знаков латинского ал-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 08-04-00409а «Атлас консонантных артикуляций в языках народов Сибири»).

Уртегешев Николай Сергеевич: кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (г. Новосибирск).

Селютина Ираида Яковлевна: доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН.

Эсенбаева Гулмира Амантуровна: кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института филологии СО РАН. Рыжикова Татьяна Раисовна: кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН.

Добринина Альбина Альбертовна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института филологии СО РАН.

фавита далеко не достаточно, чтобы отобразить все разнообразие звуков в языках мира, дополнительно вводится ряд греческих букв и довольно большое количество графем, представляющих собой некоторую модификацию романских и греческих литер. Однако существуют еще способы пополнить запас необходимых символов: первый из них — это использование диакритики, помещаемой сверху, снизу, справа или слева (слева — только в УУФТ) от основной буквы, а второй — использование знаков препинания и особых символов (больше характерно для МФА).

В отличие от УУФТ, процесс становления МФА был долгим. Сначала за основу транскрипции брали то существующий алфавит, выбранный из наиболее распространенных алфавитов, то сочетание существующих знаков с условными (см. обзор этих различных принципов в предложениях, принятых Копенгагенской конференцией в апреле 1925 г. [Марузо 2004]).

Транскрипционная система МФА представлена в виде несколько таблиц, схем и подсхем, содержащих:

- 1) символы для обозначения основных согласных (Consonants (Pulmonic));
- 2) символы для обозначения согласных, образуемых не на выдохе (Consonants (Non-Pulmonic));
- 3) другие знаки для передачи согласных (Other Symbols, Consonants (Co-articulated));
- 4) символы для обозначения гласных (Vowels);
- 5) диакритики для согласных и гласных (Diacritics);
- 6) знаки для суперсегментных признаков (Suprasegmentals).

По мнению разработчиков МФА, все эти компоненты отражают главные фонетические категории, необходимые для фиксации и изучения речи. Символы данной классификации представляют собой сокращенную форму описания звуков, которая опирается на эти категории [Ладефогед 1999: 25—26]. Кроме того, «...предполагается, что эта транскрипционная система способна отразить все лингвистически существенные звуковые элементы, встречающиеся в изученных языках мира. К таковым относятся не только смысловозначительные характеристики, но также специфические особенности произношения артикуляционно и функционально близких звуков в разных языках...» [Кодзасов, Кривнова 2001: 314].

УУФТ содержит разделы, в которых описаны фонетические признаки согласных и гласных звуков, приводятся способы передачи этих признаков в транскрипции и строятся классификации вокальных и консонантных элементов по их фонетическим признакам.

Для быстрого наведения справок в УУФТ приведены:

- 1) схематический сагиттальный левонаправленный разрез речевого аппарата;
- 2) таблица согласных звуков;
- 3) таблица гласных звуков;
- 4) алфавитный указатель фонетических терминов.

Поскольку целью данной статьи является выявление системы соответствий консонантных составляющих транскрипционных систем МФА и УУФТ, мы не рассматриваем здесь символы, используемые для обозначения гласных, и знаки, употребляемые для передачи суперсегментных характеристик. Ниже излагаются результаты детального анализа способов передачи консонантных настроек путем использования согласных литер, а также рассматриваются соответствующие диакритические системы МФА и УУФТ.

Передача согласных звуков в УУФТ и МФА

Для сопоставления и анализа используются разработанные МФА таблица согласных 2005 г. (таблица 1) и система диакритических знаков (см. ниже, таблица 8), размещенные на сайте: <http://ru.wikipedia.org/wiki/IPA>; таблица согласных УУФТ [Наделяев 1960: 64—65] с внесенными в нее более поздними изменениями взята из учебного пособия И. Я. Селютиной (таблица 2) [Селютина 2004: 40—41], диакритические знаки — из «Проекта универсальной унифицированной транскрипции ...» В. М. Наделяева [Наделяев 1960: 13—32]. В процессе работы над данной статьей были внесены изменения и дополнения в уже существующую в УУФТ систему основных и дополнительных знаков.

Классификационная таблица 1 содержит символы, используемые МФА для обозначения согласных. Структура таблицы по горизонтали отражает устройство речевого тракта в сагиттальном (продольном) разрезе с левонаправленным разворотом головы. Следует отметить, что принцип, заложенный при построении таблицы, — последовательное классифицирование согласных по месту образования их настроек, — многократно нарушается. Фактически при систематизации консонантов учитывается не только локус их образования (по терминологии УУФТ — пассивный орган артикуляции), но и активный орган продуцирования звука, либо тип конфигурации активного речевого органа (например, retroflex (*ретрофлексные*) согласные).

Соответствуют заявленной рубрикации лишь пять терминов — dental (*зубной*), alveolar (*альвеолярный*), postalveolar (*постальвеолярный*), palatal (*палатальный*), velar (*велярный*) — из двенадцати.

Термины bilabial (*губно-губной*) и labio-dental (*губно-зубной*) характеризуют звук по работе как активного, так и пассивного органов: губно-губ-

ные согласные произносятся либо при взаимной активности-пассивности верхней и нижней губ, либо активным органом образования губно-губных, так же как и губно-зубных, является нижняя губа, пассивным (т. е. местом образования) — верхняя.

Вызывает возражение и выделение в заголовке таблицы (по горизонтали) рубрики retroflex (*ретрофлексные*) согласные — данный термин служит для номинирования определенного типа переднеязычных настроек, продуцируемых при отогнутом вверх и назад кончике языка; по пассивному органу их можно отнести, скорее, к palatal (*палатальным*)².

Судя по рассматриваемой таблице, авторы МФА считают роль язычка при артикулировании uvular (*увулярных, язычковых*) согласных пассивной, в то время как массовые экспериментальные данные по языкам народов Сибири свидетельствуют о продуцировании увулярных консонантов при взаимной активности-пассивности задней части спинки (или спинки и корня) языка с увулой.

Pharyngeal (*фарингальные*) согласные образуются при взаимной активной работе корня языка и задней стенки фаринкса; Epiglottal (*эпиглоттальные*) — при активной работе эпиглоттиса; голосовые связки активно участвуют в артикулировании Glottal (*глоттальных*) консонантов, что также вступает в противоречие с заявленным разработчиками транскрипционной системы МФА принципом классификации по локусу артикуляции как общему признаку.

Трудно признать строго научным и принцип размещения согласных по вертикали таблицы: классификация начинается с назальных согласных и заканчивается латеральным хлопком. Авторы «Общей фонетики» в своем обзоре МФА (в версии 1993 г.) отмечают, что по вертикали показана степень сужения голосового тракта (от смычки до глайда) [Кодзасов, Кривнова 2001: 314].

На наш взгляд, разработчиками рассматриваемой таблицы делается попытка совместить по вертикали сразу несколько классификационных признаков: способ образования (смычность, щелинность, вибрантность), канальность выхода воздушной струи (ртовость, назальность), локализация шумообразующей щели (медиальность, латеральность).

Логичнее было бы nasal (*носовые*) и plosive (*взрывные*) объединить в класс смычных, дифференцировав их — в зависимости от канала выхода

воздушной струи — как *носовые* (с одноканальным носовым выходом воздушной струи) и *ртовые* (с одноканальным ртовым выходом воздушной струи). С другой стороны, термин plosive, характеризующий смычную консонантную настройку по третьей фазе артикуляции, не представляется удачным — и носовые, и ртовые смычные согласные, занимающие в таблице МФА первую и вторую строки, могут реализоваться в речи не только как смычно-взрывные (plosive), эксплозивные, но и как смычно-имплозивные (implosive), сомкнутые, артикуляция которых ограничивается экскурсией и выдержкой смычки, фаза взрыва отсутствует.

Не представляется последовательным и выделение в два класса фрикативных и латеральных фрикативных согласных — это подвиды щелевых артикуляций: медиальные и латеральные. Аналогичное возражение вызывает и выделение в самостоятельные рубрики латеральных аппроксимантов и латеральных хлопков. По-видимому, все представленные по вертикали согласные, кроме nasal и plosive, а также trill (*вибрантов*), относятся к классу щелевых, который следовало бы разделить на *серединные* и *боковые*.

Особого внимания заслуживают *вибрантные* (trill) артикуляции. Судя по их расположению в середине таблицы, в последовательности классов согласных фрикативного способа образования, настройки трактуются авторами как медиальнощелинноударные. В таком случае, в классификации не нашли своего отражения смычноударные дрожащие консонанты. На наш взгляд, целесообразнее было бы расположить класс вибрантов — как консонантов особого способа образования, отличных от смычных и фрикативных — внизу таблицы, без уточнения локализации щели (серединная, боковая).

Вызывает возражение отсутствие в таблице МФА, разрабатываемой как универсальная унифицированная классификационная таблица основных типов звуков в языках мира, класса аффрикат, продуктивно функционирующих в звуковых системах языков различной типологии.

Исключая вероятность неразличения составителями МФА сложных по способу образования артикуляций (смычно-щелевых, щелинно-смычных, щелинно-смычно-щелинных и т. д.), остается предположить, что данный класс консонантов не рассматривается авторами как входящий в число основных фонетических типов, к которым, тем не менее, отнесены хлопки и полугласные. Возможность аффрикативного или двойного произношения упоминается авторами лишь в дополнительной к основной таблице «Consonants (coarticulated)»: Affricates and double articulations may be joined by a tie bar (Аффрикаты и двойные артикуляции могут быть объединены дугой).

² «Retroflex (consonant) — ретрофлексный согласный, какуминальный согласный. Согласный, при произнесении которого кончик языка поднимается к вершине твердого неба» [Англо-русский словарь 1996: 502]. В отечественной фонетике принято различать ретрофлексные и какуминальные согласные как подтипы переднеязычных артикуляций, обусловленные конфигурацией спинки языка при их продуцировании.

THE INTERNATIONAL PHONETIC ALPHABET (2005)

CONSONANTS (PULMONIC)

	Bilabial	Labio-dental	Dental	Alveolar	Post-alveolar	Retroflex	Palatal	Velar	Uvular	Pharyngeal	Epi-glottal	Glottal
Nasal	m	ɱ	n			ɳ	ɲ	ŋ	ɴ			
Plosive	p b	ɸ β	t d			ʈ ɖ	c ɟ	k ɡ	q ɢ			
Fricative	ɸ β	f v	θ ð	s z	ʃ ʒ	ʂ ʐ	ç ʝ	x ɣ	χ ʁ	ħ ʕ	ħ ʕ	h ɦ
Approximant		ʋ	ɹ			ɻ	j	ɰ	ʁ			
Trill	ʙ		r						ʀ			
Tap, Flap		ⱱ	ɾ			ɽ						
Lateral fricative			ɬ ɮ			ɮ̥	ɬ̥	ɬ̥	ɬ̥			
Lateral approximant			l			ɭ	ɭ	ɭ	ɭ			
Lateral flap			ɺ			ɺ	ɺ	ɺ	ɺ			

Where symbols appear in pairs, the one to the right represents a modally voiced consonant, except for murmured ɦ. Shaded areas denote articulations judged to be impossible. Light grey letters are unofficial extensions of the IPA.

CONSONANTS (NON-PULMONIC)

Anterior click releases (require posterior stops)	Voiced implosives	Ejectives
⦿ Bilabial fricated	ɓ Bilabial	ʼ Examples:
ɮ Laminar alveolar fricated ("dental")	ɗ Dental or alveolar	pʼ Bilabial
ɠ Apical (post)alveolar abrupt ("retroflex")	ɟ Palatal	tʼ Dental or alveolar
ɰ Laminar postalveolar abrupt ("palatal")	ɡ Velar	kʼ Velar
ɮ̥ Lateral alveolar fricated ("lateral")	ɠ Uvular	sʼ Alveolar fricative

CONSONANTS (CO-ARTICULATED)

- ɱ Voiceless labialized velar approximant
- ʋ Voiced labialized velar approximant
- ɰ Voiced labialized palatal approximant
- ɟ Voiceless palatalized postalveolar (alveolo-palatal) fricative
- ʝ Voiced palatalized postalveolar (alveolo-palatal) fricative
- ɬ Simultaneous x and ʃ (disputed)
- kp ts Affricates and double articulations may be joined by a tie bar

Поскольку таблица МФА относится к числу универсальных, в ней классифицируются не только уже известные лингвистам согласные звуки, но и все возможные, если исходить из особенностей речевого аппарата человека, консонанты. Внутри самой таблицы есть незаполненные клетки с заливкой и без нее. Считается, что в первом случае соответствующие звуки по своей природе невозможны, тогда как во втором предполагаемые артикуляции могут быть зафиксированы в неизученных или слабоизученных языках мира. Однако в некоторых случаях интерпретация гипотетических консонантных настроек как невозможных не представляется безусловной. В качестве примера можно привести фарингальные, обозначенные в таблице МФА как plosive. Авторами данной статьи были выявлены аудитивно и подтверждены экспериментально (методом статического рентгенографирования) фарингальные смычные глухие и звонкие согласные на материале шорского (рис. 1) [Уртегешев 2002: 249—250] и барабинско-татарского [Рыжикова 2005] языков. Позднее аналогичные артикуляции были зафиксированы в ряде тюркских языков Южной Сибири.

Не нашлось места в данной таблице МФА и среднеязычным согласным типа k, ɡ, x, ɣ, выявленным в языках разных систем, например, в одном из индоевропейских — русском [Скалозуб

1963], а также в южносибирских тюркских языках, в частности, в шорском [Уртегешев 2002].

Приведенные выше аргументы свидетельствуют о необходимости более последовательного проведения принципа строго научного подхода при классифицировании звуков, требующего единообразия и универсальности критериев, по которым осуществляется систематизация звуков.

Рассмотрим с указанных позиций универсальную унифицированную фонетическую транскрипционную систему согласных звуков, разработанную В. М. Надеяевым и получившую в дальнейшем развитие на материале многочисленных языков народов Сибири и сопредельных регионов (таблица 2). Как уже отмечалось выше, система базируется на классификации звуков, разработанной Л. В. Щербой [Щерба 1937: Приложение, табл. 2; Зиндер 1979: 150—151]. В ее основу положен принцип построения таблицы химических элементов Д. И. Менделеева: в ней представлены не только известные лингвистам звуки различных языков мира, но и все теоретически возможные артикуляции, т. е. те звуки, которые еще могут быть обнаружены в малоисследованных или неисследованных языках. Она построена не на основании имеющихся конкретных знаний, а исходя из возможностей человеческого артикуляционного аппарата.

**Типы согласных по основному активному (преградообразующему) органу
и способу образования преграды**

По основному активному органу (с уточнениями по его конфигурации и по пассивному органу)			Губные		Переднеязычные				Среднеязычные	Межзубно-язычные	Заднеязычные	Язычковые	Глоточные		Надгортанные	Гортанные			
			по пассивному органу		по конфигурации передней части спинки языка								верхние	нижние					
			губные	зубные	спинковые	кончикковые	вершинковые	отогнутовершинковые											
Простые	Смычные	сильные-слабые	p b	p ₂ b ₂	t̥ d̥	ṭ ḍ	t̰ d̰	t̩ d̩	h ɦ	k ɢ	k ɢ	q ɕ	q̠ ɕ̠	q̡ ɕ̡	β ʙ	ʔ ʕ			
		глухие-звонкие																	
		сверхслабые	m̥ m̥	m̥ m̥	n̥ n̥	n̥ n̥	ɲ̥ ɲ̥	ɳ̥ ɳ̥	ɹ̥ ɹ̥	ɰ̥ ɰ̥	ɸ̥ ɸ̥	ɸ̥ ɸ̥	ɕ̥ ɕ̥	ɕ̥ ɕ̥					
		глухие-звонкие	m m	m m	n n	n n	ɲ ɲ	ɳ ɳ	ɹ ɹ	ɰ ɰ	ɸ ɸ	ɸ ɸ	ɕ ɕ	ɕ ɕ					
	Целевые	срединные	плоско-целевые	сильные-слабые	ɸ β	f v	θ̥ ð̥	θ̣ ð̣	ʃ̥ ʒ̥		ç ʝ	x ɣ	x ɣ	χ ʁ	x ʁ	h ɦ	ç ʁ	ʔ ʕ	
				глухие-звонкие															
			сверхслабые	β̥	v̥						j̥	ɣ̥	ɣ̥	ʁ̥	ʁ̥				
			глухие-звонкие								j	ɣ	ɣ	ʁ	ʁ				
		кругло-целевые	сильные-слабые	w̥ w̥		s̥ z̥	ṣ ẓ	s̰ z̰	s̩ z̩										
			глухие-звонкие	w w		s z	s z	s z	s z										
			сверхслабые	w̥		z̥	z̥												
			глухие-звонкие			z	z												
	боковые	сильные-слабые	глухие-звонкие			ɬ̥ ɮ̥	ɬ̣ ɮ̣			ʎ̥		ɹ̥		ɻ̥					
			глухие-звонкие							ʎ		ɹ		ɻ					
		сверхслабые	глухие-звонкие							ʎ̥		ɹ̥		ɻ̥					
глухие-звонкие									ʎ		ɹ		ɻ						
Мгновенно-преградные	сильные-слабые	глухие-звонкие	p̥ b̥		ɾ̥ ɻ̥	ɾ̣ ɻ̣						ç̥ ʁ̥	ç̥ ʁ̥						
		глухие-звонкие											ç̣ ʁ̣	ç̣ ʁ̣					
	сверхслабые	глухие-звонкие											ç̥ ʁ̥						
		глухие-звонкие											ç̣ ʁ̣						
Сложные	Смычно-щелиные	срединные	плоскощелевые	p̥ɸ β̥	p̥ɸ ₂ b̥v̥		θ̥ ð̥ ʃ̥ ʒ̥	θ̣ ð̣ ʃ̣ ʒ̣		h̥ç h̥ʝ h̥ʝ h̥ç'	k̥ç ɢ̥ʝ k̥ç ɢ̥ʝ	q̥χ ɕ̥ʁ	q̥ç ɕ̥ʁ						
			круглощелевые	p̥w b̥w		ts̥ dz̥	tṣ dẓ												
		боковые				ɬ̥ ɮ̥													
	Щелино-смычные	срединные	плоскощелевые				ʃ̥ ʒ̥												
			круглощелевые				st̥ z̥d̥												
		боковые				ɬ̥ ɮ̥													
	Щелино-смычно-щелиные	срединные	плоскощелевые									x̥k̥χ̥	χ̥q̥χ̥						
			круглощелевые																
		боковые	плоскощелевые																
			круглощелевые																

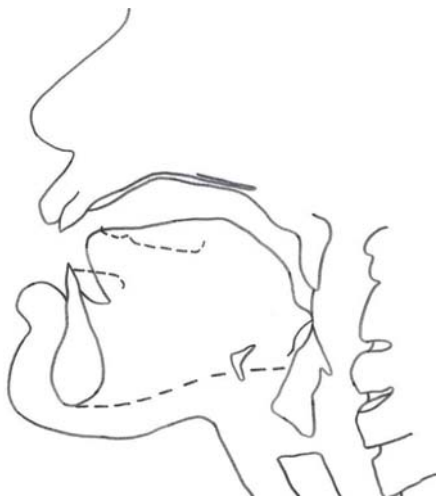

Рис. 1. Звук «q» в финальной поствокальной позиции -V[C] в словоформе ақ «?лq» 'белый'³

В таблице УУФТ два измерения: по одной из координат (по вертикали) звуки дифференцируются по способу образования шумообразующей преграды, по другой (по горизонтали) — по основному активному артикулирующему органу. Остальные классификационные признаки согласных отражены в таблице путем деления соответствующих клеток.

По способу образования все согласные разделены на простые (смычные, щелевые, мгновенно-преградные) и сложные (смычно-щелевые, щелино-смычные, щелино-смычно-щелиные); простые щелевые различаются в зависимости от локализации щели как срединные и боковые, срединные, в свою очередь, делятся по форме щели на плоскощелевые и круглощелевые. Аналогичное разбиение проводится и в классе сложных артикуляций в соответствии с расположением и формой щелевого компонента сложного звука.

Последовательно проводя систематизацию согласных настроек по основному активному артикулирующему органу — от губных до надгортанниковых (горизонтальная головка таблицы), В.М. Надеяев вводит необходимые, имеющие типологическую значимость уточнения: по пассивному органу произношения для губных — губно-губные, губно-зубные; по конфигурации передней части спинки языка для переднеязычных — спинковые (дорсальные), кончиковые (апикальные), вершинковые (какуминальные), отогнутовершинковые (ретрофлексные); по локализации шумообразующей преграды для глоточных — верхнегло-

точные, нижнеглоточные. Позднее в классе язычных согласных кроме передне-, средне- и заднеязычных были выделены межзубноязычные⁴ настройками.

На рис. 2—3 представлены схемы речевого аппарата в сагиттальном разрезе с левым разворотом головы с обозначением отделов резонаторной полости, активных и пассивных органов артикуляции [Надеяев 1960: 11—15, 63; Надеяев 1980: 65—69; Селюткина 2004: 18—22]:

Активные органы речи (обозначены строчными латинскими буквами и римскими цифрами):

нижняя губа (I) — губные (лабиальные);

спинка языка (контур a–g, II) — язычные согласные:

кончик языка (a) — переднеязычные кончиковые согласные (апикальные, какуминальные, ретрофлексные);

передняя часть спинки языка (b) — переднеязычные (дорсальные) согласные;

средняя часть спинки языка (c) — среднеязычные согласные;

межзубная часть спинки языка (d) — межзубноязычные согласные;

задняя часть спинки языка (e) — заднеязычные согласные;

корень языка (контур g–i, f, III) — корнеязычные согласные (см. *верхне- и нижнефарингальные* согласные);

мягкое небо (IV) — мягконебные (велярные) согласные;

маленький язычок (V) — язычковые (увулярные) согласные;

надгортанник (VI) — надгортанниковые (эpigлоттальные) согласные;

подвижные стенки верхней, точнее, средней части глотки (фаринкса), и средне-верхняя часть корня языка (VII) — верхнеглоточные (верхнефарингальные);

⁴ В традиционной фонетике принято выделять только три части спинки — переднюю, среднюю, заднюю. Но анализ большого экспериментального материала, собранного по языкам народов Сибири в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института филологии Сибирского отделения Российской Академии наук, показал высокую частотность настроек гласных и согласных звуков, образующихся при активной работе межзубной части языка. Межзубная часть спинки языка определяется следующим образом: вся спинка языка делится на три части; первая из них, прилегающая к кончику языка — передняя; часть, оставшаяся после выделения передней части спинки языка, снова делится на три: среднюю, межзубную и заднюю (можно привести вспомогательные формулы: $b = ag:3$; $c = d = e = (ag-b):3$, где a — кончик языка, g — точка, разграничивающая спинку и корень языка). Межзубноязычные согласные имеют постоянную слаболатализованную окраску.

³ C — любой согласный, V — любой гласный, S — любой щелевой согласный.

подвижные стенки нижней части глотки (фаринкса) и средне-нижняя часть корня языка (VIII) — нижнеглоточные (нижнефарингальные) согласные⁵;

голосовые связки в гортани (IX) — гортанные (ларингальные).

Пассивные органы речи (обозначены арабскими цифрами):

верхняя губа (1) — губные;

край верхних передних зубов (2) — краезубные;

задняя (лингвальная) поверхность передних верхних зубов (3) — зазубные;

передний (дентальный) склон альвеолярного валика (от корней передних верхних зубов до гребня альвеол) (4) — переднеальвеолярные (~ преальвеолярные);

гребень альвеол (5) — альвеолярные;

задний (лингвальный) склон альвеолярного валика (6) — заднеальвеолярные (~ постальвеолярные, заальвеолярные);

передняя часть твердого неба (первая половина твердого неба от основания альвеолярного валика до середины твердого неба) (7) — переднетвердонебные;

задняя часть твердого неба (вторая половина твердого неба от середины твердого неба до мягкого неба, условно отграниченного перпендикуляром, опущенным из конца небной кости) (8) — заднетвердонебные;

передняя часть мягкого неба (первая половина) (9) — переднемягконебные;

задняя часть мягкого неба (вторая половина до кончика маленького язычка) (10) — заднемягконебные;

⁵ Результаты анализа инструментального материала по языкам народов северо-восточной Евразии, полученного соматическими методами исследования, указывают на целесообразность разбиения глоточного отдела резонаторной полости (от гортани до носоглотки) на три части: зевную, корнеязычную и надгортанниковую. В артикулировании и модулировании звуков речи важную роль играет корнеязычная зона глотки, в то время как задняя стенка зевной части глотки может выступать только в роли пассивного звукообразующего органа, а надгортанниковая зона резонатора — только в роли модулятора.

Наиболее продуктивный в речеобразовании корнеязычный отдел глотки делится на две неравные части. В верхней из них, составляющей примерно 3/5 корнеязычного отдела фаринкса, основными взаимно активно-пассивными органами являются подвижные стенки соответствующей части глотки (фаринкса) и средне-верхняя часть корня языка. В нижней части корнеязычного отдела фаринкса, составляющей 2/5 его, основными взаимно активно-пассивными органами являются подвижные стенки соответствующей части глотки (фаринкса) и средне-нижняя часть корня языка.

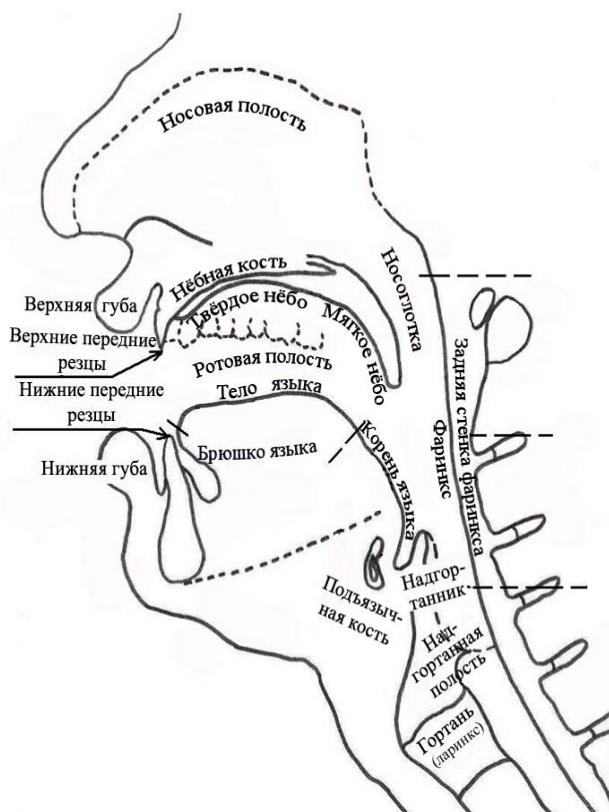

Рис. 2. Схема речевого аппарата

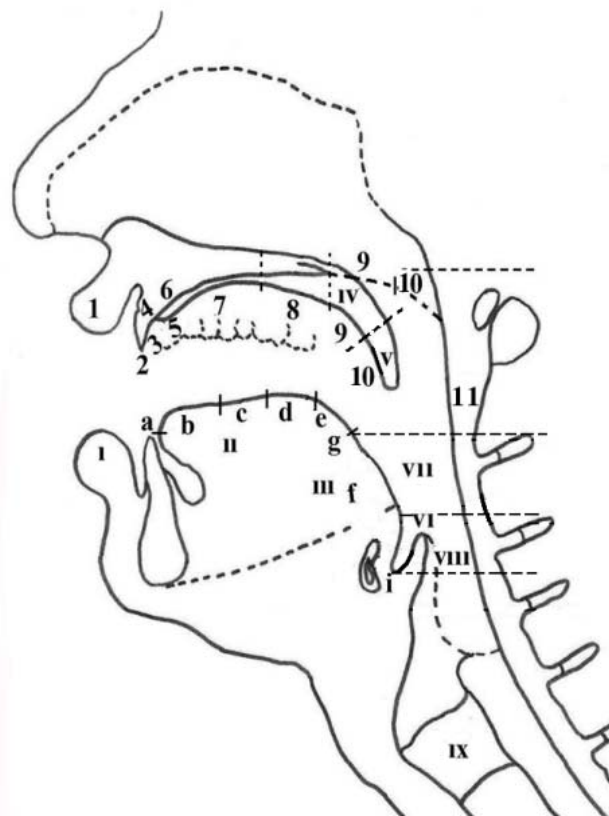

Рис. 3. Схема активных и пассивных органов речи

Таблица 4

**Соответствия транскрипционных символов, передающих настройки
щелкающих согласных в системах МФА и УУФТ**

МФА		УУФТ	
Обозначение	Значение	Обозначение	Значение
⊖	Билабиальный	p̥	Билабиальный (губно-губной)
	Ламинальный альвеолярный («дентальный»)	t̥	Переднеязычный апикальный альвеолярный
!	Апикальный (пост-)альвеолярный («ретрофлексный»)	t̥̠	Переднеязычный ретрофлексный переднетвердонебный
‡	Ламинальный постальвеолярный («палатальный»)	h̥	Переднеязычно-среднеязычный переднетвердонебный
	Латеральный альвеолярный	l̥	Переднеязычный апикальный дентальный или альвеолярный латеральный

Таблица 5

**Соответствия транскрипционных символов, передающих настройки
гортанносмычных приподнятых согласных в системах МФА и УУФТ**

МФА		УУФТ	
Обозначение	Значение	Обозначение	Значение
pʰ	Билабиальный	pʰ	Губно-губной смычный
tʰ	Альвеолярный	tʰ	Переднеязычный апикальный альвеолярный смычный
kʰ	Велярный	kʰ	Заднеязычный мягконёбный смычный
sʰ	Альвеолярный фрикативный	sʰ	Переднеязычный апикальный альвеолярный щелевой

Недыхательные согласные

Кроме пульмонических согласных, в языках мира существуют нелегочные (непульмонические): щелкающие (щелчки), или всасывающие, и согласные, различающиеся по параметрам глотального движения — эйективные и инъективные в терминах МФА и гортанносмычные — приподнятые и опущенные — в системе УУФТ.

Щелкающие согласные

В транскрипционной системе МФА для обозначения щелкающих консонантов существуют специальные — небуквенные — знаки (всего 5 символов — таблица 4). В УУФТ такие знаки отсутствуют. Для передачи щелкающих согласных в УУФТ используются литеры звуков, соответствующих по месту и способу образования, справа вверху у которых ставится диакритический знак ‘гусиная лапка направо’ « ˈ » [Наделяев 1960: 11].

Гортанносмычные приподнятые согласные

Эйективные согласные, артикулируемые при поднимающейся вверх сомкнутой гортани, в системе МФА обозначаются запятой, проставляемой справа вверху у соответствующей буквы. В разработанном В. М. Наделяевым «Проекте универсальной унифицированной фонетической транскрипции» им соответствуют гортанносмычные со-

гласные (абруптивы), при продуцировании которых акустический эффект энергичного взрыва гортанной смычки накладывается на акустический эффект взрывного размыкания смычки в полости рта; для их обозначения используется знак « ˈ » — ‘новый полумесяц’ справа вверху у литеры [Наделяев 1960: 30]. Результаты дальнейших исследований свидетельствуют о целесообразности квалификации данных согласных как гортанносмычных приподнятых, в отличие от рассматриваемых ниже гортанносмычных опущенных. Гортанносмычные приподнятые согласные, система соответствий которых приведена в таблице 5, всегда реализуются как глухие.

Гортанносмычные опущенные согласные

В отличие от эйективных или гортанносмычных приподнятых согласных (в терминологии МФА и УУФТ соответственно), импловзивные (МФА) или гортанносмычные опущенные (УУФТ) консонанты артикулируются при опускающейся вниз сомкнутой гортани (таблица 6). Для данной группы согласных в обеих транскрипционных системах отсутствуют специальные знаки. В МФА к соответствующему звонкому согласному сверху пристегивается ‘крючок’, в УУФТ у литеры справа внизу проставляется диакритический знак « , » — ‘новый полумесяц’. Гортанносмычные опущенные всегда реализуются как звонкие.

Таблица 6

**Соответствия транскрипционных символов,
передающих настройки гортанносмычных
опущенных согласных в системах МФА и УУФТ**

МФА		УУФТ	
Обозначение	Значение	Обозначение	Значение
ɸ	Билабиальный	b,	Губно-губной
ɖ	Дентальный или альвеолярный	d,	Переднеязычный апикальный альвеолярный
ʃ	Палатальный	ʃ,	Среднеязычный твердонебный
ʒ	Велярный	ʒ,	Заднеязычный мягконебный
ʕ	Увулярный	ʕ,	Увулярный-заднеязычный

Коартикулированные согласные

Кроме таблиц пульмонических и неппульмонических согласных, разработчики МФА приводят перечень «Других символов» (Other Symbols) [Ладефогед 1999: 29, 31; Кодзасов, Кривнова 2001: 316], озаглавленный на сайте Википедия уже как «Согласные (коартикулированные)» (Consonants (co-articulated)) [<http://ru.wikipedia.org/wilki>]. Трудно не согласится со следующим высказыванием С. В. Кодзасова и О. Ф. Кривновой: «Логика объединения в этой группе очень употребительной фонемы w, крайне редких эпиглоттальных смычных и дужки для обозначения аффрикат (и двойных артикуляций — уточнение авторов данной статьи) непонятна. По существу, это неструктурированное собрание совершенно разных по функции средств записи» [Кодзасов, Кривнова 2001: 317]. Ниже будут рассмотрены коартикулированные согласные.

Представляется целесообразным разграничить консонантные настройки с двойной шумообразующей преградой, выделяемые МФА в составе коартикулированных согласных, на три группы: 1) аффрикаты (смычнощелевые) — сложные по способу образования согласные, при продуцировании которых смычка во второй фазе артикуляции переходит в узкую щель в начале третьей фазы — преграды последовательно сменяют одна другую; 2) простые по способу образования согласные с двойной одновременной преградой, каждая из которых может быть квалифицирована как основная; 3) простые по способу образования согласные с двойной одновременной преградой, одна из которых может быть квалифицирована как дополнительная. Два последних типа настроек можно рассматривать как двухфокусные с различным статусом артикуляционных фокусов.

Для передачи аффрикат в МФА и в УУФТ используется лига, соединяющая символы компонентов сложного звука, но в системе МФА это верхняя (надстрочная) лига, в УУФТ — нижняя (подстрочная).

Согласные с двойной одновременной основной преградой обозначаются в МФА аналогично аффрикатам — верхней соединяющей дужкой. В УУФТ же отсутствуют специальные обозначения, хотя подобные артикуляции отмечаются в языках Сибири, например, шорские двухфокусные — смычный « $\underline{m}^{\sim} \underline{n}$ » в словоформе *аңма* « $\{ \lambda^{\sim} \underline{n} \cdot \underline{m}^{\circ} \lambda^{\circ} \sim \lambda^{\circ} \underline{m}^{\circ} \lambda^{\circ} \}$ или $\{ \lambda \underline{m}^{\sim} \underline{n} \cdot \underline{m}^{\circ} \lambda^{\circ} \}$ » ‘со зверем’ (рис. 4) [Уртегешев 2004: 202—203] или щелевой « $\underline{v}^{\sim} \underline{q}$ » в словоформе *таг* « $\{ \lambda \underline{v}^{\sim} \underline{q} \}$ » ‘гора’ (рис. 5) [Уртегешев 2004: 189—190]. Использование надстрочной соединительной лиги для обозначения артикуляций рассматриваемого типа представляется удачным с точки зрения дифференциации символики аффрикат $\underline{C}\underline{C}$ и двухфокусных $\underline{C}\underline{C}$.

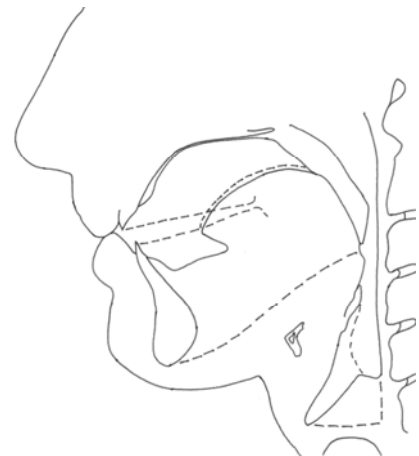

Рис. 4. Звук « $\underline{m}^{\sim} \underline{n}$ » или « $\underline{m}^{\sim} \underline{n}$ » в медиальной поствокально-преназальноносонантной позиции -V[C]M- в словоформе *аңма* « $\{ \lambda^{\sim} \underline{n} \cdot \underline{m}^{\circ} \lambda^{\circ} \sim \lambda^{\circ} \underline{m}^{\circ} \lambda^{\circ} \}$ или $\{ \lambda \underline{m}^{\sim} \underline{n} \cdot \underline{m}^{\circ} \lambda^{\circ} \}$ » ‘со зверем’

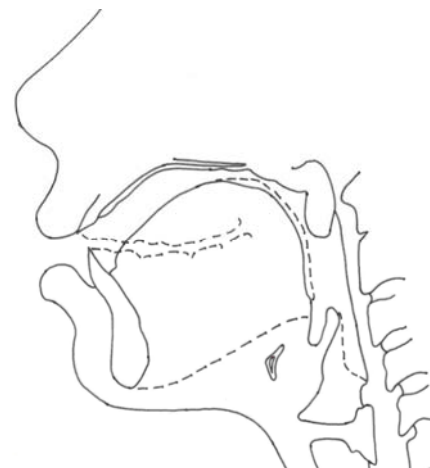

Рис. 5. Звук « $\overline{y}^{\circ}q$ » в финальной поствокальной позиции -V[C] в словоформе *таг* « $t\lambda\overline{y}^{\circ}q$ » 'гора'

Третий тип согласных, входящих в алфавите МФА в группу коартикуляционных единиц, — палатализованные и веляризованные — в системе УУФТ квалифицируются как настройки с дополнительной артикуляцией активных органов. Если основная артикуляция органов речи продуцирует характерный для данного звука шум, то дополнительная меняет лишь окраску, тембр звука. К дополнительным артикуляциям относятся лабиализация, палатализация, веляризация, фарингализация, ларингализация, назализация.

В МФА для палатализованных и веляризованных согласных настроек вводятся специальные буквенные символы, что перегружает транскрипционную систему, увеличивает число литер для

запоминания, требует разработки гарнитуры для печати и для использования компьютерных программ при расшифровке звуковых файлов.

В УУФТ для обозначения согласных с дополнительной артикуляцией используются специальные диакритические знаки (см. таблицу 8). Использование диакритики в данных случаях представляется более рациональным, например, звуки, транскрибируемые в МФА литерами ϕ , ζ , ψ , в УУФТ обозначаются буквами соответствующих согласных со знаком палатализации: s' , z' ; w' .

Транскрипционная символика, используемая в алфавитах МФА и УУФТ для передачи консонантных настроек, условно обозначенных как коартикуляционные, сопоставлена в таблице 7.

Таблица 7

Соответствия транскрипционных символов, передающих настройки «коартикулированных» согласных в системах МФА и УУФТ

МФА		УУФТ	
Обозначение	Значение	Обозначение	Значение
m	Глухой лабиализованный велярный аппроксимант	w	Губно-губной глухой круглощелевой сильновеляризованный щелевой
w	Звонкий лабиализованный велярный (или лабиовелярный) аппроксимант	w	Губно-губной звонкий круглощелевой сильновеляризованный щелевой
ψ	Звонкий лабиализованный палатальный (или лабиовелярный) аппроксимант	w'	Губно-губной звонкий круглощелевой умереннопалатализованный щелевой
ϕ	Глухой палатализованный постальвеолярный (альвео-палатальный) фрикатив	s'	Глухой переднеязычный альвеолярно-переднетвердонебный щелевой умереннопалатализованный или переднеязычно-среднеязычный альвеолярно-переднетвердонебный щелевой
ζ	Звонкий палатализованный постальвеолярный (альвео-палатальный) фрикатив	z'	Звонкий переднеязычный альвеолярно-переднетвердонебный щелевой умереннопалатализованный или переднеязычно-среднеязычный альвеолярно-переднетвердонебный щелевой
fj^7	Глухой палатально-велярный фрикатив	\overline{fx}	Глухой щелевой переднеязычный переднетвердонебный — заднеязычный мягконебный
\overline{kp}	Глухой лабиовелярный взрывной	\overline{p}^k	Глухой взрывной губно-губной — заднеязычный мягконебный
\overline{gb}	Звонкий лабиовелярный взрывной	\overline{b}^g	Звонкий взрывной губно-губной — заднеязычный мягконебный
—	—	η или \overline{m}^n	Звонкий взрывной назальный губно-губной — заднеязычно-корнеязычный мягконебно-увулярный
$\overline{\eta m}$, η^m	Звонкий лабиовелярный взрывной назальный	\overline{m}^{η}	Звонкий взрывной назальный губно-губной — заднеязычный мягконебный
—	—	$\overline{y}^{\circ}q$	Звонкий щелевой межзубноязычно-заднеязычный заднетвердонебно-велярный — увулярный / корнеязычный

⁷ [fj] описывается как «одновременный [j] и [x]». Однако это оспаривается [<http://ru.wikipedia.org/wilki>].

Диакритика

Диакритика – специальные значки при букве, показывающие, что ее надо читать иначе, чем без данного знака или с другим диакритическим знаком [Ахманова 1966: 159]. В обеих транскрипционных системах — МФА и УУФТ — имеется определенный набор специальных различительных символов. Их количество зависит от того, насколько развита та или иная система, насколько детально анализируются звуки с точки зрения артикуляции и акустики.

П. Ладефогед считает, что тех знаков, которые имеются в таблице диакритик МФА, достаточно для дополнительного детального описания фонетических сегментов [Ладефогед 1999: 26]. С точки зрения последователей УУФТ предложенная система диакритики нуждается в совершенствовании. Кроме того, в МФА в некоторых случаях одним и тем же дополнительным символом передаются разные артикуляции, например, веляризация и фарингализация обозначаются знаком «~» — [ʁ], что совершенно недопустимо при строго научном подходе к транскрибированию. С другой стороны, такие базовые дополнительные артикуляции, как

палатализация и веляризация, имеют в МФА буквенное обозначение, представляющееся не вполне удачным (таблица 8). В МФА совершенно не рассматривается напряженность звуков, хотя этот признак выступает во многих языках как фонематический, определяющий систему.

На наш взгляд, учет мельчайших нюансов артикулирования звуков крайне важен. Благодаря этим тонкостям, отличаются произносительные нормы близкородственных языков, диалектов одного языка или говоров одного диалекта. Незначительных различий в степени палатализованности или веляризованности (слабая или умеренная) вполне достаточно, чтобы носители разных диалектов определили место проживания говорящего. Кроме того, в фонологической системе языка степень выраженности той или иной характеристики может выступать и в роли дополнительного конститутивно-дифференциального признака фонем, например: шорское эм «ʁ'z'm'» «лекарство», в то время как эм «ʁ'z'm'» «дом».

Ниже представлена таблица, в которой сопоставляются диакритические системы УУФТ и МФА (таблица 8).

Таблица 8

Сопоставительная таблица диакритических знаков в транскрипционных системах УУФТ и МФА

УУФТ			МФА		
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ АРТИКУЛЯЦИЯ					
Лабиализация					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
уточняется при описании	◦	C	без уточнения	w	C ^w
			более огубленный	,	V _,
			менее огубленный	˘	V _˘
Палатализация					
Степень	Диакритика	Расположение	Степень	Диакритика	Расположение
слабая	˘	C [˘]	отсутствует	j	C ^j
умеренная	˘˘	C ^{˘˘}			
сильная	˘˘˘	C ^{˘˘˘}			
сверхсильная	˘˘˘˘	C ^{˘˘˘˘}			
Веляризация					
слабая	≈	€	отсутствует	y, ~	C ^y , €
умеренная	~	€			
сильная	≈	€			
Назализация					
слабая	~	Ṽ, Š̃	отсутствует	~	Ṽ
умеренная	~	Ṽ, Š̃			
сильная	≈	Ṽ, Š̃			

УФФТ			МФА		
Фарингализация					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
начальная	ˊ	Vˊ, Cˊ	без уточнения	ʕ, ~	Cˊ, Vˊ ʕ
конечная	ˋ	Vˋ, Cˋ			
срединная	˘	V˘			
ровная	–	V–			
разлитая	ˊ	ˊC			
локальная краткая	ˌ	Vˌ			
Дефарингализация					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
отсутствует	ˆ	Vˆ, Cˆ	отсутствует	отсутствует	отсутствует
Аспирация					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
оральная	ˈ	Vˈ, Cˈ	без уточнения	h	C ^h
гортанная	ᵗ	C ^h			
назальная	ˠ	C ^N			
Фаукальность					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	ˑ	Cˑ	без уточнения	ˑ	C ⁿ
Латеральность					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	ˡ	Cˡ	без уточнения	ˡ	C ^l
Эризованность или Ретрофлексность					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	ˠ, ˡ	Vˠ, Vˡ	без уточнения	ˠ	Vˠ
Вокализованность					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
отсутствует	˚	C˚	отсутствует	обозначается специальными литерами	
СМЕЩЕНИЕ ТЕЛА ЯЗЫКА					
По вертикали					
<i>Приподнятость</i>					
Степень	Диакритика	Расположение	Степень	Диакритика	Расположение
слабая	ː	Vː	без уточнения	ː	Vː
умеренная	ˑ	Vˑ			
сильная	ˑˑ	Vˑˑ			
<i>Приопущенность</i>					
слабая	ˑ	Vˑ	без уточнения	ˑ	Vˑ
умеренная	ˑˑ	Vˑˑ			
сильная	ˑˑˑ	Vˑˑˑ			

УФФТ			МФА		
По горизонтали					
<i>Продвинутость</i>					
Степень	Диакритика	Расположение	Степень	Диакритика	Расположение
слабая	˘	V˘	без уточнения	˘	V˘
сильная (умеренная)	˙	V˙			
сверхсильная (сильная)	˚	V˚			
<i>Отодвинутость</i>					
Степень	Диакритика	Расположение	Степень	Диакритика	Расположение
слабая	˘	V˘	без уточнения	˘	V˘
сильная (умеренная)	˙	V˙			
сверхсильная (сильная)	˚	V˚			
СМЕЩЕНИЕ КОРНЯ ЯЗЫКА					
По горизонтали					
<i>Продвинутость</i>					
Степень	Диакритика	Расположение	Степень	Диакритика	Расположение
отсутствует	˘	V˘	отсутствует	˘	V˘
<i>Отодвинутость</i>					
отсутствует	˘	V˘	отсутствует	˘	V˘
РАБОТА ГОЛОСОВЫХ СВЯЗОК					
Звонкость					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
полная	˘	ᶑ	без уточнения	˘	ᶑ
начальная	˘	˘ᶑ			
конечная	˘	ᶑ˘			
Глухость					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
полная	˘	ᶑ	без уточнения	˘	ᶑ
начальная	˘	˘ᶑ			
конечная	˘	ᶑ˘			
КОНФИГУРАЦИЯ ПЕРЕДНЕЙ ЧАСТИ СПИНКИ ЯЗЫКА					
Название	Диакритика	Расположение	Название	Диакритика	Расположение
апикальный	˘	ᶑ, V˘	апикальный	˘	ᶑ
дорсальный	˘	ᶑ, V˘	ламинальный (с уточнениями)	˘	ᶑ
какуминальный	˘	ᶑ			
ретрофлексный	˘	ᶑ˘	ретрофлексный	˘	ᶑ˘

УФФТ			МФА		
АФФРИКАТЫ, ДВУХФОКУСНОСТЬ, КОМПОНЕНТЫ ЗВУКА					
Название	Диакритика	Расположение	Название	Диакритика	Расположение
аффриката	—	СС	аффриката	—	СС (в редакции 2005 г.)
двухфокусность	—	СС	двухфокусность	—	СС
компоненты	—	С ^с	отсутствует	отсутствует	отсутствует
ДЛИТЕЛЬНОСТЬ					
Название	Диакритика	Расположение	Название	Диакритика	Расположение
сверхкраткий	˘	Ṽ, ṽ, ССС, С ^с	сверхкраткий	˘	Ṽ
краткий	нет	V, C	краткий	нет	V, C
полудолгий	·	V·, C·	полудолгий	·	V·
долгий	:	V:, C:	долгий	:	V:
сверхдолгий	: ~ : ~ ::	V: ~ V: ~ V::, C: ~ C: ~ C::	нет	нет	нет
ДВУХВЕРШИННОСТЬ					
Название	Диакритика	Расположение	Название	Диакритика	Расположение
двухвершинность	˘ ^x	C:˘, CC	удвоенная	:	C:
НАПРЯЖЕННОСТЬ					
Степень	Диакритика	Расположение	Степень	Диакритика	Расположение
Гласные					
слабая	˘	Ṽ	нет	нет	нет
умеренная	·	V·	нет	нет	нет
сильная	˘	Ṽ	нет	нет	нет
Согласные					
сверхслабая	...	С	нет	нет	нет
слабая	-	С	нет	нет	нет
сильная	=	С	нет	нет	нет
сверхсильная	≡	С	нет	нет	нет
сильноначальная	>	C>	нет	нет	нет
сильноконечная	<	C<	нет	нет	нет
МОДИФИКАЦИИ ГОЛОСА					
Придыхательный					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	..	С̣	без уточнения	..	С̣
Скрипучий					
без уточнения	~	С̣	без уточнения	~	С̣

УФФТ			МФА		
СМЫЧНОСТЬ СОГЛАСНЫХ					
Имплозивность					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	>	C _{>}	без уточнения	˘	C˘
Эксплозивность					
Тип	Диакритика	Расположение	Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	<	C _{<}	отсутствует	отсутствует	отсутствует

Литература

- Англо-русский словарь 1996 — Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 1996.
- Ахманова 1966 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Зиндер 1979 — *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979.
- Кодзасов, Кривнова 2001 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001.
- Ладефогед 1999 — *Ладефогед П.* МФА и фонетико-фонологический интерфейс // Проблемы фонетики. М.: Наука, 1999. Ч. III.
- Марузо 2004 — *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
- Наделяев 1960 — *Наделяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960.
- Наделяев 1980 — *Наделяев В. М.* Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980.
- Рыжикова 2005 — *Рыжикова Т. Р.* Консонантизм языка барабинских татар. Сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск, 2005.
- Селютина 2004 — *Селютина И. Я.* Фонологические системы языков народов Сибири. Новосибирск, 2004.
- Селютина 2006 — *Селютина И. Я.* Фонетические исследования языков Сибири: итоги и перспективы // Языковая ситуация и коммуникативные стратегии обучения. Материалы Всероссийской научно-методической конференции (Новосибирск, 29–31 января 2006 г.). Новосибирск, 2006.
- Скалозуб 1963 — *Скалозуб Л. Г.* Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев, 1963.
- Уртегешев 2002 — *Уртегешев Н. С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2002.
- Уртегешев 2004 — *Уртегешев Н. С.* Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2004.
- Щерба 1937 — *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. Л., 1937.
- Якобсон, Фант, Халле 1962 — *Якобсон Р., Фант Г., Халле М.* Введение в анализ речи. Различные признаки и их корреляты // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. II.
- Handbook of the International Phonetic Association. A Guide to the Use of the International Phonetic Alphabet. Cambridge, 1999. — Цит. по: *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001.
- <http://ru.wikipedia.org/wiki/IPA>

РЕЗЮМЕ

В статье Н. С. Уртегешева, И. Я. Селютиной, Г. А. Эсенбаевой, Т. Р. Рыжиковой, А. А. Добрининой «Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий» сопоставляются две артикуляторно ориентированные транскрипционные системы, с помощью которых можно выполнить как фонематическую, так и фонетическую запись речи. Одна из них — Международный фонетический алфавит (МФА), другая — Универсальная унифицированная фонетическая транскрипция (УУФТ) В. М. Наделяева.

SUMMARY

In the paper "UUPT and IPA phonetic transcription systems: the system of correlations" by N. S. Urtegeshev, I. Ya. Seljutina, G. A. Esenbayeva, T. R. Ryzhikova, A. A. Dobrinina two articulatory-orientated transcription systems are compared. These systems allow to make both phonemic and phonetic transcriptions. One of the systems is the International Phonetic Alphabet (IPA), and the other one is V. M. Nadelyayev's Universal Unified Phonetic Transcription (UUPT).

Personalia

Лия Сергеевна Левитская (1931—2009)

В пятницу 2-го октября 2009 г. от воспаления легких скончалась Лия Сергеевна Левитская, замечательный специалист по тюркскому языкознанию, сравнительно-исторической грамматике и лексикологии тюркских языков, тюркской этимологии, исторической фонетике и морфологии чувашского языка, кумыкской лексике и этимологии.

Л. С. Левитская родилась 23 ноября 1931 г. Поступила на филологический факультет МГУ в 1948 г. Она была одной из наиболее талантливых учениц Н. К. Дмитриева. После окончания университета была сотрудником редакции газеты «Туркменская Искра» (1953—1955 гг.); работала в отделе востоковедения Научной библиотеки им. А. М. Горького при МГУ (1956—1958), затем перешла в Институт языкознания АН СССР, в сектор тогда тюркских языков, позднее тюркских и монгольских языков, впоследствии — отдел урало-алтайских языков. Л. С. Левитская блестяще защитила кандидатскую диссертацию (24.06.1966) на тему «Историческая фонетика чувашского языка» (научный руководитель Б. А. Серебренников), которая, к сожалению, полностью не была своевременно издана; материалы из ее диссертации широко использовались при составлении «Этимологического словаря тюркских языков» (далее ЭСТЯ). Не удалось ей осуществить и замысел сравнительного исследования фонетики чувашского и якутского языков, к которому она себя готовила.

В 1976 г. Лия Сергеевна обнародовала свою «Историческую морфологию чувашского языка» (М., 1976), первую в отечественном тюркском языкознании.

Л. С. Левитская со свойственной ей энергией и доброжелательностью активно участвовала во всех фундаментальных исследованиях, предпринимавшихся сектором тюркских языков, а потом и отделом урало-алтайских языков Института. Из числа многих сотрудников сектора, которые на начальных этапах работы по Этимологическому словарю в ней принимали участие под руководством ее инициатора Э. В. Севортыяна, он включил в состав рабочего коллектива ЭСТЯ именно Л. С. Левитскую, которая уже тогда обладала методом, позволившим ей самостоятельно добывать и анализировать большой массив языковых фактов. Так формировался молодой ученый с редкой фактологической и библиографической эрудицией, с недюжинной целеустремленностью и фантастической работоспособностью.

При жизни Э. В. Севортыян завершил и увидел изданными два тома своего Словаря (ЭСТЯ 1974 и ЭСТЯ 1978), подготовил (в авторском варианте) 3-й том (ЭСТЯ 1980, отв. ред. Н. З. Гаджиева). Уже безнадежно больным Эрванд Владимирович работал в больнице над четвертым томом (им подготовлена большая часть статей на «Ж») [ЭСТЯ 1989: 9—44] и велась обработка лексических материалов для статей на букву «Й»). К счастью, Э. В. Севортыян создал творческий коллектив, для которого было долгом чести завершить работу своего университетского учителя, научного руководителя и наставника.

Грандиозным был вклад, который внесла в труд Э. В. Севортыяна Л. С. Левитская, включенная в работу над ЭСТЯ с первого тома до завершающего работу седьмого тома. Уже будучи на пенсии

она безотказно, невзирая на больные глаза, держала корректуру и сверку ЭСТЯ. После смерти Э. В. Севортына (23.03.1978) Лия Сергеевна возглавила группу этимологического словаря тюркских языков в секторе тюркских языков Института языкознания, приняв на себя не только руководство, но и исполнение очередных томов ЭСТЯ; в последнем ей помогали Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Л. Г. Офросимова-Серова, Е. А. Поцелуевский, В. И. Рассадин. Фактически не менее 60 процентов от числа всех словарных статей в томах словаря, вышедших начиная с 1989 г., написаны лично ею.

Другой общесекторской работой явилась «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (далее: СИГТЯ, работа над ней велась с середины 1970-х годов, с перерывами, по 2006 г.); и в ней Л. С. Левитская принимала участие с первого тома до последнего. См. СИГТЯ: Фонетика. М., 1984: автор разделов: К реконструкции пратюркского вокализма. С. 16—65; Пратюркский вокализм. С. 65—66; Репрезентация пратюркских гласных в современных языках и диалектах. С. 67—83; СИГТЯ: Морфология. М., 1988: Автор разделов: Наречие. С. 256—268; Поселого. С. 491—503.

Даже на пенсии Лия Сергеевна явилась одной из движущих сил будущего тома СИГТЯ 1997/2000, посвященного лексике: словник к этому тому составляли вдвоем Лия Сергеевна и А. В. Дыбо, а форму статьи разрабатывала Л. С. Левитская, ей же принадлежат статьи, составляющие четверть объема этого тома, а перечень разделов, в которые входят написанные ею статьи, занимает полстраницы наборного текста (с. 4). В томе «Региональные реконструкции» (СИГТЯ 2002) она по состоянию здоровья не писала, но успела собрать материал по огузской морфологии, так что раздел «Огузские языки. Фонетика. Морфология: Имя» значится под авторством А. В. Дыбо *при участии Л. С. Левитской* (на обороте титульного листа ее имя числится в перечне авторов тома). Последний, шестой том — СИГТЯ 2006, посвященный реконструированной фонетике и морфологии пратюркского языкового состояния, содержит также картину мира пратюркского этноса по данным языка. Здесь по принципу «зеркального отражения» в основе больших лексических областей, важных в этнокультурном отношении, лежат ее разделы из СИГТЯ 1997/2000, а именно в основе очерков «Климат» [там же: 352—371] и «Материальный быт. Одежда» [там же: 477—491] «лежит раздел “Метеорология” тома “Лексика” (СИГТЯ 1997, 13—49, автор — Л. С. Левитская)» [там же: примеч. 77 к с. 352] и «раздел “Одежда, обувь, головные уборы” тома “Лексика” (СИГТЯ 1997, 472—485, автор — Л. С. Левитская)» [там же: примеч. 187 к с. 477].

Аспиранты Л. С. Левитской — Юдит Дмитриева-Салонтаи, А. В. Дыбо, Е. А. Лебедева, О. А. Мудрак — успешно занимаются сравнительно-исторической тюркологией и стремятся развивать работы Лии Сергеевны по тюркской этимологии. Ею опубликовано более 60 научных работ, в том числе индивидуальная монография: Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. Последняя по времени крупная публикация — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на Л, М, Н, П, С. М.: Восточная литература, 2003. Л. С. Левитская соавт. с Г. Ф. Благовой, А. В. Дыбо, Д. М. Насиловым, Е. А. Поцелуевским. До последних недель жизни Лию Сергеевну занимали кумыкские этимологии в аспекте составления этимологического словаря отдельного тюркского языка; интерес к кумыкскому языку она унаследовала от своего учителя Н. К. Дмитриева.

Яркий образ замечательного ученого, беззаветно и бескорыстно преданного делу развития отечественной тюркологии (чему она много способствовала сама), чистого и скромного — человека «не от мира сего», обезоруживающего своей добротой, открытостью, готовностью помочь и откликнуться и на чужую радость, и на чужие неприятности, — останется в сердцах не только тех, кто ее знал, любил и ценил, но и тех, кто с ней хоть раз общался, консультировался...

Уходит поколение тюркологов, возвращенных нашими университетскими учителями — «средним поколением»; от них поучиться можно было многому, и не только по части тюркологии. Вслед за Лией Сергеевной в начале же октября ушла из жизни гагаузовед Людмила Александровна Покровская, еще раньше — Александр Михайлович Щербак...

А. В. Дыбо, Г. Ф. Благова

Ниже печатается подборка откликов коллег на печальную весть, которые прозвучали над гробом Лии Сергеевны.

Тюркологи Института восточных рукописей РАН (СПб.) и я сам глубоко скорбим вместе с вами по поводу кончины Лии Сергеевны. Ее замечательные работы в области тюркской лексикологии и тюркского языкознания в целом являются крупным вкладом в нашу общую науку и остаются нашим общим достоянием.

С. Г. Кляшторный

Смерть Лии Сергеевны Левитской — невосполнимая утрата для тюркологии, прежде всего — для сравнительного изучения тюркских языков. Лия Сергеевна — как и многие лингвисты ее поколения — уделяла особое внимание достоверности и надежности языковых фактов и отличалась

глубоким знанием материала, что позволило ей оставить потомкам такую интереснейшую фундаментальную работу, как «Историческая морфология чувашского языка», и предложить многие ряды пратюркских и межтюркских реконструкций, созданных в рамках работы над «Этимологическим словарем тюркских языков».

Ставшая уже классической монография Лии Сергеевны «Историческая морфология чувашского языка» активно использовалась в работе сотрудниками отдела алтайских языков (в 2003 году вошедшего в состав отдела языков народов России) Института лингвистических исследований. Мы всегда с большим интересом ожидали появления новых научных работ Лии Сергеевны. Наши коллеги из других отделов Института неизменно находили в работах Лии Сергеевны интересный материал для сопоставительных и типологических исследований.

Лия Сергеевна не только была талантливым ученым, но и щедро делилась своими знаниями с учениками, и это вселяет уверенность в том, что начатые Лией Сергеевной исследования будут успешно продолжены.

Заведующий отделом языков народов России
Института лингвистических исследований РАН
(СПб.)

Е. В. Головки

Чувашские коллеги выражают искренние соболезнования в связи с кончиной замечательного тюрколога, чувашевода Лии Сергеевны Левитской, автора основополагающих трудов по исторической фонетике и морфологии чувашского языка. Это большая утрата для нас всех. Светлая память о прекрасном человеке сохранится в наших сердцах.

Чувашский государственный
ин-т гуманитарных наук,
В. Г. Харитонова (и. о. директора Ин-та)

Кафедра чувашского языкознания и востоковедения Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова выражает соболезнование по поводу смерти Лии Сергеевны Левитской и скорбит вместе с Вами.

Зав. кафедрой *В. И. Сергеев*

Примите мои соболезнования...Такая большая утрата... Известие отправила в Финляндию, Германию, Венгрию, Турцию, Удмуртию, Татарстан, Башкортостан, российские вузы, где Лию Сергеевну знали, знают, будут знать и будут еще долго пользоваться ее трудами.

Алина Сосаева

Скорбим по поводу кончины известного тюрколога Левитской Л. С.

Языковеды Института образования ЧР
Андреев, Скворцов, Виноградов

I am very sorry for your loss. When I studied with Prof. Rona-Tas and his students in 1982, I first came to understand the importance of her work and I still cherish my copy of it.

Respectfully,
Yulay Shamioğlu

Professor of Turkic & Central Eurasian Studies
Department of Languages and Cultures of Asia
University of Wisconsin-Madison

I read with great sorrowness the bad news. It is almost a half hundred years that I knew her. Lia Sergejevna helped me in my first steps to learn and investigate the Chuvash language. We met several times in Moscow and her great knowledge and kind personality was always at hand.

She was in October 1977 in Hungary, one of her very few travels abroad. In a difficult time she was of great help the Hungarian Turkology and especially for Chuvash and comparative-historical studies. She was very modest, perhaps too modest in several cases, but could fight for the good cases of scholarship as few have done. Her publications, sometimes signed only as L. L. are invaluable and will pertain to the foundations of Altaic studies. Her passing away will be a special loss for our Chuvash friends in Cheboksary, at the University and the Research Institute. She had brilliant postgraduate students, and they were her spiritual children, live books bound in knowledge and love. We, here in Hungary and all over the world where Turkology is a meaningful term, will miss her. Lia Sergejevna was a good companion, a good friend, a good scholar. Please accept my deepest sympathy in your great bereavement. We will remember her in Szeged on a special occasion.

András Róna-Tas
member of the Hungarian Academy of Science
professor emeritus (Budapest)

I express my condolences with your and our loss of an excellent colleague. It is a consolation that her students will continue the work.

M. M. Tatár

Я всегда помню Лию Сергеевну как доброго и деликатного человека. Как жаль, что таких людей вокруг нас становится все меньше и меньше.

Ольга Каменева
(ИСАА, каф. турецкой филологии)

Преподаватели кафедры истории татарского языка и общего языкознания факультета татарской филологии и истории Казанского государственного университета выражают глубокое соболезнование в связи с кончиной известного ученого — тюрколога Лии Сергеевны Левитской. Ее вклад в развитие изучения истории тюркских языков, тюркской этимологии имеет фундаментальное

значение. На ее работах основываются исследования казанских ученых языковедов.

Светлая память о Лии Сергеевне Левитской сохранится в наших сердцах.

зав. кафедрой истории татарского языка
и общего языкознания
Казанского государственного университета
Ф. Ш. Нуриева

Глубоко скорблю по поводу кончины Лии Сергеевны Левитской. Передайте соболезнования коллегам Лии Сергеевны.

Азиз Джураев
Ташкент, Узбекистан

Примите мои соболезнования по случаю кончины Лии Сергеевны Левитской. В ее лице ушел и большой тюрколог и замечательный человек.

чл.-корр. РАН *А. Е. Аникин*
Новосибирск

Выражаем искреннее соболезнование коллективу Института языкознания РАН по поводу кончины дорогой Лии Сергеевны Левитской. Отечественная наука понесла невосполнимую утрату в связи с уходом из жизни великого труженика, высокого профессионала, прекрасного, скромного человека. Якутские языковеды навсегда сохранят в своем сердце благодарную память о своем дорогом коллеге, друге, добром наставнике.

От имени якутских языковедов
зам. директора ИГиИПМНС СО РАН
Н. И. Попова
зам. председателя Совета по языковой политике
при Президенте Республики Саха (Якутия)
П. А. Слепцов
декан факультета якутской филологии
и культуры ЯГУ *Г. Г. Филиппов*
зав. лабораторией *И. Е. Алексеев*
зав. сектором грамматики и диалектологии
Н. И. Данилова
зав. сектором якутской лексикографии
В. Д. Монастырев

Нас глубоко взволновало и огорчило известие об уходе из жизни Лии Сергеевны Левитской, замечательного ученого и светлого человека. Ее труды по истории чувашского языка — классика российской тюркологии, ее вклад в подготовку этимологических словарей и сравнительно-исторических грамматик никто не может оценить лучше вас, ее коллег. Мы разделяем вашу горе потери такого яркого и доброго человека. Ее жизнь продлится в нашей памяти.

От Новосибирских тюркологов
зав. Сектора языков народов Сибири
Н. Н. Широкова
зав. фонет лабораторией, Ин-т филологии СО
РАН *И. Я. Селютин*

Кафедра шорского языка и литературы скорбит по поводу кончины Лии Сергеевны Левитской. Ее научные изыскания внесли существенный вклад в развитие отечественной лингвистики, ее идеи развивают ее ученики. Низкий поклон Лии Сергеевне за ее самоотверженный труд и вечная память.

И. В. Шенцова
Новокузнецк

От имени научно-исследовательской группы алтайского языка Государственного Научного Учреждения Республики Алтай НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова примите искренние соболезнования по поводу ухода из жизни известного ученого, специалиста по тюркскому языкознанию, сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, тюркской этимологии, исторической фонетике и морфологии чувашского языка Лии Сергеевны Левитской. Это большая потеря не только для ее друзей, коллег и учеников, но и для всего ученого мира.

Руководитель научно-иссл. группы
по алтайскому языку
Н. Н. Тыдыкова

Примите наши соболезнования по поводу безвременной кончины Левитской Лии Сергеевны — выдающегося отечественного ученого-тюрколога.

От имени сотрудников кафедры теоретической и прикладной лингвистики Читинского гос. университета

Р. Г. Жамсаранова

Искренне выражаем соболезнование по поводу смерти Лии Сергеевны. Ее талант и добросовестное отношение к своему делу помогли не только подготовить солидные научные труды по проблемам тюркологии, но и взрастить молодых, пытливых исследователей в области урало-алтаистики. Ее имя навсегда сохраним в наших сердцах.

А. М. Гребнева,
кафедра эрзянского языка МордГУ

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН (Уфа) выражает глубокое соболезнование всем тюркологам России в связи с кончиной крупнейшего тюрколога-этимолога, специалиста по сравнительно-исторической тюркологии Лии Сергеевны Левитской.

От имени коллектива Института
директор *Ф. Г. Хисамитдинова*

Тюркологи Башкирского государственного университета с глубоким прискорбием узнали о смерти одного из ведущих ученых-лингвистов — алтаиста, тюрколога Лии Сергеевны Левитской, чье имя известно далеко за пределами Российской Федерации.

Лия Сергеевна для аспирантов, соискателей и докторантов Сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания была в истинном смысле слова Человеком и Ученым с большой буквы. Своими глубокими знаниями в области тюркологии, алтаистики и в общей лингвистике она умела щедро делиться со всеми, кто к ней обращался.

Душевная щедрость, улыбка, легкая и располагающая к доверительному разговору, ее дружелюбное отношение к людям останется навсегда в нашей памяти.

Тюркологи Башкирского государственного университета

Мы, тюркологи Дагестана, скорбим по случаю кончины замечательного ученого Лии Сергеевны Левитской и выражаем искренние соболезнования коллегам и ученикам Лии Сергеевны. Ее «Кумыкские этимологии» являются настольной книгой каждого кумыковеда.

От имени тюркологов Дагестана
Нурмагомед Гаджирахмедов

Прискорбно сознавать, что постепенно уходят наши учителя, люди редчайшего человеческого качества и ума. Мне же просто посчастливилось находиться среди них короткое время, оставившее незабываемые впечатления и решительно повлиявшее на всю мою жизнь.

Лию Сергеевну я знала мало, и она меня однажды очень удивила, подарив мне редкое издание — «Краткую грамматику якутского языка протоиерея Д. Хитрова» (1858). Книга была бережно переплетена, видимо, принадлежала ей самой. Лия Сергеевна словно чувствовала, что я буду вовлечена в работу по переводу Нового Завета на якутский язык и что все, связанное с распространением православия (в Якутии и вообще) впоследствии будет иметь большое значение для меня.

Светлана Андросова
Лондон

Мое глубокое соболезнование в связи с кончиной Лии Сергеевны Левитской. Я знал и использовал в своей работе многие ее труды.

Henryk Jankowski
Warszawa

Mit großer Betroffenheit habe ich vom Tod unserer verehrten Kollegin Frau Lia Sergejevna Levitskaya erfahren. Ich bedauere diesen Verlust am tiefsten.

Prof. Dr. *Osman Fikri Sertkaya*
İstanbul Universität

I just found this sad message during my stay in Turkey. Too bad, she really was a great scholar.

What remains is to remember her ...

Prof. Dr. *Claus Schönig*
Freie Universität Berlin

Смерть Лии Сергеевны — невосполнимая потеря для русской и международной тюркологии. Ее выдающиеся труды не забудет венгерская тюркология, ее книга по чувашской исторической морфологии — необходимый материал для новых поколений студентов. Преданность Лии Сергеевны своей работе, ее самоотверженность, бескорыстие снискали ей уважение и любовь всех, кто знал ее. Наши встречи навсегда останутся в моей памяти, глубоко сожалею о ее уходе.

Проф. *Клара Адягаши*
Szeged, Hungary

Please transmit my condolence to the colleagues of the late Professor Levitskaya.

Geng Shimin
Пекин, Институт национальностей,
акад. Академии наук КНР

That is pity Prof. Levitskaya passed away. We have used her morphology a lot with my teacher T. Tekin. My condolences to you.

Mehmet Ölmez
Editor of Turk Dilleri Araştırmaları

I am very sorry to come to know of Professor Liya Sergejevna Levitskaya's death. I am interested especially in Hungarian language and I did appreciate her study about Chuvash morphology because of the importance Chuvash has for the history of Hungarian.

Gianguido Manzelli
University of Pavia (Italy)

Позвольте выразить искреннее сочувствие всем, кто хорошо знал Лию Сергеевну. Я не имел возможности знать ее лично, но ее труды оказали влияние на мое развитие, и я с сожалением понимаю, какой талантливый человек ушел...

В. В. Приходько
Стерлитамак

Свои соболезнования выразили также проф. докт. Марек Стаховский (Inst. Fil. Orient. UJ, Kraków, Polska), Владимир Напольских (Ижевск); Ирина Николаева (SOAS, London).